

ИВАНЪ БУНИНЪ

О С В О Б О Ж Д Е Н І Е
Т О Л С Т О Г О

YMCA-PRESS
PARIS

ИВАНЪ БУНИНЪ

**О С В О Б О Ж Д Е Н І Е
Т О Л С Т О Г О**

YMCA-PRESS

PARIS

ИВАНЪ БУНИНЪ

ОСВОБОЖДЕНІЕ ТОЛСТОГО

Tous droits réservés.
Copyright by Ivan Bunin. 1937.

I

«Совершенный, монахи, не живетъ въ довольствѣ. Совершенный, о монахи, есть святой Высочайшій Будда. Отверзите уши ваши: освобожденіе отъ смерти найдено».

И вотъ и Толстой говоритъ объ «освобожденіи»:

— Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышленія и что сущность жизни внѣ этихъ формъ, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ...

Въ этихъ словахъ, еще никѣмъ никогда не отмѣченныхъ, главное указаніе къ пониманію его всего.

Астапово — завершеніе «освобожденія», которымъ была вся его жизнь, не взирая на всю великую силу «подчиненія».

Помню, съ какимъ восторгомъ сказалъ онъ однажды словами Пифагора Самосскаго: «Нѣтъ у тебя, человѣкъ, ничего, кромѣ души!» Знаю, какъ часто повторялъ Марка Аврелія: «Высшее назначеніе наше — готовиться къ смерти». Такъ онъ и

самъ писалъ: «Постоянно готовишься умирать. Учишься получше умирать.»

«Я — Антонинъ, но я и человекъ; для Антонина градъ и отечество — Римъ, для человека — міръ.»

Для Толстого не осталось въ годы его высшей мудрости не только ни града, ни отечества, но даже міра; осталось одно: Богъ; осталось «освобожденіе», уходъ, возвратъ къ Богу, раствореніе — снова раствореніе — въ Немъ.

Князь Андрей слушалъ пѣніе Наташи:

— Страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно великимъ и неопредѣленнымъ, бывшимъ въ немъ, и чѣмъ-то узкимъ и тѣлеснымъ, чѣмъ былъ онъ самъ и даже была она, — эта противоположность томила и радовала его во время ея пѣнія...

Эта «противоположность» томила Толстого съ рожденія до послѣдняго вздоха.

Какъ умиралъ князь Андрей?

«Чѣмъ больше онъ въ тѣ часы страдальческаго уединенія и бреда, которые онъ провелъ послѣ своей раны, вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви значило — никого не любить, значило — не жить этой земной жизнью.»

«Отверзите уши ваши, монахи: освобожденіе отъ смерти найдено. Я поучаю васъ, я проповѣдую

Законъ. Если вы будете поступать сообразно поученіямъ, то черезъ малое время получите то, ради чего благородные юноши. уходятъ съ родины на чужбину, получите высшее исполненіе священнаго стремленія; вы еще въ этой жизни познаете истину и увидите ее воочію.»

Христосъ тоже звалъ «съ родины на чужбину»: «Враги чловѣку домашніе его... Кто не оставитъ ради Меня отца и матери, тотъ не идетъ за Мной.»

Ихъ не мало было, «благородныхъ юношей, покинувшихъ родину ради чужбины»: былъ царевичъ Готами, былъ Алексѣй Божій чловѣкъ, былъ Юліанъ Милостивый, былъ Францискъ изъ Ассизи... Къ лику ихъ сопрічислился и старецъ Левъ изъ Ясной Поляны.

II

— Родился я и провелъ первое дѣтство въ деревнѣ Ясной Полянѣ...

Онъ началъ этими словами свои неоконченныя «Первыя воспоминанія», которыя писалъ для своего друга и послѣдователя Бирюкова, предпринявшаго составленіе его біографіи. Онъ раздѣлилъ тогда свою жизнь на семилѣтія, говорилъ, что «соотвѣтственно семилѣтіямъ тѣлесной жизни человѣка, признаваемымъ даже и нѣкоторыми фізіологами, можно установить и семилѣтія въ развитіи жизни духовной». Этихъ семилѣтій было съ небольшимъ недочетомъ двѣнадцать.

Первое — дѣтство:

Рожденіе и жизнь въ Ясной Полянѣ. Родился (отъ графа Николая Ильича Толстого и графини Маріи Николаевны Толстой, урожденной княжны Волконской) 28 августа 1828 года*. На второмъ году отъ рожденія потерялъ мать, умершую 39 лѣтъ. Ученіе началъ дома, съ гувернеромъ нѣмцемъ, написаннымъ въ «Дѣтствѣ» подъ именемъ Карла Ивановича.

Второе — отрочество:

Жизнь съ семьей и продолженіе ученія въ Мос-

* Даты вездѣ по старому стилю.

квѣ. Тамъ, на восьмомъ году отъ роду, потерялъ отца, внезапно умершаго отъ разрыва сердца 42 лѣтъ.

Третье — юность:

Переѣздъ сиротъ въ Казань къ бабушкѣ по отцу, ученіе въ казанскомъ университетѣ. Университетское ученіе, за малыми успѣхами* въ наукахъ и въ силу собственнаго сознанія «безполезности всего того, чему эти науки учать», оставилъ со второго курса, чтобы воротиться въ Ясную Поляну и посвятить себя сельскому хозяйству и заботамъ о своихъ крѣпостныхъ. Послѣ разочарованія и въ этомъ, уѣхалъ въ Москву, потомъ въ Петербургъ, съ намѣреніемъ служить по гражданской службѣ.

Четвертое — отъ 21 года до 28 лѣтъ:

Разочарованіе въ мечтахъ и о гражданской

* Этимъ малымъ успѣхамъ много способствовала та свѣтская жизнь, которую велъ тогда юноша Толстой. Онъ поступилъ въ университетъ сперва на факультетъ арабско-турецкой словесности, когда же, из-за своей свѣтской праздности, не былъ переведенъ съ 1-го курса на 2-ой, перешелъ на факультетъ юридическій. Но и этотъ факультетъ не вызвалъ въ немъ охоты къ университетскому образованію. «Что вынесемъ мы съ вами изъ университета? — спрашивалъ онъ однажды одного своего товарища. — Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись восвояси, въ деревню? На что будемъ пригодны, кому нужны? Смерть князя Игоря, змѣя, ужалившая Олега, — что же это, какъ не сказки, и кому нужно знать, что второй бракъ Іоанна на дочери Темрюка совершился 21 августа 1562 года, а четвертый на Аннѣ Колтовской въ 1572 году? А какъ пишется исторія? Грозный царь Іоаннъ вдругъ съ 1560 года изъ добродѣтельнаго и мудраго превращается въ безсмыслениаго, свирѣпаго тирана. Какъ и почему? Объ этомъ и не спрашивается!» Такъ уже и тогда стала обнаруживаться одна изъ главныхъ чертъ его — вызывающее презрѣніе къ общепринятому, тоже идущее изъ жажды «освобожденія», борьбы съ «подчиненіемъ».

службѣ. Военная служба на Кавказѣ, потомъ въ осажденномъ Севастополѣ. Начало писательства. Написалъ въ это семилѣтіе: «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность», «Севастопольскіе рассказы», «Метель», «Два гусара», «Утро помещика»; началъ «Казачи».

Пятое — отъ 28 до 35 лѣтъ:

Выходъ изъ военной службы, заграничныя путешествія для знакомства съ постановкой школьнаго дѣла въ Европѣ, педагогическая и судебная дѣятельность въ Ясной Полянѣ — и женитьба на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ. «Казачи» и начало «Войны и мира». Въ это семилѣтіе потерялъ брата Дмитрія, потомъ брата Николая.

Шестое — отъ 35 до 42 лѣтъ:

Семейная жизнь, уже четверо дѣтей, хозяйство, писаніе и печатаніе «Войны и мира».

Седьмое — отъ 42 до 49 лѣтъ:

Поѣздки на леченіе кумысомъ въ Самарскую губернію. Тамъ же работа на голодѣ. «Анна Каренина». Рожденіе еще четверыхъ дѣтей (изъ которыхъ два мальчика умерли).

Восьмое — отъ 49 до 56 лѣтъ:

«Исповѣдь». Переѣздъ въ Москву для воспитанія дѣтей. Знакомство съ Чертковымъ. «Чѣмъ люди живы», «Въ чемъ моя вѣра», «Такъ что же намъ дѣлать». Рожденіе еще одного сына и еще одной дочери (Александры).

Девятое — отъ 56 до 63 лѣтъ:

Жизнь въ Москвѣ. Рассказы для народа, «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Плоды просвѣщенія», «Крейцеровъ соната», начало писанія «Воскресенія». Рожденіе еще одного ребенка, Ванички.

Десятое — отъ 63 до 70 лѣтъ:

Новая работа на голодѣ (въ Тульской губерніи). Отказъ отъ авторскихъ правъ на все, что написано послѣ 1881 г. «Царство Божіе внутри насъ», «Хозяинъ и работникъ», «Объ искусствѣ». Смерть Ванички.

Одиннадцатое — отъ 70 до 77 лѣтъ:

Первая тяжелая болѣзнь. Появление въ печати «Воскресенія». Отлученіе отъ Церкви. Переѣздъ всей семьи въ Ясную Поляну. Зима въ Крыму, гдѣ пережиты еще воспаленіе легкихъ и брюшной тифъ. Начало составленія «Круга чтенія». Писаніе писемъ и обращеній: къ духовнымъ друзьямъ и послѣдователямъ, къ правительству, къ военнымъ, къ церковнослужителямъ, къ политическимъ и общественнымъ дѣятелямъ...

И, наконецъ, двѣнадцатое, не дожитое — отъ 77 до 83 лѣтъ:

Смерть наиболее любимой и близкой по духу дочери Маши. Тайное составленіе завѣщанія, въ которомъ право на всѣ его писанія передавалось Александрѣ Львовнѣ, а распоряженіе ими Черткову. Бѣгство въ ночь съ 27 на 28 октября 1910 года изъ Ясной Поляны; болѣзнь въ пути и смерть на железнодорожной станціи Астапово (7 ноября).

Эта смерть была его послѣднимъ «освобожденіемъ».

Уйти, убѣжать онъ стремился давно. Еще въ 1884 г. писалъ въ дневникѣ:

— Ужасно тяжело. Напрасно не уѣхалъ... Этого не миновать...

Въ 1897 г. опять совсѣмъ было рѣшилъ уйти,

даже написалъ прощальное письмо Софьѣ Андреевнѣ — и опять не осуществилъ своего рѣшенія: вѣдь бросить семью — это, значитъ, думать только о себѣ, а каково будетъ семьѣ, какой это будетъ для нея ударъ! Онъ тогда писалъ:

— Какъ индусы подъ 60 лѣтъ уходятъ въ лѣсъ, какъ всякому религіозному человѣку хочется послѣдніе годы жизни посвятить Богу, а не шуткамъ, каламбурамъ, сплетнямъ, теннису, такъ и мнѣ, вступая въ свой семидесятый годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія и хоть неполнаго согласія, но некричащаго разногласія со своими вѣрованіями, со своей совѣстью...

То же писалъ и въ ночь бѣгства:

— Я дѣлаю то, что обыкновенно дѣлаютъ старики моего возраста. Уходятъ изъ мірской жизни, чтобы жить въ уединеніи и въ тиши послѣдніе дни своей жизни...

Къ бѣгству подбивали его и со стороны. За мѣсяць до бѣгства онъ писалъ:

«Отъ Черткова письмо съ упреками и обличеніемъ», — за то, что онъ, Толстой, все продолжаетъ жить такъ, какъ живетъ. — «Они разрываютъ меня на части. Иногда думается уйти ото всѣхъ.»*

Чертковъ въ послѣдствіи оправдывался, говорилъ, что не настаивалъ на его уходѣ. Нѣтъ, онъ только колебался, — на примѣръ, такъ писалъ толстовцу болгарину Досеву:

— Если бы онъ ушелъ изъ дому, то, при его преклонныхъ лѣтахъ и старческихъ болѣзняхъ, онъ

* Всюду, гдѣ это не оговорено, курсивъ мой.

уже не смогъ бы жить физическихъ трудомъ. Не могъ бы онъ также пойти съ посохомъ по міру и заболѣть и умереть гдѣ-нибудь на большой дорогѣ или проходимъ странникомъ въ чужой избѣ... онъ не могъ бы такъ поступить изъ простой любви къ любящимъ его людямъ, къ своимъ дочерямъ и друзьямъ, близкимъ ему по сердцу и духу. Онъ не могъ бы, не становясь жестокимъ...

Какъ бы тамъ ни было, онъ рѣшился наконецъ и на полную возможность «умереть гдѣ-нибудь на большой дорогѣ» и на «жестокость». 28 октября онъ былъ уже въ Оптиной Пустыни:

— 28 окт. 1910 г., Оптина Пустынь. Легъ (вчера) въ половинѣ 12. Спалъ до третьяго часа. Проснулся и опять, какъ прежнія ночи, услыхалъ отворяніе дверей и шаги. Въ прежнія ночи я не смотрѣлъ на свою дверь, нынче взглянулъ и вижу въ щеляхъ яркій свѣтъ въ кабинетѣ и шуршаніе. Это Софья Андреевна что-то разыскиваетъ, вѣроятно, читаетъ. Наканунѣ она просила, требовала, чтобы я не запиралъ дверей. Ея обѣ двери отворены, такъ что малѣйшее движеніе слышно ей. И днемъ и ночью всѣ мои движенія, слова должны быть извѣстны ей и быть подъ ея контролемъ. Опять шаги, осторожное отпираніе двери и она проходитъ. Не знаю отъ чего, это вызвало во мнѣ неудержимое отвращеніе, возмущеніе. Хотѣлъ заснуть, не могу, поворочался около часа, зажегъ свѣчу и сѣлъ. Отворяетъ дверь и входитъ Софья Андреевна, спрашивая «о здоровьѣ» и удивляясь на свѣтъ у меня. Отвращеніе и возмущеніе растутъ, задыхаюсь, считаю пульсъ: 97. Не могу лежать и вдругъ принимаю окончательное

рѣшеніе уѣхать. Бужу Душана*, потомъ Сашу, они помогаютъ мнѣ укладываться. Я дрожу при мысли, что она услышитъ, выйдетъ — сцена, истерика, и ужъ впредь безъ сцены не уѣхать. Въ 6-мъ часу все кое какъ уложено; я иду на конюшню велѣть закладывать; Душанъ, Саша, Варя доканчиваютъ укладку. Ночь — глазъ выколи, сбиваюсь съ дорожки къ флигелю, попадаю въ чащу, накалываюсь, стучаюсь объ деревья, падаю, теряю шапку, не нахожу, на силу выбираюсь, иду домой, беру шапку и съ фонарикомъ добираюсь до конюшни, велю закладывать. Приходитъ Саша, Душанъ, Варя. Я дрожу, ожидая погони. Но вотъ уѣзжаемъ. Въ Щекинѣ ждемъ часъ, и я всякую минуту жду ея появленія. Но вотъ сидимъ въ вагонѣ, трогаемся, и страхъ проходитъ, и поднимается жалость къ ней, но не сомнѣніе, сдѣлалъ ли то, что должно. Можетъ быть, ошибаюсь, оправдывая себя, но, кажется, что я спасалъ себя, — не Льва Николаевича, а спасалъ то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мнѣ. Доѣхали до Оптиной. Я здоровъ, хотя не спалъ и почти не ѣлъ. Путешествіе отъ Горбачева въ третьеклассномъ набитомъ рабочимъ народомъ вагонѣ очень поучительно и хорошо, хотя я и слабо воспринималъ. Теперь 8 часовъ, мы въ Оптинѣ...

О томъ, куда ему направиться, послѣ того какъ онъ убѣжитъ изъ Ясной Поляны, онъ думалъ нѣчто очень неопредѣленное: «Куда-нибудь за границу... на примѣръ, въ Болгарію... Или въ Новочеркасскъ и дальше — куда-нибудь на Кавказъ...» Въ послѣднюю

* Докторъ Душанъ Маковицкій, домашній врачъ, другъ и послѣдователь.

минуту онъ выбралъ какъ первую цѣль монастырь въ селѣ Шамардинѣ, гдѣ доживала свою жизнь его престарѣлая сестра, монахиня мать Марія.

— Ты останешься, Саша, — сказалъ онъ дочери въ ночь бѣгства. — Я вызову тебя черезъ нѣсколько дней, когда рѣшу окончательно, куда я поѣду. А поѣду я по всей вѣроятности къ Машенькѣ въ Шамардино...

«Къ Машенькѣ» — это значитъ: къ той единственной, что осталась на свѣтѣ отъ того безконечно далекаго времени, когда только что начиналась жизнь, когда «намъ братьямъ было — мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7, и Николенька (которому было 11) объявилъ намъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзни, никакихъ неприятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются «муравейными братьями...» Известно, что это было, эти муравейные братья:

— Вѣроятно, это были моравскіе братья, о которыхъ Николенька слышалъ или читалъ. Я помню, что слово «муравейные» намъ особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ муравейные братья, которая состояла въ томъ, что садились подъ стулья, загораживали ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. Я, помню, испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру. Муравейные братья были открыты намъ, но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій,

никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, какъ онъ намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага стараго Заказа, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я, такъ какъ надо же гдѣ-нибудь зарыть мой трупъ, просилъ, въ память Николеньки, закопать меня...

Послѣдніе годы его жизни были несказанно трогательны и прекрасны. И вотъ въ это время онъ ѣхалъ однажды съ Александрой Львовной верхомъ мимо этого мѣста:

«Мы возвращались съ отцомъ домой, поровнялись съ полянкой, гдѣ весной на бугоркѣ цвѣли голубымъ полемъ незабудки, а лѣтомъ росли бархатные съ розовымъ корнемъ и коричневой подкладкой крѣпкіе грибы боровики. Отецъ окликнулъ меня:

— Саша!

И, когда я, пришпоривъ лошадь, подѣхала, онъ сказалъ:

— Вотъ тутъ, между этими дубами... — Онъ натянулъ поводъ и хлыстомъ, отчего лошадь нервно дернулась, указалъ мнѣ мѣсто. — Тутъ схороните меня, когда я умру...»

Теперь, въ эту послѣднюю свою ночь въ томъ домѣ, гдѣ онъ провелъ почти весь свой вѣкъ, онъ разставался даже и съ этой мечтой — лежать въ могилѣ среди тѣхъ родныхъ дубовъ, мѣсто которыхъ было связано съ памятью Николеньки. «Иногда думается уйти ото всѣхъ». Могъ-бы прибавить: и ото всего.

Почему онъ бѣжалъ? Конечно, и потому, что «тѣсна жизнь въ домѣ, мѣсто нечистоты есть домъ».

какъ говорилъ Будда. Конечно, и потому, что не стало больше силъ выдерживать многолѣтніе раздоры съ Софьей Андреевной изъ-за Черткова, изъ-за имущества... Софья Андреевна, заболѣвшая въ концѣ концовъ и душевно и умственно, довела уже до настоящаго ужаса своими преслѣдованіями, и уже крайнихъ предѣловъ достигъ стыдъ — жить въ безобразіи этихъ раздоровъ и въ той «роскоши», которой казалась ему жизнь всей семьи и въ которой и самъ былъ принужденъ жить. Но только-ли эти причины побуждали къ бѣгству?

— Мнѣ очень тяжело въ этомъ домѣ сумасшедшихъ, — писалъ онъ въ своемъ дневникѣ.

Но писалъ и другое, гораздо болѣе важное:

— Хороша у Ж. П. Рихтера сказка объ отцѣ, воспитавшемъ дѣтей подъ землей. Имъ надо умереть, чтобы выйти на свѣтъ. И они страшно желали смерти...

— Нѣтъ болѣе распространеннаго суевѣрія, что человекъ съ его тѣломъ есть нѣчто реальное.

— Хорошо думаль о безуміи личной жизни — не только личной жизни своей, но и жизни общей, временной.

— Что такое я? Отчего я?

— Пора проснуться, то есть умереть.

— Вещество и пространство, время и движеніе отдѣляютъ меня и всякое живое существо отъ Всего Бога.

— Все меньше понимаю міръ вещественный и, напротивъ, все больше и больше сознаю то, чего нельзя понимать, а можно только сознавать.

— «Но какъ же родъ человѣческій?» Не знаю.

Знаю только, что законъ совокупленія не обязателенъ человѣку.

— Подняться на точку, съ которой видишь себя. Все въ этомъ.

— Мой духъ живетъ и будетъ продолжать жить. «Но это уже не твой будетъ духъ»; говорятъ на это. *То-то и хорошо, что къ этому тому, что останется жить послѣ меня, не будетъ примѣшана личность*, отвѣчаю я. Личность есть то, что мѣшаетъ сліянію моей души со Всѣмъ.

— Тѣло? Зачѣмъ тѣло? Зачѣмъ пространство. время, причинность?

Онъ бѣжалъ «куда-нибудь» и не могъ не знать, что, по его годамъ и слабостямъ тѣлеснымъ, при тѣхъ обморокахъ, въ которые онъ впадалъ дома при малѣйшемъ переутомленіи, ждала его на пути только смерть. «Но это-то и хорошо». Лишь бы не умереть, какъ умираетъ человѣкъ этого міра, а умереть какъ звѣрь, — по древнѣйшему закону природы: въ той сзѣщенной тайнѣ, въ которой умираетъ «гдѣ-то» всякій свободный звѣрь, всякая свободная птица, ибо никогда не находятъ человѣкъ ни свободнаго звѣря, ни свободной птицы мертвыми ни въ городѣ, ни въ деревнѣ, ни даже въ чистомъ полѣ. И, умирая, въ бреду, несвязно внѣшне, но совершенно точно внутренно, онъ сказалъ (въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ тѣмъ, что цитировано выше) чисто индусскія слова:

— *Все Я... все проявленія... довольно проявленій...*

Есть въ книгѣ его секретаря Булгакова запись,

поражающая всѣхъ: «Я разлюбилъ Евангеліе, сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ за 4 мѣсяца до своей смерти». Но ничего не будетъ въ этихъ словахъ поразительнаго, если вспомнить, что онъ сказалъ о своей жизни, раздѣливъ ее «на три фазиса». Сперва, дѣля ее на семилѣтія, онъ писалъ Бирюкову:

— Когда я подумалъ, чтобы написать всю истинную правду о себѣ, не скрывая ничего дурнаго моей жизни, я ужаснулся передъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое должна была бы произвести такая біографія... Я записалъ у себя въ дневникъ 6 января 1903 года слѣдующее: «Я теперь испытываю муки ада: вспоминаю всю мерзость моей прежней жизни, и воспоминанія эти не оставляютъ меня и отравляютъ мнѣ жизнь...»

Потомъ онъ раздѣлилъ свою жизнь «на періоды» и судъ себѣ вынесъ уже болѣе милостивый:

— Вспоминая свою жизнь, то есть, рассматривая ее съ точки зрѣнія добра и зла, которыя я дѣлалъ, я увидалъ, что вся моя длинная жизнь распадается на четыре періода: тотъ чудный, въ особенности въ сравненіи съ послѣдующимъ, невинный, радостный, поэтическій періодъ дѣтства до 14 лѣтъ, потомъ второй — ужасные 20 лѣтъ грубой распущенности, служенія честолюбію, тщеславію и, главное, похоти, потомъ третій 18-лѣтній періодъ, т. е. отъ женитьбы и до моего духовнаго рожденія, который съ мірской точки зрѣнія можно бы назвать нравственнымъ, такъ какъ въ эти 18 лѣтъ я жилъ правильной, честной, семейной жизнью, не предаваясь никакимъ осуждаемымъ общественнымъ мнѣніемъ

порокамъ, но всѣ интересы котораго ограничивались эгоистическими заботами о семьѣ, объ увеличеніи состоянія, о пріобрѣтеніи литературнаго успѣха и всякаго рода удовольствіями. И, наконецъ, четвертый 20-лѣтній періодъ, въ которомъ я живу теперь и въ которомъ надѣюсь умереть и съ точки зрѣнія котораго я вижу все значеніе прошедшей жизни и котораго я ни въ чемъ не желалъ бы измѣнить, кромѣ какъ въ тѣхъ привычкахъ зла, которыя усвоены мною въ прошедшіе періоды...

Въ послѣдніе годы онъ дѣлилъ свою жизнь на «фазисы».

— Человѣкъ переживаетъ три фазиса, и я переживаю изъ нихъ третій. Въ первый фазисъ человѣкъ живетъ только для своихъ страстей: ѣда, питье, охота, женщины, тщеславіе, гордость — и жизнь полна. Такъ у меня было лѣтъ до 34-хъ, потомъ начался интересъ блага людей, всѣхъ людей, человечества (началось это рѣзко съ дѣятельности школь. хотя стремленіе это проявлялось кое-гдѣ, вплетаясь въ жизнь личную, и прежде). Интересъ этотъ затихъ было въ первое время семейной жизни, но потомъ опять возникъ съ новой и страшной силой, при сознаніи тщеты личной жизни. Все религіозное сознаніе мое сосредоточивалось въ стремленіи къ благу людей, въ дѣятельности для осуществленія Царства Божьяго. И стремленіе это было такъ же сильно, такъ же страстно, такъ же наполняло всю жизнь, какъ и стремленіе къ личному благу. Теперь же я чувствую ослабленіе этого стремленія: оно не наполняетъ мою жизнь, оно не влечетъ меня непосред-

ственно; я долженъ разсудить, что эта дѣятельность хорошая, дѣятельность помощи людямъ матеріальной, борьбы съ пьянствомъ, съ суевѣріями правительства, церкви. Во мнѣ, я чувствую, выдѣляется, высвобождается изъ покрововъ новая основа жизни, которая включаетъ въ себя стремленіе къ благу людей такъ же, какъ стремленіе къ благу людей включало въ себя стремленіе къ благу личному. Эта основа есть служеніе Богу, исполненіе Его воли по отношенію къ той Его сущности, которая во мнѣ. Не самосовершенствованіе — нѣтъ. Это было прежде, и въ самосовершенствованіи много было любви къ личности. Теперь другое. Это стремленіе къ чистотѣ божеской. Стремленіе это начинаетъ все больше и больше охватывать меня, и я вижу, какъ оно охватитъ меня всего и замѣнитъ прежнія стремленія, сдѣлавъ жизнь столь же полною... Когда во мнѣ исчезъ интересъ къ личной жизни и не выросъ еще интересъ религіозный, я ужаснулся, чувствуя, что мнѣ нечѣмъ жить, но потомъ, когда возникло *религіозное чувство стремленія къ благу человечества*, я въ этомъ стремленіи нашелъ полное удовлетвореніе и стремленіе къ благу личности; точно такъ же теперь, когда исчезаетъ во мнѣ прежнее страстное стремленіе къ благу человечества, мнѣ немножко жутко, какъ будто пусто, но стремленіе къ той жизни и приготовленіе себя къ ней уже замѣняетъ понемногу прежнее, вылупляется изъ прежняго и точно такъ же, какъ и стремленіе къ личному благу, удовлетворяетъ вполнѣ и лучше стремленія къ благу общему. Готовясь только къ той жизни, я вѣрнѣе

дѣстигаю служенія благау челоуѣчества, чѣмъ когда я ставиль себѣ цѣлью это благо. Точно такъ же, какъ стремясь къ благау общему, я достигалъ своего личнаго блага вѣрнѣе, чѣмъ когда я ставиль себѣ цѣлью личное благо. Стремясь, какъ теперь, къ Богу, къ чистотѣ божеской сущности во мнѣ, къ той жизни, для которой она очищается здѣсь, я попутно достигая вѣрнѣе, точнѣе блага общаго и своего личнаго блага какъ-то неторопливо, несомнѣнно и радостно...

Древняя индусская мудрость говоритъ, что челоуѣкъ долженъ пройти два пути въ жизни: Путь Выступленія и Путь Возврата. На Пути Выступленія челоуѣкъ чувствуетъ себя сперва только своей «формой», своимъ временнымъ тѣлеснымъ бытіемъ, своимъ обособленнымъ ото всего Я, находится въ тѣхъ своихъ личныхъ границахъ, куда заключена часть Единой Жизни, и живетъ корыстью чисто личной; затѣмъ корысть его расширяется, онъ живетъ не только собой, но и жизнью своей семьи, своего племени, своего народа, и растетъ его совѣсть, то есть стыдъ корысти только личной, хотя все еще живетъ онъ жаждой «захвата», жаждой «брать» (для себя, для своей семьи, для своего племени, для своего народа). На Пути-же Возврата теряются границы его личнаго и общественнаго Я, кончается жажда брать — и все болѣе и болѣе растетъ жажда «отдавать» (взятое у природы, у людей, у міра): такъ сливается сознаніе, жизнь челоуѣка съ Единой Жизнью, съ Единымъ Я — начинается его духовное существованіе.

«Челоуѣкъ переживаетъ три фазиса...»

III

Изъ Ясной Поляны онъ выбрался между 4 и 5 часами утра (какъ записалъ Маковицкій, съ удивительной точностью, много лѣтъ, изо дня въ день, ведшій свои записи о немъ). Везъ его въ старой дышло-вой коляскѣ старый кучеръ Адрианъ. Коляску сопровождалъ верхомъ, освѣщая путь факеломъ, конюхъ Филиппъ. Ъхали на станцію Щекино Московско-Курской ж. д. (5 верстъ отъ Ясной Поляны). Въ доро-гѣ было холодно, и Маковицкій надѣлъ на него вто-рую шапку. На станціи Щекино сѣли въ товаро-пас-сажирскій поѣздъ, шедшій отъ Тулы на Орель. На узловой станціи Горбачево (105 верстъ отъ города Козельска Калужской губерніи) пересѣли въ смѣ-шанный поѣздъ. Въ 4 ч. 50 вечера пріѣхали въ Ко-зельскъ, въ 5 верстахъ отъ котораго находился древ-ній мужской монастырь «Оптина Введенская Пу-стынь», а въ 14 верстахъ далѣе, въ большомъ селѣ Шамардинѣ, тотъ женскій монастырь, гдѣ давно мо-нашествовала Марія Николаевна.

Когда прибыли въ Козельскъ, уже совсѣмъ смеркалось. Со станціи поѣхали въ монастырь въ ямщицкой телѣжкѣ по рѣчной низменности, отдѣ-ляющей Козельскъ отъ монастыря. Дорога была

ужасная, грязная, говорится въ записяхъ Маковицкаго. Было очень темно. Мѣсяць свѣтилъ изъ-за облаковъ. Лошади шли шагомъ. «Левъ Николаевичъ спрашивалъ еще въ вагонѣ и теперь спросилъ (ямщика), какіе есть старцы въ Оптиной, и сказалъ, что пойдетъ къ нимъ». Подъ монастыремъ переправлялись черезъ рѣку на паромѣ. Въ монастырѣ остановились у гостинника-монаха о. Михаила. О. Михаилъ, съ рыжими, почти красными волосами и бородой, привѣтливый, отвелъ просторную комнату съ двумя кроватями и широкимъ диваномъ. Внесли вещи. Левъ Николаевичъ сказалъ: «Какъ здѣсь хорошо!» И сейчасъ-же сѣлъ за писаніе. Написалъ довольно длинное письмо и телеграмму Александрѣ Львовнѣ. Потомъ пилъ чай съ медомъ (ничего не ѣлъ), попросилъ яблоко на утро и стаканъ, куда на ночь ставилъ самопишущее перо. Потомъ сталъ писать дневникъ, спросилъ, какое сегодня число. Въ 10 часовъ легъ спать... Пища, больше обыкновеннаго торопился...» Когда ложился спать, Маковицкій хотѣлъ помочь ему снять сапоги, и онъ разсердился: «Я хочу самъ себѣ служить!»

Никому до сихъ поръ неизвѣстно: думалъ-ли онъ остаться въ Оптиной или Шамардинѣ? Какъ тамъ было остаться отлученному отъ Церкви, не примирившись съ Нею? И вотъ предполагаютъ: можетъ быть, онъ хотѣлъ примириться. Для такого предположенія есть нѣкоторыя основанія.

Мой покойный другъ Лопатина (сестра извѣстнаго философа Льва Лопатина) рассказывала мнѣ:

Я была послѣ смерти Толстого въ Шамардинѣ. Черезъ широкую рѣчку къ монастырю перевозили на паромѣ монахи въ бѣлыхъ подрясникахъ и бѣлыхъ скуфейкахъ. Такіе же монахи работали въ поляхъ. Кругомъ все радовало — тишиной, красотой, миромъ, былъ жаркій лѣтній день. Въ чистенькомъ номерѣ монастырской гостиницы, свѣтломъ, тѣсномъ и бѣдномъ, со странной маленькой деревянной кроватью, можетъ быть, еще времянь Бориса Годунова, за чаемъ съ просфорами, монахъ много говорилъ о послѣднемъ посѣщеніи монастыря Толстымъ:

«Пріѣхалъ, постучалъ и спрашиваетъ: «Можно мнѣ войти?» Гостинникъ говоритъ: «Пожалуйте». — «Вѣдь я Толстой, можетъ, вы меня не примите?» — «Мы всѣхъ принимаемъ, говоритъ гостинникъ, всякаго, кто желаніе имѣетъ». Они и остановились у насъ. Потомъ пошли къ настоятелю, потомъ ѣздили въ Шамардино, къ сестрѣ своей монахинѣ... Потомъ за ними пріѣхали...»

Монахъ еще говорилъ, что передъ крыльцомъ настоятеля Левъ Николаевичъ стоялъ на холодѣ и сырости съ шапкой въ рукахъ. Онъ опять не хотѣлъ входить прямо, опять просилъ служку доложить: «Скажите, что я Левъ Толстой, можетъ быть, мнѣ нельзя?» Монахъ самъ вышелъ къ нему, раскрывъ объятія, и сказалъ: «Братъ мой!» Левъ Николаевичъ бросился къ нему на грудь и зарыдалъ...

Пріѣхалъ въ Шамардино, къ Маріи Николаевнѣ, онъ радостно сказалъ ей: «Машенька, я остаюсь здѣсь!» Волненіе ея было слишкомъ сильно, чтобы сразу повѣрить этому счастью. Она сказала ему: «Подумай, отдохни...»

Онъ вернулся къ ней утромъ, какъ было условлено, но уже не одинъ: вошли и тѣ, что за нимъ пріѣхали. Онъ былъ смущенъ и подавленъ, не глядѣлъ на сестру. Ей сказали, что ѣдутъ къ духоворамъ.

— Левочка, зачѣмъ ты это дѣлаешь? — воскликнула она.

Онъ посмотрѣлъ на нее глазами, полными слезъ. Ей сказали (Александра Львовна):

— Тетя Маша, ты всегда видишь все въ мрачномъ свѣтѣ и только разстраиваешь папа. Все будетъ хорошо, вотъ увидишь...

И отправились съ нимъ въ его послѣднюю дорогу...

Если-бы были свидѣтельства только въ родѣ вотъ этихъ, можно было бы не придавать имъ значенія: и сама Лопатина и подобные ей по духу, по правовѣрной, церковной религіозности, легко могли поддаться искушенію создать легенду, будто онъ дѣйствительно стремился примириться съ Церковью. Но оказались и другія свидѣтельства.

Не случайно же все таки поѣхалъ онъ въ Шамардино. Заѣхалъ туда по пути? Но по пути куда? И зачѣмъ? Повидаться съ сестрой? Но съ какой цѣлью? Просто съ родственной? Но вѣдь, можетъ быть, не только съ родственной? — Какъ бы тамъ ни было, онъ поѣхалъ въ Шамардино, ѣхалъ черезъ Оптину Пустынь; по дорогѣ туда отъ Козельска спрашивалъ ямщика о старцахъ, тамъ ночевалъ и провелъ весь день въ монастырской гостиницѣ. Зачѣмъ? Известно, что много бесѣдовалъ съ о. Михаи-

ломъ, — опять разспрашивалъ о старцахъ, спасающихся при монастырѣ въ скиту, выражалъ желаніе повидаться съ ними, а потомъ «вышелъ, бродилъ возлѣ скита, дважды подходилъ къ дому старца о. Варсонофія, стоялъ у его дверей, но не вошелъ»...

Это говорить, — то же, что и Лопатина, — известный журналистъ Ксюнинъ, посѣтившій Шамардино тотчасъ послѣ его смерти. Онъ многое говоритъ въ своей книгѣ «Уходъ Толстого» со словъ матери Маріи и, между прочимъ, слѣдующее: когда Толстой пришелъ къ сестрѣ, — онъ и въ Шамардинѣ остановился въ монастырской гостиницѣ, — они долго сидѣли, затворившись ото всѣхъ въ ея спальнѣ. Вышли только къ обѣду, и тогда Толстой сказалъ:

— Сестра, я былъ въ Оптиной, какъ тамъ хорошо! Съ какой радостью я жилъ бы тамъ, исполняя самыя низкія и трудныя дѣла; только поставилъ бы условіемъ не принуждать меня ходить въ церковь.

— Это было бы прекрасно, — отвѣчала сестра. — но съ тебя взяли бы условіе ничего не проповѣдовать и не учить.

Онъ задумался, опустилъ голову и оставался въ такомъ положеніи довольно долго, пока ему не напомнили, что обѣдъ оконченъ.

— Видѣлся ты въ Оптиной со старцами? — спросила сестра.

Онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ... Развѣ ты думаешь, что они меня приняли бы? Ты забыла, что я отлученъ...

Чѣмъ-бы все это кончилось? Можетъ быть, и состоялись бы его встрѣчи съ оптинскими старцами

и, можетъ быть, привели бы онѣ къ возвращенію его въ лоно Перкви. Но на другой день въ Шамардино пріѣхала Александра Львовна и привезла страшныя вѣсти изъ Ясной Поляны, — о томъ, что Софья Андреевна, узнавъ утромъ 28 октября о его бѣгствѣ, дважды покушалась на самоубійство (два раза убѣгала на прудъ и топилась), рыдала весь день, била себя въ грудь то тяжелымъ преспапье, то молоткомъ, колола себя ножами, ножницами, рвалась выброситься въ окно и все кричала:

— Я его найду, я убѣгу изъ дому, побѣгу на станцію! Ахъ, только бы узнать, гдѣ онъ! Ужъ тогда-то я его не выпущу, день и ночь буду караулить, спать буду у его двери!

Ея письмо къ нему, которое привезла съ собой Александра Львовна, было тоже совершенно ужасно по своему отчаянію. И вотъ, потрясенный и этимъ письмомъ и всѣмъ тѣмъ, что было послѣ его бѣгства въ Ясной Полянѣ, охваченный ужасомъ, что того гляди Софья Андреевна узнаетъ, гдѣ онъ, и броситъ за нимъ въ погоню, онъ побѣжалъ дальше.

— Я не могу вернуться, я не вернусь, — все повторялъ онъ въ день пріѣзда Александры Львовны. — Я хотѣлъ здѣсь остаться, я даже избу ходилъ нанимать здѣсь на житье себѣ...

Но теперь остаться было невозможно. Онъ провелъ весь день 30 октября за тревожнымъ писаніемъ новаго письма Софьѣ Андреевнѣ, писалъ, сидя въ жаркомъ номерѣ подъ открытой форточкой, которую не позволилъ закрыть, легъ спать въ тревогѣ и тоскѣ, разрывааемый и жалостью къ Софьѣ Андреевнѣ

и невозможностью вернуться домой, и опять вско-
чилъ еще въ темнотѣ, въ 4 часа утра.

— Въ 4 часа онъ разбудилъ Душана Петрови-
ча, послалъ за ямщиками, говоритъ Александра
Львовна. Помня обѣщаніе, данное мною тетѣ Маши
непремѣнно повидаться съ ней въ случаѣ отъѣзда
дальше, я тотчасъ же послала за ней. Было еще со-
всѣмъ темно. При свѣтѣ свѣчи я торопливо соби-
рала вещи, завязывала чемоданы. Пришелъ Душанъ
Петровичъ. Козельскіе ямщики подали лошадей...
Отецъ очень волновался, наконецъ рѣшилъ ѣхать,
не дождавшись тети Маши и Оболенской, которымъ
написалъ слѣдующее письмо:

«Шамардинскій монастырь. 31 октября 1910 го-
да, 4 ч. утра. Милые друзья Машенька и Лизанька.
Не удивляйтесь и не осудите насъ, меня за то, что
мы уѣзжаемъ, не простившись хорошенько съ вами.
Не могу выразить вамъ обѣимъ, особенно тебѣ, го-
лубушка Машенька, моей благодарности за твою лю-
бовь и участіе въ моемъ испытаніи. Я не помню, что-
бы, всегда любя тебя, испытывалъ бы къ тебѣ такую
нѣжность, какую я чувствовалъ эти дни и съ кото-
рой уѣзжаю. Уѣзжаемъ мы такъ непредвидѣнно по-
тому, что боюсь, что меня застанетъ здѣсь Софья
Андреевна. А поѣздъ только одинъ, въ восьмомъ
часу. Цѣлую васъ, милые друзья, и такъ радостно
люблю васъ. Л. Т.»

Куда онъ бѣжалъ теперь? Рѣшено было — пока
въ Новочеркасскъ. Но рѣшали только его спутники—
самъ онъ, разбитый, шатающійся отъ усталости и
пережитыхъ волненій, только торопилъ бѣжать:

— Все равно куда... только ни въ какую ни въ толстовскую колонію, а просто въ мужицкую избу...*

На станціи Козельскъ едва успѣли попасть въ поѣздъ, шедшій на югъ, вскочили въ вагонъ безъ билетовъ. На станціи Волово взяли билеты до Ростова на Дону. Это было утромъ 31 октября, а 1 ноября Александра Львовна уже телеграфировала Черткову:

«Вчера слѣзли Астапово, сильный жаръ, забытье, утромъ температура нормальная, теперь снова ознобъ. Ёхать невысмыслимо».

Въ это же утро, говоритъ она дальше, отецъ продиктовалъ мнѣ слѣдующія мысли въ свою записную книжку:

«Богъ есть неограниченное Все, человекъ есть только ограниченное проявленіе Бога».

Она записала это и ждала, что онъ будетъ диктовать дальше, но онъ сказалъ:

— Больше ничего.

Онъ полежалъ нѣкоторое время молча, потомъ снова подзвалъ ее:

— Возьми записную книжку и перо и пиши:

«Или еще лучше такъ: Богъ есть то неограниченное Все, чего человекъ сознаетъ себя ограниченной частью. Истинно существуетъ только Богъ. Человекъ есть проявленіе Его въ веществѣ, времени и пространствѣ. Чѣмъ больше проявленіе Бога въ человекѣ (жизнь) соединяется съ проявленіемъ (жиз-

* О колоніяхъ толстовцевъ онъ всегда говорилъ неприязнено: «Жить святымъ вмѣстѣ нельзя. Они всѣ помрутъ. Однимъ святымъ жить нельзя».

нями) другихъ существъ, тѣмъ больше онъ существуетъ. Соединеніе этой своей жизни съ жизнями другихъ существъ совершается любовью.

Богъ не есть любовь, но чѣмъ больше любви, тѣмъ больше человекъ проявляетъ Бога, тѣмъ больше истинно существуетъ.

Бога мы познаемъ только черезъ сознаніе Его проявленія въ насъ. Всѣ выводы изъ этого сознанія и руководство жизни, основанное на немъ, всегда вполне удовлетворяютъ человека и въ познаніи самого Бога и въ руководствѣ въ своей жизни, основанномъ на этомъ сознаніи».

Черезъ нѣкоторое время онъ снова позвалъ ее: — Теперь я хочу написать Танѣ и Сережѣ.

Нѣсколько разъ онъ долженъ былъ прекращать диктовать изъ-за подступавшихъ къ горлу слезъ, и минутами она едва могла слышать его тихій, тихій голосъ:

«Милые мои дѣти Таня и Сережа!

Надѣюсь и увѣренъ, что вы не попрекнете меня за то, что я не призвалъ васъ. Призваніе васъ однихъ безъ мамы было бы великимъ огорченіемъ для нея, а также и для другихъ братьевъ. Вы оба поймете, что Чертковъ, котораго я призвалъ, находится въ исключительномъ положеніи по отношенію ко мнѣ. Онъ посвятилъ свою жизнь на служеніе тому дѣлу, которому я служилъ послѣдніе сорокъ лѣтъ моей жизни. Дѣло это не столько мнѣ дорого, сколько я признаю — ошибаюсь или нѣтъ — его важность для всѣхъ людей и для васъ въ томъ числѣ.

Благодарю Васъ за ваше хорошее отношеніе

ко мнѣ. Не знаю, прощаюсь ли или нѣтъ, но почувствовалъ необходимость высказать то, что высказалъ.

Еще хотѣлъ прибавить тебѣ, Сережа, совѣтъ о томъ, чтобы ты подумалъ о своей жизни, о томъ, кто ты, что ты, въ чемъ смыслъ человѣческой жизни, и какъ долженъ проживать ее всякій разумный человѣкъ. Тѣ усвоенные тобой взгляды дарвинизма, эволюціи и борьбы за существованіе не объяснятъ тебѣ смыслъ твоей жизни и не дадутъ руководства въ поступкахъ; а жизнь безъ объясненія ея значенія и смысла и безъ вытекающаго изъ нея неизмѣннаго руководства есть жалкое существованіе. Подумай объ этомъ. Любя тебя, вѣроятно, наканунѣ смерти, говорю это.

Прощайте, старайтесь успокоить мать, къ которой я испытываю самое искреннее чувство состраданія и любви. Любящій васъ отецъ Левъ Толстой».

— Ты имъ передай это послѣ моей смерти, — сказалъ онъ Александрѣ Львовнѣ и опять заплакалъ.

Утромъ 2 ноября пріѣхалъ Чертковъ, и, взволнованный этимъ, онъ опять плакалъ. Положеніе же его становилось все серьезнѣе. Нѣсколько разъ онъ отхаркивалъ кровяную мокроту, жаръ у него все повышался, сердце работало слабо, съ перебоями, и ему давали шампанское. Днемъ онъ самъ нѣсколько разъ ставилъ себѣ градусникъ и смотрѣлъ температуру. Къ вечеру состояніе его еще ухудшилось. Онъ громко стоналъ, дыханье было частое и тяжелое... Онъ снова попросилъ градусникъ и, когда вынулъ его и увидалъ 39,2, громко сказалъ:

— Ну, мать, не обижайтесь!

Въ восемь часовъ вечера пріѣхалъ Сергѣй Львовичъ. Онъ опять очень взволновался, увидавъ его, когда же Сергѣй Львовичъ вышелъ отъ него, позвалъ Александру Львовну:

— Сережа-то каковъ!

— А что, папаша?

— Какъ онъ меня нашель! Я очень радъ, онъ мнѣ пріятень... Онъ мнѣ руку поцѣловаль, — сквозь рыданія съ трудомъ проговориль онъ.

3 ноября Чертковъ читаль ему газеты и прочель четыре полученныхъ на его имя письма. Онъ ихъ внимательно выслушалъ и, какъ всегда это дѣлалъ дома, просиль помѣтить на конвертахъ, что съ ними дѣлать.

Ночь съ 3 на 4 была одна изъ самыхъ тяжелыхъ. Вечеромъ, когда оправляли его постель, онъ сказалъ:

— А мужики-то, мужики какъ умирають! — и опять заплакаль.

Часовъ съ одиннадцати начался бредъ. Онъ опять просиль записывать за нимъ, но говорилъ отрывочныя, непонятныя слова. Когда онъ просиль прочитать записанное, терялись и не знали, что читать. А онъ все просиль:

— Да прочтите-же, прочтите!

Утро 4 ноября было тоже очень тревожно. Появился еще новый зловѣщій признакъ: онъ, не переставая, перебираль пальцами, бралъ руками одинъ край одѣяла и перебираль его пальцами до другого края, потомъ обратно и такъ безъ конца. Иногда онъ

старался что-то доказать, выразить какую-то свою неотвязную мысль.

— Ты не думай, — сказала ему Александра Львовна.

— Ахъ, какъ не думать, надо, надо думать!

Такъ весь день онъ старался сказать что-то, метался и страдалъ.

Къ вечеру снова начался бредъ, и онъ умолялъ понять его мысль, помочь ему.

— Саша, пойдн, посмотри, чѣмъ это кончится, — говорилъ онъ.

Она старалась отвлечь его:

— Можетъ быть, ты хочешь пить?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Какъ не понять... Это такъ просто!

И снова бредилъ:

— Пойдите сюда, чего вы боитесь, не хотите мнѣ помочь, я всѣхъ прошу...

— *Искать, все время искать...*

Въ комнату вошла Варвара Михайловна. Онъ привсталъ на кровати, протянулъ руки и громкимъ, радостнымъ голосомъ, глядя на нее въ упоръ, крикнулъ (принявъ ее за умершую дочь):

— Маша, Маша!

Всю ночь Александра Львовна не отходила отъ него. Онъ все время метался, охалъ. Снова просилъ записывать. Записывать было нечего, а онъ все просилъ:

— Прочти, что я написалъ! Что же вы молчите? Что я написалъ?

Все время старались дежурить возлѣ него по

двое, но тутъ случилось, что Александра Львовна осталась одна. Казалось, онъ задремалъ. Но вдругъ еильнымъ движеніемъ онъ привсталъ и сталъ спускать ноги съ постели. Она быстро подошла:

— Что тебѣ, папаша?

— *Пусти, пусти меня!*

И изъ всѣхъ силъ рвался впередъ:

— Пусти, пусти, ты не смѣешь держать, пусти!

Въ 10 часовъ утра 6 ноября пріѣхали московскіе врачи.

Увидавъ ихъ, онъ сказалъ:

— Я ихъ помню...

Въ этотъ день онъ точно прощался со всѣми. Ласково посмотрѣлъ на Душана Петровича и съ глубокой нѣжностью сказалъ:

— Милый Душанъ, милый Душанъ!

Мѣняли простыни, я поддерживала ему спину, говоритъ Александра Львовна. И вотъ я почувствовала, что его рука ищетъ мою руку. Я подумала, что онъ хочетъ опереться на меня, но онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку одинъ разъ, потомъ другой. Я сжала его руку и припала къ ней губами, стараясь сдерживать рыданія. Въ этотъ день отецъ сказалъ намъ слова, которыя заставили насъ вспомнить, что жизнь для чего-то послана намъ и что мы обязаны, независимо отъ какихъ-либо обстоятельствъ, продолжать эту жизнь, по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ стараясь служить Пославшему насъ и людямъ. Кровать стояла среди комнаты. Мы сидѣли около. Вдругъ отецъ сильнымъ движеніемъ привсталъ и почти сѣлъ. Я подошла:

— Поправить подушки?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, твердо и ясно выговаривая каждое слово, — нѣтъ. Только одно совѣтую помнить, что на свѣтѣ есть много людей, кромѣ Льва Толстого, а вы смотрите только на одного Льва.

Дѣятельность сердца у него очень ослабѣла, пульсъ едва прощупывался, губы, носъ и руки посинѣли и лицо какъ-то сразу похудѣло, точно сжалось. Дыханье было едва слышно...

Вечеромъ, когда всѣ разошлись спать, я тоже заснула. Меня разбудили въ десять часовъ. Отцу стало хуже. Онъ сталъ задыхаться. Его приподняли на подушки, и онъ, поддерживаемый нами, сидѣлъ, свѣсивъ ноги съ кровати.

— Тяжело дышать, — хрипло, съ трудомъ проговорилъ онъ.

Всѣхъ разбудили. Доктора давали ему дышать кислородомъ... Послѣ впрыскиванія камфоры ему какъ будто стало лучше. Онъ позвалъ брата Сережу:

— Сережа!

И когда Сережа подошелъ, сказалъ:

— Истина... Я люблю много... какъ они...

Это были его послѣднія слова.

И вотъ еще что говорилъ онъ въ бреду 6 ноября (по свидѣтельству Сергѣя Львовича), — то, на что я уже указывалъ:

— Все Я... все проявленія... довольно проявленій... вотъ и все...

Въ этотъ день въ Астапово пріѣхалъ о. Варсонофій, старецъ изъ Оптиной Пустыни. Впослѣдствіи говорили, будто этотъ пріѣздъ состоялся «по прика-

зу изъ Петербурга». Говорили неправду. Пріѣхавъ, о. Варсонофій просилъ допустить его къ умирающему, получилъ отказъ и написалъ Александрѣ Львовнѣ письмо: «Почтительно благодарю Ваше сіятельство за письмо Ваше, въ которомъ пишете, что воля родителя Вашего для Васъ и для всей семьи Вашей поставляется на первомъ планѣ. Но Вамъ, графиня, извѣстно, что графъ выражалъ сестрѣ своей, а Вашей тетушкѣ, монахинѣ матери Маріи, желаніе видѣть насъ и бесѣдовать съ нами». Приказъ изъ Петербурга выходитъ, такимъ образомъ, выдумкой. Если бы онъ не выражалъ сестрѣ желанія видѣть старцевъ, о. Варсонофій не могъ бы ссылаться на нее. Но что было бы, если бы Александра Львовна допустила его къ отцу? Можно предположить: примиреніе умирающаго съ Церковью. Но развѣ это уничтожило бы смыслъ его бредовыхъ словъ, слышанныхъ Сергѣемъ Львовичемъ?

Смыслъ этотъ слишкомъ великъ, уничтожить его не могло ничто.

«Слова умирающаго особенно значительны», какъ однажды сказалъ онъ въ своемъ дневникѣ.

IV

До сихъ поръ помню тотъ день, тотъ часъ, когда ударилъ мнѣ въ глаза крупный шрифтъ газетной телеграммы:

— Астапово, 7 ноября. Въ 6 часовъ 5 минутъ утра Левъ Николаевичъ Толстой тихо скончался.

Газетный листъ былъ въ траурной рамѣ. Посреди его чернѣлъ всему міру извѣстный портретъ стараго мужика въ мѣшковатой блузѣ, съ горестно-сумрачными глазами и большой косою бородой. Былъ одиннадцатый часъ мокраго и темнаго петербургскаго дня. Я смотрѣлъ на портретъ, а видѣлъ свѣтлый, жаркій кавказскій день, лѣсъ надъ Терекомъ и шагающаго въ этомъ лѣсу худого загорѣлаго юнкера «въ бѣлой папашкѣ съ опустившимся пожелтѣвшимъ курпеемъ, въ бѣлой, грязной, съ широкими складками черкескѣ» и съ винтовкой въ рукѣ:

— На другой день Оленинъ пошелъ одинъ на то мѣсто, гдѣ онъ со старикомъ спугнулъ оленя... День былъ совершенно ясный, тихій, жаркій. Утренняя свѣжесть даже въ лѣсу пересохла, и мириады комаровъ буквально облѣпляли лицо, спину и руки... Эти мириады насѣкомыхъ такъ шли къ этой дикой, до безобразія богатой растительности, къ этой безднѣ

звѣрей и птицъ, наполняющихъ лѣсъ, къ этой темной зелени, къ этому пахучему, жаркому воздуху, къ этимъ канавкамъ мутной воды, вездѣ просасывающейся изъ Терека и бульбулькающей гдѣ-нибудь подъ нависшими листьями... Обойдя то мѣсто, гдѣ онъ вчера нашель звѣря, и ничего не встрѣтивъ, онъ захотѣлъ отдохнуть... Онъ отыскалъ вчерашніе слѣды оленя, подобрался подъ кустъ въ чащу, въ то самое мѣсто, гдѣ вчера лежалъ олень, и улегся у его логова... И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастья и любви ко всему, что онъ, по старой дѣтской привычкѣ, сталъ креститься и благодарить кого-то. Ему вдругъ съ особенной ясностью пришло въ голову, что вотъ я, Дмитрій Оленинъ, такое особенное ото всѣхъ существо, лежу теперь одинъ, Богъ знаетъ гдѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ олень, старый олень, красивый, никогда, можетъ быть, не видавшій человѣка... Около меня, пролетая между листьями, которые кажутся имъ огромными островами, стоятъ въ воздухѣ и жужжать комары: одинъ, два, три, четыре, сто. тысяча, миллионъ комаровъ, и каждый изъ нихъ такой же особенный отъ всѣхъ Дмитрій Оленинъ, какъ и я самъ... И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ или такой олень, которые живутъ теперь вокругъ него. «Такъ же, какъ они, какъ дядя Ерошка, поживу и умру. И правду онъ говорить: только трава выростеть». — «Да что-же, что трава выростеть? — думалъ онъ дальше: — Все таки надо жить, надо быть

счастливымъ... Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь, какъ и всѣ, на которомъ трава выростетъ и больше ничего, или я рамка, въ которой вставилась часть единого Божества, все таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?» И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя... И вдругъ ему какъ-будто открылся новый свѣтъ. «Счастіе, вотъ что, — сказалъ онъ себѣ: — счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ... въ человѣкѣ вложена потребность счастія; стало быть оно законно. Удовлетворяя его эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобства жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этому желанію. Следовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія-же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!» Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ, ему казалось, новую истину, что вскочилъ и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить...

Софья Андреевна говорила:

— Сорокъ восемь лѣтъ прожила я съ Львомъ Николаевичемъ, а такъ и не узнала, что онъ былъ за человѣкъ!

Многообразіе этого человѣка всегда удивляло міръ. Но вотъ тотъ образъ, что вспомнился мнѣ 7 ноября четверть вѣка тому назадъ, — этотъ кавказ-

скій юнкеръ съ его мыслями и чувствами среди «ди-кой, до безобразія богатой растительности» надъ Те-рекомъ, среди «бездны звѣрей и птицъ», наполняю-щихъ эту растительность, и несмѣтныхъ комаровъ въ воздухѣ, каждый изъ которыхъ былъ будто бы «та-кой-же особенный отъ всѣхъ», какъ и самъ юнкеръ ото всего прочаго: не основной-ли это образъ? Юн-керъ, думая о своей «особенности», съ радостью те-рялъ чувство ея: «Ему ясно стало, что онъ ни сколь-ко не русскій дворянинъ, членъ московскаго обще-ства, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ или такой-же олень, которые живутъ те-перь возлѣ него. Такъ же, какъ они, какъ дядя Ерош-ка, поживу и умру. И правду онъ говоритъ: только трава выростетъ...» Это стремленіе къ потери «осо-бенности» и тайная радость потери ея — основная толстовская черта. «Слова умирающихъ особенно значительны». И, умирая, онъ, величайшій изъ ве-ликихъ, говорилъ: «На свѣтѣ много Львовъ, а вы думаете объ одномъ Львѣ Толстомъ!» Развѣ это не то же, что чувствовалъ и говорилъ себѣ кавказскій юнкеръ про свою «особенность»? Радовало его это и впоследствіи — взять Наполеона, Пьера, князя Андрея и разоблачить мнимую высоту ихъ положе-ній и самооцѣнокъ*, лишить ихъ «особенности», по-

* Умирающій кн. Андрей, Пьеръ въ плѣну у францу-зовъ, от. Сергій, самъ Толстой... Наболѣе завѣтной художе-ственной идеей его было, думается, это: взять человѣка на его высшей мірской ступени (или возвести его на такую ступень) и, поставивъ его передъ лицомъ смерти или како-го-либо великаго несчастія, показать ему ничтожество всего земного, разоблачить его собственную мнимую высоту, его

казать на нихъ, что сущность жизни внѣ временныхъ и пространственныхъ формъ, смѣшать ихъ съ комами и оленями; сдѣлать это и съ самимъ собою. Ни одинъ олень, ни одинъ дядя Ерошка не защищаль свою «особенность» такъ, какъ онъ, не утверждалъ ее съ такой страстью и силой, — достаточно вспомнить хоть то, какъ зоологически ревнивъ онъ былъ въ любви. И вмѣстѣ съ тѣмъ всю жизнь разрушалъ ее и чѣмъ дальше, тѣмъ все страстнѣе, все сильнѣе. Какъ могло быть иначе? Какъ не разрушать, если все таки не дано было кавказскому юнкеру въ его дальнѣйшей долгой жизни идти къ блаженному, звѣриному «поживу и умру и только трава выростеть»? Какъ не разрушать, если то и дѣло становится «гадко на самого себя», если «счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ»?

— Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого-бы ему поскорѣе пожертвовать собой...

Сколько разъ въ жизни открывалъ онъ «эту, какъ ему казалось, новую истину»? Истина же эта роковая. Съ ней нельзя быть оленемъ или дядей Ерошкой. «Все равно, что бы я ни былъ: такой-же

гордыню, самоувѣренность... Отсюда и «постоянное стремленіе его видѣть и развѣнчивать то, что таится въ душѣ чловѣка подъ всѣми формами блестящей внѣшности». Почему такъ преклонялся онъ передъ «народомъ»? Потому, что видѣлъ его простоту, смиреніе; потому, что милліоны его, этого простого, вѣчно-работающаго народа, жили и живутъ смиренной, неразсуждающей вѣрой въ Хозяина, пославшаго ихъ въ міръ съ цѣлью, недоступной нашему пониманію.

звѣрь, какъ и всѣ, или же я рамка, въ которой вставилась часть единого Божества...» Но въ томъ и бѣда, что совсѣмъ не все равно, если уже сознаешь себя такой «рамкой». И олень, и дядя Ерошка тоже «рамки», но думаютъ-ли они объ этомъ! Олени и дяди Ерошки, каждый въ своей «особенности», въ своей «самости», ничуть не стремятся искать, «для кого бы поскорѣй пожертвовать собой*». И поэтому сугубо роковой путь жизни былъ уготованъ тому, кто былъ рожденъ и оленемъ и дядей Ерошкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ — Дмитриемъ Ленинымъ, который никакъ не могъ умереть такъ, чтобы только трава выросла. «Нѣкоторые живутъ, не замѣчая своего существованія». Не нѣкоторые, — ихъ столько же, сколько на землѣ комаровъ и оленей. А сколько замѣчающихъ? Онъ-же былъ изъ тѣхъ, что слишкомъ замѣчаютъ. И нельзя было ему умереть, какъ оленю. Надлежало умереть или какъ Ивану Ильичу, какъ князю Серпуховскому изъ «Холстомѣра», въ лучшемъ случаѣ, какъ самому Холстомѣру — или же съ совершенно несомнѣннымъ чувствомъ то ли словъ Христа: «Царство Мое не отъ міра сего, вѣрующій въ Меня не увидитъ смерти во вѣкъ», то ли словъ индѣйской мудрости: «Отверзите уши ваши, освобожденіе отъ смерти найдено! Освобожденіе — въ разоблаченіи духа отъ его матеріальнаго одѣянія, въ воссоединени Я временнаго съ вѣчнымъ Я». Чув-

* «Чѣмъ больше онъ въ тѣ часы страдальческаго уединенія и бреду, которые онъ провелъ послѣ своей раны, тѣмъ болѣе, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви знаило — никого не любить, значило — не жить этой земной жизнью...»

ство же это пріобрѣтается страшной цѣной. И вотъ въ 6 часовъ 5 минутъ утра 7 ноября 1910 года кончилась на станціи Астапово не только жизнь одного изъ самыхъ необыкновенныхъ людей, когда либо жившихъ на свѣтѣ, — кончился еще и нѣкій необыкновенный человѣческій подвигъ, необыкновенная по своей силѣ, долготѣ и трудности борьба за то, что есть «освобожденіе», есть исходъ изъ «Быванія въ Вѣчное», говоря буддѣйскими словами, есть путь «въ жизнь», говоря словами Евангелія, по удивительному совпаденію оказавшимися въ сборникѣ «Мысли мудрыхъ людей на каждый день», который онъ составлялъ въ свои послѣдніе годы, какъ разъ на страницѣ, отведенной седьмому дню ноября:

— Входите тѣсными вратами: ибо широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель; и многіе идутъ ими: ибо тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ.

Въ этотъ сборникъ онъ включалъ наиболѣе трогавшія его, наиболѣе отвѣчавшія его уму и сердцу «мысли мудрыхъ людей» разныхъ странъ, народовъ и временъ, равно какъ и нѣкоторыя свои собственныя. «Во всѣ вѣка лучшіе, то есть настоящіе люди думали объ этомъ», писалъ онъ въ предисловіи къ нему. «Объ этомъ» — это о томъ, о чемъ онъ и самъ думалъ всю жизнь, даже и тогда, когда такъ страстно думалъ совсѣмъ о другомъ: о томъ, «чѣмъ все это кончится», что надо «искать, все время искать». Во всемъ и всегда удивительный, удивителенъ онъ былъ и той настойчивостью, съ которой онъ началъ говорить «объ этомъ» съ самыхъ раннихъ лѣтъ, а

впослѣдствіи говорилъ съ той одержимостью однообразія, которую можно видѣть или въ житіяхъ святыхъ или въ исторіяхъ душевнобольныхъ. Есть преданіе, что Іоаннъ, любимый ученикъ Христа, неустанно говорилъ въ старости только одно: «Дѣти, любите другъ друга». Однообразіе, съ которымъ говорилъ Толстой одно и то же во всѣхъ своихъ послѣднихъ писаніяхъ и записяхъ, подобно тому однообразію, которое свойственно древнимъ священнымъ книгамъ Индіи, книгамъ іудейскихъ пророковъ, поученіямъ Будды, сурамъ Корана:

— Матерія для меня самое непонятное, — то и дѣло повторялъ онъ на всѣ лады.

— Что я такое? Разумъ ничего не говоритъ на эти вопросы сердца. Отвѣчаетъ на это только какое-то чувство въ глубинѣ сознанія. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, они отвѣчаютъ на это не словами, то есть орудіемъ разума, частью проявленія жизни, а всей жизнью.

— Избави Богъ жить только для этого міра. Что бы жизнь имѣла смыслъ, надо чтобы цѣль ея выходила за предѣлы постижимаго умомъ человѣческимъ.

— Дорого и радостно общеніе съ людьми, которые въ этой жизни смотрятъ за предѣлы ея.

— Богъ для меня есть то, къ чему я стремлюсь, — то, въ стремленіи къ чему и состоитъ моя жизнь. Богъ поэтому есть для меня непременно такой, что я Его понять и назвать не могу.

— Бѣхаль наверху на конкѣ, глядѣль на дома, вывѣски, лавки, извозчиковъ, прохожихъ, проѣзжихъ,

и вдругъ такъ ясно стало, что весь этотъ міръ съ моею жизнью въ немъ есть только одна изъ безчисленныхъ возможностей другихъ міровъ и другихъ жизней и для меня есть только одна изъ безчисленныхъ стадій, черезъ которую я прохожу (какъ мнѣ кажется, во времени).

— Наши постоянныя стремленія къ будущему не есть-ли признакъ того, что жизнь есть расширение сознанія? Постепенно сознаешь, что нѣтъ ни матеріальнаго, ни духовнаго, а есть только мое прохожденіе черезъ предѣлы вѣчнаго, безкончнаго, которое есть Все само въ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ Ничто (Нирвана).

— Мое Я стремится расшириться и въ стремленіи сталкивается со своими предѣлами въ пространствѣ... Кромѣ сознанія предѣловъ въ пространствѣ, есть еще сознаніе себя — того, что сознаетъ предѣлы. Что есть это сознаніе? Если оно чувствуетъ предѣлы, то это значитъ, что оно по существу своему безпредѣльно и стремится выйти изъ этихъ предѣловъ.

— Жизнь, которую я сознаю, есть прохожденіе духовной и неограниченной (Божественной) сущности черезъ ограниченное предѣлами вещество.

— Жизнь человѣка выражается въ отношеніи конечнаго къ безконечному.

— Безконечное, котораго человѣкъ сознаетъ себя частью, и есть Богъ.

— Если иногда удастся забыть о людяхъ, испытываешь какой-то экстазъ свободы.

— Если бы я былъ одинъ, я былъ-бы юродивымъ, то есть ничѣмъ бы не дорожилъ въ жизни...

— Надо и въ писаніи быть юродивымъ...

Онъ съ радостью говорилъ своей старшей дочери Гатьянѣ Львовнѣ незадолго до бѣгства изъ Ясной Поляны, что онъ мечтаетъ поселиться въ ея деревнѣ, гдѣ его никто не знаетъ: «Я тамъ могу ходить и просить подъ окнами милостыню». Безконечно знаменательны эти слова, — эта мечта быть юродивымъ, ничѣмъ не дорожающимъ въ жизни и всѣми презираемымъ, стать никому неизвѣстнымъ, нищимъ, смиренно просящимъ съ сумой за плечами кусокъ хлѣба подъ мужицкими окнами. Ужели и впрямь, какъ думаютъ это еще и до сихъ поръ, такъ долго стремился онъ убѣжать изъ Ясной Поляны только ради освобожденія себя отъ ссоръ съ дѣтьми и женой? Бѣдъ еще юнкеромъ испытывалъ онъ этотъ «экстазъ свободы», счастье думать, что нисколько онъ не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто «такой-же комаръ или такой-же олень». Юнкеръ Оленинъ восторженно терялъ свою «особенность». Восторженно мечталъ и о томъ, чтобы прославить ее на весь міръ. А чѣмъ кончилъ?

— Былъ человекъ въ землѣ Уцъ, Іовъ имя его... И родилось у него семь сыновей и три дочери. И было скота у него семь тысячъ мелкаго скота, и три тысячи верблюдовъ, и пятьсотъ паръ воловъ, и пятьсотъ ослицъ, и прислуги весьма много; и былъ человекъ тотъ знатнѣе всѣхъ сыновъ Востока...

И вотъ, во всемъ былъ «разорень» тотъ чело-

вѣкъ; «и вотъ, вѣтеръ великій поднялся со стороны пустыни, и обхватилъ четыре угла дома, и тотъ упалъ на отроковъ, и они умерли...»

Толстой самъ себя разорялъ цѣлыми десятилѣтїями и наконецъ разорилъ полностью — и самого себя и весь «домъ» свой, въ крушеніи котораго было нѣчто тоже библейское: словно и впрямь «вѣтеръ великій поднялся со стороны пустыни, и обхватилъ четыре угла дома, и тотъ упалъ на отроковъ» — и гдѣ они теперь, эти разсѣянные по всему міру «отроки», изъ которыхъ одинъ (недавно умершій въ Америкѣ Илья Львовичъ) погибъ не только отъ болѣзни, но и отъ полной нищеты! Толстой самъ призывалъ и наконецъ призвалъ на свой «домъ» и на самого себя этотъ «великій вѣтеръ» тоже по волѣ Того, покорность Которому стала въ нѣкій срокъ альфой и омегой всей его жизни.

— Прости руку Твою на раба Твоего Іова и коснись всего, что у него.

И простеръ и коснулся, — «всего, кромѣ души».

— И всталъ Іовъ, и разодралъ верхнюю одежду свою, и остригъ голову свою, и палъ на землю, и поклонился, и сказалъ: нагъ вышелъ я изъ чрева матери моей, нагъ и возвращусь туда.

Нагъ, какъ во чревѣ матери, былъ и тотъ, кто «тихо скончался» подъ чьимъ-то чужимъ кровомъ, на какой-то дотолѣ никому невѣдомой желѣзнодорожной станціи.

Думая о его столь долгой и столь во всемъ удивительной жизни, высшую и все разъясняющую точку ея видишь какъ разъ тутъ — въ его

бѣгствѣ изъ Ясной Поляны и въ его кончинѣ на этой станціи. Думая объ этомъ и о долгихъ годахъ великихъ страданій, этому предшествовавшихъ, никакъ не избѣгнешь мысли о путяхъ Іова, Будды, даже Самого Сына Человѣческаго.

— Паки и паки беретъ Его дьяволъ на весьма высокую гору и показываетъ Ему все царства міра и славу ихъ. И говоритъ Ему: все это отдамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ. Но Іисусъ говоритъ ему: отойди отъ меня, Сатана.

Кто былъ такъ искушаемъ, какъ Толстой, кто такъ любилъ «царства міра и славу ихъ»?

— Боже мой, — думалъ князь Андрей въ ночь передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, — что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую? Отецъ, сестра, жена, все самые дорогіе мнѣ люди — я все ихъ отдамъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не знаю!

«Врата, ведущіе въ погибель», были открыты передъ Толстымъ сугубо широко, «торжества надъ людьми» онъ достигъ величайшаго. «Ну, и что-жь? Что потомъ?»* Достигнувъ, онъ «всталъ, и взялъ черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сѣлъ въ пепельникъ селенія...»

Такъ же, какъ Іовъ, — и какъ Екклезіастъ, какъ

* «Ну, хорошо, у тебя будетъ 6000 десятинъ въ Самарской губерніи, триста головъ лошадей. Ну и что-же изъ этого? Что потомъ? Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всехъ писателей въ мірѣ — ну и что-жь? Что потомъ?» («Исповѣдь»).

Будда, — Толстой былъ обреченъ на «разореніе» съ самаго рожденія своего. Вся жизнь такихъ людей идетъ въ соотвѣтствіи съ ихъ обреченностью: всѣ «дѣла и труды» ихъ, всѣ богатства и вся слава ихъ — «суета суетъ»; въ соотвѣтствіи и кончается: черепица, пепель, «внѣ селенія», роща Уравеллы, Астапово... «Готъ, Кто все создаетъ по замыслу Своему», одаряетъ ихъ тѣмъ щедрѣе, чѣмъ больше должно быть въ нѣкій срокъ ихъ «разореніе», заставляетъ трудиться и стяжать тѣмъ страстнѣе, чѣмъ отчаяннѣе будутъ ихъ проклятія всѣмъ земнымъ трудамъ и стяжаніямъ. Вотъ у одного семь сыновей, три дочери, сотни рабовъ и рабынь, тысячи скота и первенство среди всѣхъ сыновъ Востока; у другого — въ жилахъ царская кровь, высшая родовитость, какъ тѣлесная, такъ и духовная, высшая сила и ловкость и «четыре дворца по числу временъ года»; третій — сынъ Давидовъ, царь надъ Израилемъ и великій «дѣлатель»: «Я предпринялъ большія дѣла — построилъ дома себѣ, насадилъ виноградники, устроилъ рощи и сады, сдѣлалъ водоемы, собралъ золота, серебра и драгоценностей отъ царей и областей...» И у всѣхъ общій конецъ: «Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ?» — спрашиваетъ одинъ, столь много подъ солнцемъ потрудившійся. — «Нагъ вышелъ я изъ чрева матери моей, нагъ и возвращусь туда», — говоритъ другой. — «Царство міра сего и царство смерти — одно: это искустель Мара, онъ же есть смерть», — говоритъ третій. И муки ада испытываетъ четвертый, вспоминая свою жизнь:

— Я испытываю муки ада: вспоминаю всю мерзость моей прежней жизни...

Какая «мерзость», какіе смертные грѣхи числились за нимъ? Только тѣ, что называются «грѣхами святыхъ», всегда считавшихъ себя самыми страшными грѣшниками. Но все равно: сколько лѣтъ и съ какой ожесточенностью скоблилъ онъ черепицей проказу своихъ грѣховъ («не было ни одного самаго страшнаго преступленія, котораго бы я не совершалъ») и трепеталъ, какъ Іовъ:

— Ужасное, чего я ужасался, постигло меня; и чего я боялся, приходитъ ко мнѣ.

Толстой говорилъ почти тѣми-же словами:

— Я качусь, качусь подъ гору смерти. А я не хочу смерти, я хочу и люблю безсмертіе. Я люблю мою жизнь — семью, хозяйство, искусство...

— Какъ мнѣ спастись? Я чувствую, что погибаю, люблю жизнь и умираю — какъ мнѣ спастись?

«И счастливый семьянинъ, здоровый человекъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ такъ близокъ къ самоубійству, что пряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься, и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться».

Левинъ тоже погибалъ. «Но Левинъ не повѣсился и не застрѣлился и продолжалъ жить». Почему продолжалъ? Потому, что была на то воля Хозяина, которую онъ, не взирая ни на что, непрестанно чувствовалъ въ себѣ такъ же сильно, какъ его работникъ Федоръ. Воля (стремленіе) къ жизни (земной, временной) — въ тѣлѣ. И Левинъ уже и тогда остро ненавидѣлъ временами тѣло, — и свое

и чужое, — отсюда и было ему искушение повѣситься или застрѣлиться. Но уже и тогда чувствовалъ онъ, что не будетъ это спасеніемъ для него. Уже и тогда слышалъ въ себѣ «голосъ Высшаго Я». Зачѣмъ надо было продолжать жить? Затѣмъ, что этотъ голосъ говорилъ, что нужно «спасти» при жизни. А въ чемъ спасеніе? Не въ убійствѣ тѣла, не въ выходѣ изъ него «не готовымъ», а въ преодолѣніи его и въ потерѣ «всего, кромѣ души».

V

Послѣ его похоронъ Ясная Поляна быстро пустѣла.

Въ домѣ еще оставались нѣкоторые родные и близкіе, но и они уже разъѣзжались одинъ за другимъ; и Софья Андреевна сказала Ксюнину про этотъ пустѣющій домъ, куда она вошла когда-то почти дѣвочкой и гдѣ провела потомъ цѣлыхъ сорокъ восемь лѣтъ:

— Черезъ три дня домъ совсѣмъ мертвый будетъ... Всѣ уѣдутъ...

Тотъ, съ кѣмъ она когда-то вошла въ этотъ домъ, былъ въ ту пору во всемъ расцвѣтѣ всѣхъ своихъ безпримѣрныхъ силъ и любилъ ее такъ, что говорилъ: «Я счастливъ, какъ одинъ изъ милліона». Онъ писалъ тогда въ своемъ дневникѣ:

— Люблю я ее, когда ночью или утромъ я проснусь и вижу: она смотритъ на меня и любитъ... Люблю я, когда она сидитъ близко ко мнѣ, и мы знаемъ, что любимъ другъ друга, какъ можемъ; и она скажетъ: «Левочка!» — и остановится; — «отчего трубы въ каминахъ проведены прямо?» или: «почему лошади не умираютъ долго?» Люблю, когда мы долго одни — и «что намъ дѣлать?» — «Соня,

что намъ дѣлать?» — Она смѣется. Люблю, когда она разсердится на меня и вдругъ, въ мгновеніе ока у ней мысль и слово, иногда рѣзкое: «оставь! скучно!» Черезъ минуту она уже робко улыбается мнѣ. Люблю, когда она дѣвочка въ желтомъ платьѣ и выставитъ нижнюю челюсть и языкъ; люблю, когда я вижу ея голову, закинутую назадъ, и серьезное, и испуганное, и дѣтское, и страстное лицо...

Писалъ въ письмахъ къ друзьямъ:

— Пишу и слышу наверху голосъ жены, которую я люблю больше всего на свѣтѣ. Я дожилъ до 34 лѣтъ и не зналъ, что можно такъ любить и быть такъ счастливымъ...

Вспоминая то время, когда онъ началъ «Войну и миръ», Софья Андреевна сказала:

— Приходитъ однажды ко мнѣ въ восторгѣ, возбужденный, и говоритъ: «Какой великолѣпный типъ дипломата я сейчасъ представляю себѣ!» А я спрашиваю его: «Левочка, а что такое дипломатъ?» Мнѣ вѣдь было тогда всего двадцать лѣтъ...

— Я никогда никого, кромѣ тебя, не любилъ, говорилъ мнѣ всю жизнь Левъ Николаевичъ. Но вѣдь не такъ легко было сдѣлать счастливымъ Толстого! Я помню, какъ однажды нашъ другъ поэтъ Фетъ сказалъ про меня: «Софья Андреевна по ножу ходитъ». По ножу я и ходила всю жизнь...

Онъ былъ счастливъ «какъ одинъ изъ милліона». Что же, однако, началъ онъ писать въ своемъ дневникѣ вскорѣ послѣ женитьбы и перваго упоенія хозяйствомъ?

— Ужасно! Я игрокъ и пьяница. Я въ запоѣ

хозяйства и погубилъ невозвратимые девять мѣсяцевъ, которые я сдѣлалъ чуть ли не худшими въ своей жизни... Я за эти девять мѣсяцевъ самый ничтожный, слабый, бессмысленный и пошлый человекъ...

Онъ заводитъ большой пчельникъ и просиживаетъ тамъ часами, наблюдая, изучая жизнь пчелъ, разводитъ племенныхъ овецъ, увѣряетъ себя, что «не можетъ быть счастливъ въ жизни», если не достанетъ себѣ японскихъ поросятъ, разбиваетъ плодовый садъ, сажаетъ лѣса елокъ, сажаетъ въ огромномъ до смѣшного количествѣ капусту, строитъ винокуренный заводъ, съ необыкновенной страстью предаётся полевому хозяйству, каждую свободную минуту урываетъ лишь для своей охотничьей страсти, ломаетъ себѣ однажды на бѣшенномъ скачкѣ за зайцемъ руку и пишетъ женѣ изъ Москвы, гдѣ лечится: «Ты говоришь — я забуду (тебя). Ни на минуту, особенно съ людьми. На охотѣ я забываю, помню объ одномъ дупелѣ: но съ людьми, при всякомъ столкновении, словѣ, я вспоминаю о тебѣ... Я тебя такъ сильно всѣми любвями люблю...» Онъ пишетъ своему другу Александрѣ Андреевичу Толстой: «Я никогда (какъ теперь) не чувствовалъ свои умственные и даже всѣ нравственные силы столько свободными и столько способными къ работѣ. И работа эта есть у меня. Работа эта — романъ изъ времени 1810 и 20-хъ годовъ, которые занимаютъ меня вполне.. Я теперь писатель всѣми силами своей души, и пишу и обдумываю, какъ еще никогда не писалъ и не обдумывалъ. Я счастливый и спокойный мужъ и

отецъ, не имѣющій ни передъ кѣмъ тайны и никакого желанія кромѣ того, чтобы все шло по прежнему...» Въ этомъ романѣ, — это была «Война и миръ», — тоже прославляется семейное счастье, семейныя добродѣтели, здоровые, простые человѣческіе устои; но точно ли, что не имѣлъ онъ въ ту пору «ни передъ кѣмъ никакой тайны?» Въ своихъ дневникахъ онъ пишетъ въ эту пору нѣчто очень тайное:

— Ужасно, страшно, бессмысленно связать свое счастье съ матеріальными условіями — жена, дѣти, здоровье, хозяйство, богатство...

— Гдѣ я, тотъ я, прежній, котораго я самъ любилъ и зналъ, который выходитъ иногда наружу весь и меня самого радуетъ и пугаетъ? Я маленькій и ничтожный. И я такой съ тѣхъ поръ, какъ женился на женщинѣ, которую люблю...

Это «тайна» прорывается иногда и въ жизни. Сестра Софьи Андреевны рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что произошло однажды съ этимъ счастливымъ мужемъ и хозяиномъ:

«Соня сидѣла наверху у себя въ комнатѣ на полу у ящика комода и перебирала узлы съ лоскутьями. (Она была въ интересномъ положеніи). Левъ Николаевичъ, войдя къ ней, сказалъ:

— Зачѣмъ ты сидишь на полу? Встань!

— Сейчасъ, только убегу все.

— Я тебѣ говорю, встань сейчасъ, — громко закричалъ онъ и вышелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Соня не понимала, за что онъ такъ разсердился. Это обидѣло ее, и она пошла въ кабинетъ. Я слышала изъ своей комнаты ихъ раздраженные го-

доса, прислушивалась и ничего не понимала. И вдруг я услышала падение чего-то, стук разбитого стекла и крикъ:

— Уйди, уйди!

Я отворила дверь. Сони уже не было. На полу лежали разбитая посуда и термометръ, висѣвшій всегда на стѣнѣ. Левъ Николаевичъ стоялъ посреди комнаты блѣдный, съ трясущейся губой. Глаза его глядѣли въ одну точку... Я побѣжала къ Сонѣ. Она была очень жалка. Прямо какъ безумная, все повторяла: «За что? Что съ нимъ?» Она рассказала мнѣ уже немного погодя:

— Я пошла въ кабинетъ и спросила его: Лечочка, что съ тобой? — Уйди, уйди! — злобно закричалъ онъ. — Я подошла къ нему въ страхъ и недоумѣнїи, онъ рукой отвелъ меня, схватилъ подносъ съ кофе и чашкой и бросилъ на полъ...

Такъ мы съ Соней никогда и не могли понять, что вызвало въ немъ такое бѣшенство...»

«Соня, что намъ дѣлать?» Это значило: слишкомъ хорошо намъ съ тобой, слишкомъ счастливы мы! А черезъ сорокъ восемь лѣтъ послѣ того «Соня» жила въ вагонѣ на запасныхъ путяхъ на станціи Астаново, и ее не пускали къ тому, у кого она когда-то спрашивала про каминъ, про лошадей, и она, опираясь на руку кого-нибудь изъ сыновей, ходила подтѣ завѣшенныя окна, за которыми онъ умиралъ, приникала къ нимъ, стараясь хоть что-нибудь разсмотрѣть за занавѣской, потомъ тихо брела назадъ въ свой вагонъ, чтобы опять сидѣть и плакать о себѣ и о «Лечочкѣ»... Впослѣдствїи она рассказывала:

— Пустили меня къ нему, когда онъ уже едва дышалъ, неподвижно лежа навзничь, съ закрытыми глазами. Я тихонько на ухо говорила ему съ нѣжно-стью, надѣясь, что онъ еще слышитъ, что я все время была тутъ, въ Астаповѣ, что любила его до конца... Не помню, что я ему говорила, но два глубокихъ вздоха, какъ бы вызванные страшнымъ уси-ліемъ, отвѣчали мнѣ на мои слова, а затѣмъ все стихло...

Теперь наступали уже самыя послѣдніе дни всей долгой прежней жизни Ясной Поляны.

— Черезъ три дня домъ совсѣмъ мертвый бу-детъ... Всѣ уѣдутъ...

Этотъ бѣлый домъ со стеклянной верандой и низкимъ крыльцомъ уже начиналъ походить на му-зей, писалъ Ксюшинъ.

Въ опустѣвшихъ комнатахъ смотрѣть со стѣнъ его проникающіе въ душу глаза.

Въ кабинетъ и въ спальнѣ все застыло съ той ночи, когда онъ ушелъ, въ полной неприкосновен-ность: подсвѣчникъ съ догорѣвшей свѣчой и розет-кой, окапанной стеариномъ, два яблока, подушка на диванѣ, гдѣ онъ отдыхалъ, кресло, на которомъ око-ло письменнаго стола любила сидѣть Софья Андреев-на, шахматы, три его карточки въ разныхъ возра-стахъ и открытый на днѣ его смерти «Кругъ чтенія»;

— 7 ноября. «Смерть есть начало другой жиз-ни». Монтень.

На постели въ спальнѣ его любимая подушечка, вышитая монахиней Маріей. Рядомъ на столикѣ зво-нокъ, круглые старинные часы, свѣча, спички, нѣ-

сколько коробочекъ съ лѣкарствами. Надъ постелью портретъ Татьяны Львовны. Въ одномъ углу умывальникъ, въ другомъ круглый столикъ съ графиномъ воды, на полу сѣдло. По стѣнамъ портреты — его отца въ военной формѣ, его умершей дочери Маріи и два портрета Софіи Андреевны; на одномъ она, еще совсѣмъ юная, удивительно хороша. Въ простѣнкѣ между окнами зеркало, изъ оконъ, по широкой аллеѣ, открывается видъ въ садъ, направо на полянѣ видна ель... Эта комната особенно мертва и въ ней, около постели, большой лавровый вѣнокъ съ красными лентами и надписью:

— Огласившему пустыню жизни крикомъ «Не могу молчать».

А въ маленькой гостиной рядомъ съ кабинетомъ лежитъ еще одна открытая книга — «Мысли мудрыхъ людей на каждый день»:

— 7 ноября. «Входите тѣсными вратами: ибо широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель; и многіе идутъ ими: ибо тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ». Матѳея, VII.

Въ послѣдніе годы своей жизни Софья Андреевна казалась высокой, стала худа и немного сгорбилась, была тиха, слаба. И все-таки каждый день за верету ходила туда — на могилу «Левочки», вѣчнымъ еномъ покрѣившагося въ паркѣ на краю оврага, подъ старыми развѣсистыми деревьями: лѣтомъ и осенью каждый день носила на могилу свѣжіе цвѣты, подолгу сидѣла надъ ней на скамейкѣ — и, можетъ быть, вспоминала: «Соня, что намъ дѣлать!»

Она встрѣтила меня, говоритъ одинъ изъ поствившихъ ее въ ту пору, устало и со спокойнымъ достоинствомъ, бесѣдуя, не улыбалась, не возвышала голоса. И это тогда сказала она:

— Сорокъ восемь лѣтъ прожила я со Львомъ Николаевичемъ, а такъ и не узнала, что онъ былъ за человѣкъ!

Теперь, когда со времени его смерти прошла уже цѣлая четверть вѣка, и ко всѣмъ прежнимъ безчисленнымъ свидѣтельствамъ и сужденіямъ о немъ прибавилось еще великое множество новыхъ, вопросы, «что онъ былъ за человѣкъ», почему Софья Андреевна «всю жизнь ходила по ножу» и что заставило его бѣжать, кажутся уже вполне разрѣшенными. Но это только такъ кажется.

— Странно и страшно подумать, что отъ рожденія моего до трехъ лѣтъ, въ то время, когда я кормился грудью, когда меня отняли отъ груди, когда я стала ползать, ходить, говорить, сколько бы я ни искалъ въ своей памяти, я не могу найти ни одного впечатлѣнія... Когда же я начался? Когда началъ жить? И почему мнѣ радостно представлять себя тогда, а бывало страшно, какъ и теперь страшно многимъ, представлять себя тогда, когда я опять вступлю въ то состояніе смерти, отъ котораго не будетъ воспоминаній, выразимыхъ словами? Развѣ я не жилъ тогда, когда учился смотрѣть, слушать, понимать, говорить, когда спалъ, сосалъ грудь и цѣловалъ грудь и смѣялся и радовалъ мою мать? Я жилъ и блаженно жилъ. Развѣ не тогда я пріобрѣталъ все то, чѣмъ я теперь живу, и пріобрѣталъ такъ много,

такъ быстро, что во всю остальную жизнь не приобрѣлъ и одной сотой того? Отъ пятилѣтняго ребенка до меня — только шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго — страшное разстояніе. Отъ зародыша до новорожденнаго — пучина. А отъ несуществованія до зародыша отдѣляетъ уже не пучина, а непостижимость. Мало того, что пространство, и время, и причина суть формы мышленія, и что сущность жизни внѣ этихъ формъ, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ...

Это строки изъ его «Первыхъ воспоминаній».

Какъ никто и никогда, за всѣ эти двадцать пять лѣтъ, прошедшіе со времени его смерти, не обратилъ никакого вниманія на такія изумительныя во всѣхъ отношеніяхъ строки, невозможно понять.

Никакого вниманія не обратилъ никто и на дальнѣйшія строки изъ тѣхъ-же «Первыхъ воспоминаній»:

— При переводѣ меня внизъ къ Федорову Ивановичу и мальчикамъ, я испыталъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человекъ. Мнѣ было жалко покидать привычное (*привычное отъ вѣчности*), грустно было, поэтически грустно разставаться не столько съ людьми, съ сестрой, съ няней, съ теткой, сколько съ кроваткой, съ положкомъ, съ подушкой, и страшна была та новая жизнь, въ которую я вступалъ. Я старался находить веселое въ той новой жизни, которая предстояла

мнѣ; я старался вѣрить ласковымъ рѣчамъ, которыми заманивалъ меня къ себѣ Федоръ Ивановичъ, старался не видѣть того презрѣнія, съ которымъ мальчишки принимали меня, меньшого, къ себѣ; старался думать, что стыдно было жить большому мальчику съ дѣвочками, и что ничего хорошаго не было въ этой жизни наверху съ няней; но на душѣ было страшно, грустно, и я зналъ, что я безвозвратно терялъ невинность и счастье, и только чувство собственнаго достоинства, сознание того, что я исполняю свой долгъ, поддерживало меня. Много разъ потомъ въ жизни мнѣ приходилось переживать такія минуты на распутьяхъ жизни, вступая на новыя дороги. Я испытывалъ тихое горе о безвозвратности утраченнаго. Я все не вѣрилъ, что это будетъ... Но, помню, халать съ подтяжкой, пришитой на спинѣ, который на меня надѣли, какъ будто отрѣзалъ меня навсегда отъ верха, и я тутъ въ первый разъ замѣтилъ не всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я жилъ наверху, но главное лицо, съ которымъ я жилъ и которое я не понималъ прежде. Это была тетушка Татьяна Александровна. Помню невысокую, плотную, черноволосую, нѣжную, жалостливую. Она надѣвала на меня халать, обнимая подпоясывала и цѣловала, и я видѣлъ, что она чувствовала то самое, что и я, что жалко, ужасно жалко, но должно. Въ первый разъ я почувствовалъ, что жизнь не игрушка, а трудное дѣло, — не то ли я почувствую, когда буду умирать: я пойму, что смерть или будущая жизнь не игрушка, а трудное дѣло...

Во всей всемірной литературѣ нѣтъ ничего похожаго на эти строки и нѣтъ ничего равнаго имъ.

— Подчиненіе и потомъ опять освобожденіе.

Въ чемъ главное отличіе одной человѣческой жизни отъ другой? Не въ той-ли или иной мѣрѣ ея «подчиненія» и «освобожденія»? И вотъ рождается человѣкъ, который на всю жизнь запоминаетъ боль, жалость, грусть, испытанную имъ на самомъ порогѣ «подчиненія», при переходѣ «внизъ», и вообще нѣчто такое, что недоступно обычной человѣческой памяти:

— Вотъ первыя мои воспоминанія (которыя я не умѣю поставить по порядку, не зная, что было прежде, что послѣ, о нѣкоторыхъ даже не знаю, было ли то во снѣ или наяву). Вотъ они: я связанъ; мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать, и я кричу, плачу, и мнѣ самому непріятенъ мой крикъ; но я не могу остановиться. Надо мной стоятъ, нагнувшись, кто-то. И все это въ полутьмѣ. Но я помню, что двое. Крикъ мой дѣйствуетъ на нихъ; они тревожатся отъ моего крика, но не развязываютъ меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Имъ кажется, что это нужно (т. е. чтобы я былъ связанъ), тогда какъ я знаю, что это не нужно, и хочу доказать имъ это, и я заливаюсь крикомъ противнымъ для самого себя, но не неудержимымъ. Я чувствую несправедливость и жестокость не людей, потому что они жалѣютъ меня, но судьбы и жалость надъ самимъ собой. Я не знаю и никогда не узнаю, что это такое было: пеленали ли меня, когда я былъ грудной, и я выди-ралъ руку, или это пеленали меня уже когда мнѣ было больше года, чтобы я не расчесывалъ лишаи; собралъ ли я въ одно это воспоминаніе, какъ то бы-

ваетъ во снѣ, много впечатлѣній, но вѣрно то, что это было первое и самое сильное впечатлѣніе жизни. И памятна мнѣ не крикъ мой, не страданіе, но сложность, противорѣчивость впечатлѣнія. Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я, кому сила нужна, я слабъ, а они сильны...

«Связываютъ». Впослѣдствіи онъ будетъ неустанно все больше «развязываться», стремиться назадъ, къ «привычному отъ вѣчности».

— Другое впечатлѣніе — радостное. Я сижу въ корытѣ, и меня окружаетъ новый не непріятный запахъ какого-то вещества, которымъ трутъ мое маленькое тѣльце. Вѣроятно, это были отруби и, вѣроятно, въ водѣ и въ корытѣ, но новизна впечатлѣнія отрубей разбудила меня, и я въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце съ видимыми мнѣ ребрами на груди и гладкое темное корыто, засученныя руки няни, и теплую, парную, страшенную воду, и звукъ ея, и въ особенности ощущеніе гладкости мокрыхъ краевъ корыта, когда я водилъ по нимъ ручонками...

Что это такое? Многіе дивились: «Какая необыкновенная память была у этого человѣка!» Но эти почти страшныя строки говорятъ вовсе не о памяти въ обычномъ значеніи этого слова. Если говорить о памяти такъ, какъ о ней обычно говорятъ, то тутъ ея нѣтъ: такой памяти на свѣтѣ ни у кого не было и не можетъ быть. Что-же это такое? Нѣчто такое, съ чѣмъ рождаются только уже совсѣмъ «вырождающіеся» люди: «Я помню, что мириады лѣтъ тому назадъ я былъ козленкомъ», говорилъ Будда уже

совсѣмъ страшными словами. И что означаетъ налице такой «памяти»?

Вскорѣ послѣ смерти Толстого я былъ въ индійскихъ тропикахъ. Возвратясь въ Россію, проводилъ лѣто на степныхъ берегахъ Чернаго моря. И кое-что изъ того, что думалъ и чувствовалъ и въ индійскихъ тропикахъ и въ лѣтнія ночи на этихъ берегахъ, подъ немолочный звонъ ночныхъ степныхъ цикадъ, впоследствии написалъ:

— Нѣкоторый родъ людей обладаетъ способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другія, чужія, не только самого себя, но и ближняго своего, то есть, какъ принято говорить, «способностью перевоплощаться», и особенно живой и особенно образной (чувственной) «памятью». Для того-же, чтобы быть въ числѣ такихъ людей, надо быть особью, прошедшей въ цѣпи своихъ предковъ долгій путь многихъ, многихъ существованій* и вдругъ явившей въ себѣ особенно полный образъ своего дикаго пращура со всей свѣжестью его ощущеній, со всей образностью его мышленія и съ его огромной подсознательностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ особью безмѣрно обогащенной за свой долгій путь и уже съ огромной сознательностью.

— Великій мученикъ или великій счастливецъ такой человекъ? И то и другое. Проклятіе и счастье такого человека есть его особенно сильное Я, жажда

* «Развѣ не тогда пріобрѣталъ я все то, чѣмъ я живу теперь?» Пріобрѣталъ и тогда, но сколь безконечно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что пріобрѣталъ на этомъ пути!

вящаго утвержденія этого Я и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣщес (въ силу огромнаго опыта за время пребыванія въ огромной цѣпи существованій) чувство тщеты этой жажды, обостренное ощущеніе Всебытія.

— И вотъ — поэты, художники, святые, мудрецы, Будда, Соломонъ, Толстой...

— Гориллы въ молодости, въ зрѣлости страшны своей тѣлесной силой, безмѣрно чувственны въ своемъ міроощущеніи, безпощадны во всяческомъ насыщеніи своей похоти, отличаются крайней непосредственностью, къ старости-же становятся нерѣшительны, задумчивы, скорбны, жалостливы... Сколько можно насчитать въ царственномъ племени святыхъ и гениевъ такихъ, которые вызываютъ на сравненіе ихъ съ гориллами даже по наружности! Всякій знаетъ бровныя дуги Толстого. гигантскій ростъ и бугоръ на черепѣ Будды, падучую болѣзнь Магомета, тѣ припадки ея, когда ангелы въ молніяхъ открывали ему «тайны и бездны неземныя» и «въ мановеніе ока» (то есть внѣ всякихъ законовъ времени и пространства) переносили изъ Медины въ Іерусалимъ — на Камень Моріа, «непрестанно размахивающійся между небомъ и землей», какъ бы смѣшивающій землю съ небомъ, преходящее съ вѣчнымъ.

— Всѣ подобныя имъ сперва съ великой жадностью пріемлютъ міръ, затѣмъ съ великой страстью клянутъ его соблазны. Всѣ они сперва великіе грѣшники, потомъ великіе враги грѣха, сперва великіе стяжатели, потомъ великіе расточители. Всѣ они

ненасытные рабы Майи — и всѣ отличаются все возрастающимъ съ годами чувствомъ Всебытія и неминуемаго въ немъ исчезновенія...

— Есть два рода людей. Въ одномъ, огромномъ, — люди своего, опредѣленнаго момента, житейскаго строительства, дѣланія, люди какъ-бы почти безъ прошлаго, безъ предковъ, вѣрныя звенья той Цѣпи, о которой говоритъ мудрость Индіи: что имъ до того, что такъ страшно ускользають въ безграничность и начало и конецъ это Цѣпи? А въ другомъ, маломъ, не только не дѣлатели, не строители, а сущіе разорители, уже познавшіе тщету дѣланія и строенія, люди мечты, созерцанія, удивленія себѣ и міру, люди того «умствованія», о которой говоритъ Екклезіастъ, — люди, уже втайнѣ откликнувшіеся на древній зовъ: «Выйди изъ Цѣпи!» — уже жаждущіе раствориться, исчезнуть во Всеединомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще люто страждущіе, тоскующіе о всѣхъ тѣхъ ликахъ, воплощеніяхъ, въ коихъ пребывали они, особенно-же о каждомъ мигѣ своего настоящаго. Это люди одаренные великимъ богатствомъ воспріятій, полученныхъ ими отъ своихъ безчисленныхъ предшественниковъ, чувствующіе безконечно далекія звенья Цѣпи, существа, дивно (и не въ послѣдній-ли разъ?) воскресившіе въ своемъ лицѣ силу и свѣжесть своего райскаго праотца, его тѣлесности. Отсюда и великое ихъ раздвоеніе: мука и ужасъ ухода изъ Цѣпи, разлука съ нею, сознаніе тщеты ея — и сугубаго очарованія ею. И каждый изъ этихъ людей съ полнымъ правомъ можетъ повторить древнее стенаніе: «Вѣчный и Всеобъемлющій! Ты нѣкогда не

зналъ Желанія, Жажды* . Ты пребывалъ въ покоѣ, но Ты самъ нарушилъ его: Ты зачалъ и повелъ безмѣрную Цѣпь воплощеній, изъ коихъ каждому надлежало быть все безплотнѣе, все ближе къ блаженному Началу. Нынѣ все громче звучитъ мнѣ Твой зовъ: «Выйди изъ Цѣпи! Выйди безъ слѣда, безъ наслѣдства, безъ наслѣдника! Возвратись ко мнѣ!»*.

Будда былъ въ міру царевичемъ и недаромъ «изъ рода тѣхъ, чья гордость вошла въ поговорку»: когда настала его брачная пора и со всего царства созваны были невѣсты достойнѣйшія и прекраснѣйшія, онъ пожелалъ избрать «наилучшую», а на состязаніи изъ-за нея съ прочими юношами — оказаться «первѣйшимъ», какъ въ силѣ, такъ и въ ловкости; и всѣ свои пожеланія выполнилъ: превзошелъ всѣхъ и во всѣмъ, каковому превосходству есть примѣръ хотя-бы въ томъ, что, пустивъ стрѣлу изъ лука, онъ такъ пустилъ ее, что она улетѣла за семь тысячъ миль. И дано ему было и великое супружское счастье и рожденіе сына, прекраснѣйшаго въ мірѣ; а потомъ — три выѣзда въ городъ и три встрѣчи, затмившія всѣ радости его, дотолѣ не подозрѣвавшего что есть въ мірѣ то, что показали ему встрѣчи: болѣзнь, старость, смерть; и тогда пришло ему въ сердце рѣшеніе оставить и жену и сына,

* «Тогда не было ни смерти, ни безсмертія». Ригведа.

* «Пусти, пусти меня!» Это и значитъ: «Вонъ изъ Цѣпи!» Но что тамъ, за Цѣпью? «Пойди, посмотри, чѣмъ это кончится? Надо, надо думать!»

* Гордость кн. Н. С. Волконскаго, дѣда Толстого по матери, тоже была достойна поговорки.

порвать мірскія «шелковыя сѣти» и бѣжать и изъ родного дома и изъ міра: «Тѣсна жизнь въ домѣ, сказалъ онъ себѣ, мѣсто нечистоты есть домъ, свобода внѣ дома! Не вернусь я къ міру, не зналъ я прежде міра!» Въ темную, бурную ночь, достигнувъ большой рѣки, — переправы въ полное отчужденіе отъ міра, — царевичъ сошелъ съ коня, снялъ съ себя богатую одежду, обрѣзалъ свои длинные волосы, — знакъ своего высокаго достоинства, — и, отдавъ коня конюху, сопровождавшему его до рѣки, ушелъ на поиски «священнаго спасенія»; и испыталъ многія ученія, оказавшіяся ложными, и многія самоистязанія, не ведущія къ познанію, и, дойдя до предѣла ихъ, просвѣтленъ былъ въ рощахъ Уравеллы дивнымъ и внезапнымъ прозрѣніемъ, въ чемъ есть истинное освобожденіе, спасеніе отъ страданій міра и отъ смертной гибели въ немъ, и благовѣствовалъ «какъ серебряный колоколь, подвѣшенный къ небесному своду»:

— Отверзите уши ваши: освобожденіе (спасеніе, избавленіе) отъ смерти найдено!

Онъ благовѣствовалъ, во многомъ слѣдуя древней священной мудрости, говорившей такъ:

Царство міра сего и царство смерти — одно; это Искунитель Мара, онъ же смерть.

Освобожденіе — въ разоблаченіи духа отъ его матеріальнаго одѣянія.

Освобожденіе — въ самоотреченіи.

Освобожденіе — въ углубленіи духа въ единое истинное бытіе, оно же есть Брама-Атманъ, основа всякаго бытія и истинная сущность человѣческаго

духа. Брама есть свойственное человеку истинное Я, сущий во мракъ тѣлеснаго Атманъ, Единое, Цѣлое. Вѣчное.

Освобожденіе — въ стремленіи лишь къ Атману, къ тому состоянію, что подобно сну, въ которомъ не видишь сновидѣній и не чувствуешь никакихъ желаній.

Человѣческое Я есть земное воплощеніе Атмана, земное проявленіе Его.

Освобожденный, спасенный — тотъ, кто позналъ Атмана до конца и возвращается къ нему, не желая никакого потомства.

VI

Мечтать о счастье́ видѣть его я началъ очень рано.

Мальчиномъ я уже имѣлъ нѣкоторое представле-
ніе о немъ, но не изъ чтеній его книгъ, а по разгово-
рамъ у насъ въ домѣ. Между прочимъ, помню, что
отецъ нерѣдко смѣялся, рассказывая, какъ читаютъ
«Войну и миръ» наши сосѣди помѣщики: одинъ чи-
таетъ только «Войну», а другой только «Миръ», —
одинъ, читая, пропускаетъ все, что касается войны,
а другой — наоборотъ. И чувства къ Толстому были
у меня тогда уже не простыя. Отецъ (въ молодости
участвовавшій, какъ и Толстой, въ оборонѣ Севасто-
поля) говорилъ:

— Я его немного зналъ. Во время севастополь-
ской кампаніи встрѣчалъ...

И я смотрѣлъ на него во всѣ глаза: живого Тол-
стого видѣлъ!

Въ ранней молодости я былъ совершенно
влюбленъ въ него, въ тотъ мной самимъ созданный
образъ, который томилъ меня мечтой увидѣть его на
яву. Мечта эта была неотступная, но какъ я могъ

тогда осуществить ее? Поѣхать въ Ясную Поляну? Но съ какой стати, съ какими глазами? «Что вамъ угодно, молодой человѣкъ?» — спросятъ меня въ Ясной Полянѣ. И что я отвѣчу тогда?

Разъ я не выдержалъ: въ одинъ прекрасный лѣтній день внезапно приказалъ осѣдлатъ своего верхового «киргиза» и поскакалъ въ Ефремовъ, — уѣздный городъ Тульской губерніи, — въ сторону Ясной Поляны, до которой отъ насъ было не болѣе ста верстъ. Но, доскакавъ до Ефремова, испугался, рѣшилъ обдумать дѣло серьезнѣе, переночевать въ Ефремовѣ — и всю ночь мучился отъ смѣны рѣшеній, — ѣхать, не ѣхать, — скитался ночью по городу и такъ усталъ, что, зайдя на разсвѣтъ въ городской садъ, мертвымъ сномъ заснулъ на первой попавшейся скамейкѣ, а проснувшись, и совсѣмъ протрезвился, подумалъ еще немного — и поскакалъ назадъ, домой.

Позднѣе, страстно мечтая о чистой, здоровой, «доброй» жизни среди природы, собственными трудами, въ простой одеждѣ, главное же, опять таки отъ влюбленности въ Толстого, какъ художника, я сталъ толстовцемъ, — конечно, не безъ тайной надежды, что это дастъ мнѣ наконецъ уже какъ бы нѣсколько законное право увидѣть его и даже, можетъ быть, войти въ число людей, приближенныхъ къ нему. И вотъ, началось мое толстовское «послушаніе».

Я жилъ тогда въ Полтавѣ, гдѣ почему-то оказалось не мало толстовцевъ, съ которыми я вскорѣ и сблизился. Тутъ я узналъ, каково было большинство

учениковъ Толстого, — полтавскіе были типичны: за нѣкоторыми исключеніями, это былъ совершенно несносный народъ.

Я видѣлъ «самого» Черткова. Это былъ высокій, крупный, породистый человекъ съ небольшою, очень гордой головой, съ холоднымъ и надменнымъ лицомъ, съ ястребинымъ, совсѣмъ небольшимъ и прекрасно сформированнымъ носомъ и съ ястребиными глазами. Софья Андреевна была очень талантлива художественно, — то-ли отъ природы, то-ли отъ того, что прожила три четверти жизни съ Толстымъ. Часто она говорила съ необыкновенной мѣткостью. Однажды сказала про какого-то революціонера, посѣтившаго Ясную Поляну: «Пришелъ, сѣлъ и сидитъ. Упорно молчитъ, неподвижное лицо, очень черный брюнетъ, синія очки и кривой глазъ». А Черткова она называла «идоломъ». Я видѣлъ его всего разъ или два и не рѣшаюсь судить точно, что онъ былъ за человекъ. Но впечатлѣніе отъ него у меня осталось такое, что лучше и не скажешь: «идоль». Очень идетъ къ этому опредѣленію и слѣдующее воспоминаніе Александры Львовны:

— Какой задорный видъ бывалъ у отца, когда онъ выходилъ изъ кабинета послѣ удачной работы! Поступь легкая, бодрая, лицо веселое, глаза смѣются. Иногда вдругъ повернется на одномъ каблукѣ или легко и быстро перекинетъ ногу черезъ спинку стула. Я думаю, всякій уважающій себя толстовецъ пришелъ бы въ ужасъ отъ такого поведенія учителя. Да такая рѣзвость и не прощалась отцу. Я помню такой случай. На «предсѣдательскомъ» мѣстѣ, какъ

оно у насъ называлось, сидѣла мама. По правую сторону отецъ, рядомъ съ нимъ Чертковъ. Обѣдали на террасѣ, было жарко, комары не давали покоя. Они носились въ воздухѣ, пронзительно и нудно жужжа, жалили лицо, руки, ноги. Отецъ разговаривалъ съ Чертковымъ, остальные слушали. Настроение было веселое, оживленное, острили, смѣялись. Вдругъ отецъ, взглянувъ на голову Черткова, быстрымъ, ловкимъ движеніемъ хлопнулъ его по лысинѣ. Отъ налившагося кровью, раздувшагося комара осталось кровавое пятнышко. Всѣ расхохотались, засмѣялся и отецъ. Но внезапно смѣхъ оборвался. Чертковъ, мрачно сдвинувъ красивыя брови, съ укоризной смотрѣлъ на отца.

— Что вы надѣлали? — проговорилъ онъ. — Что вы надѣлали, Левъ Николаевичъ! Вы лишили жизни живое существо! Какъ вамъ не стыдно?

Отецъ смутился. Всѣмъ стало неловко...

Первый, кого я узналъ въ Полтавѣ, былъ нѣкто Клопскій, человекъ довольно извѣстный въ то время среди толстовцевъ и даже попавшій въ герои нашумѣвшей тогда повѣсти Коронина «Учитель жизни». Это былъ высокій, худой человекъ въ длинныхъ сапогахъ и въ блузѣ, съ узкимъ сѣрымъ ликомъ и бирюзовыми глазами, хитрый нахаль и плутъ, неумолимый болтунъ, вѣчно всѣхъ поучавшій, наставлявшій, любившій ошеломлять неожиданными выходками, дерзостями, словомъ, всей той манерой вести себя, при помощи которой онъ довольно сытно и весело шатался изъ города въ городъ. Къ толстовцамъ принадлежалъ и полтавскій докторъ Алек-

сандръ Александровичъ Волкенштейнъ, по происхожденію и по натурѣ большой баринъ, кое въ чемъ походившій на Стиву Облонскаго изъ «Анны Карениной». И вотъ, явившись въ Полтаву, Клопскій первымъ дѣломъ отправляется къ Волкенштейну и очень скоро попадаетъ черезъ него въ полтавскіе салоны, куда Волкенштейнъ проводитъ его и съ «идейной» цѣлью, какъ проповѣдника, и просто для забавы, какъ курьезную фигуру, и гдѣ Клопскій говоритъ, на примѣръ, такъ:

— Да, да, вижу, какъ вы живете: лжете да конфетами закусываете, да идоламъ своимъ по церквамъ, которыя уже давно пора на воздухъ взорвать. молебны служите! И когда только вообще кончатся всѣ тѣ нелѣпости и мерзости, въ которыхъ тонетъ міръ? Вотъ, скажемъ, ѣхаль я сюда изъ Харькова. Приходитъ человѣкъ, называемый почему-то кондукторомъ, и говоритъ: «вашъ билетъ». Я его спрашиваю: а что это значитъ, какой, собственно, билетъ? Отвѣчаетъ: но билетъ, по которому вы ѣдете? А я ему опять свое: позвольте, я не по билету, а по рельсамъ ѣду. — Значитъ, говоритъ, у васъ билета нѣту? — Конечно, говорю, нѣту. — Въ такомъ случаѣ мы васъ на слѣдующей станціи высадимъ. — Прекрасно, говорю, это ваше дѣло, а мое дѣло ѣхать. На слѣдующей станціи дѣйствительно явятся: пожалуйста выходить. Но зачѣмъ-же, говорю, выходить, мнѣ и тутъ хорошо. — Тогда мы васъ выведемъ. — Выведете? Но я не пойду. — Тогда вытаскиваемъ, вынесемъ. — Что-жъ, выносите, это ваше дѣло. И вотъ, меня дѣйствительно тащутъ: несутъ на

рукахъ, на диво всей почтенной публикѣ, два рослыхъ бездѣльника, два мужика, которые съ гораздо большей пользой могли бы землю пахать!

Таковъ былъ Клопскій. Прочіе были въ другомъ родѣ, но тоже хороши. Это были братья Д., сѣвшіе на землю подѣ Полтавой, люди необыкновенно скучные, тупые и самомнительные, хотя съ виду весьма смиренные, затѣмъ нѣкто Леонтьевъ, щуплый и маленькій молодой человекъ, болѣзненной и рѣдкой красоты, бывшій пажъ, тоже мучившій себя мужицкимъ трудомъ и тоже лгавшій и себѣ и другимъ, что онъ очень счастливъ этимъ, затѣмъ громадный еврей, похожій на матерого русскаго мужика, ставшій впоследствии извѣстнымъ подѣ именемъ журналиста Генеромо, державшійся всегда съ необыкновенной важностью и снисходительностью къ простымъ смертнымъ, нестерпимый риторъ, софистъ, занимавшійся бондарнымъ ремесломъ. Къ нему-то подѣ начало и попалъ я. Онъ-то и былъ мой главный наставникъ, какъ въ «ученіи», такъ и въ жизни трудами рукъ своихъ: я былъ у него подмастерьемъ, учился набивать обручи. Для чего мнѣ нужны были эти обручи? Для того опять таки, что они какъ-то соединяли меня съ Толстымъ, давали мнѣ тайную надежду когда-нибудь увидеть его, войти въ близость съ нимъ. И, къ великому моему счастью, надежда эта вскорѣ совершенно неожиданно оправдалась. Вскорѣ вся «братія» смотрѣла на меня уже какъ на своего, и Волкенштейнъ — это было въ самомъ концѣ девяносто третьяго года — вдругъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ сперва къ

«братьямъ» въ Харьковскую губернію, къ мужикамъ села Хилково, — принадлежавшаго извѣстному толстовцу князю Хилкову, — а затѣмъ въ Москву, къ самому Толстому.

Трудно это было путешествіе. Ъхали мы въ третьемъ классѣ, съ пересадками, все норовя попадать въ вагоны наиболѣе простонародные, ѣли «безубойное», то есть чортъ знаетъ что, хотя Волкенштейнъ иногда и не выдерживалъ, вдругъ бѣжалъ къ буфету и съ страшной жадностью глоталъ одну за другой двѣ-три рюмки водки, закусывая и обжигаясь пирожками съ мясомъ, а потомъ пресерьезно говорилъ мнѣ:

— Я опять далъ волю своей похоти и очень страдаю отъ этого, но все же борюсь съ собой и все же знаю, что не пирожки владѣютъ мной, а я ими: я не рабъ ихъ, хочу — ѣмъ, хочу — не ѣмъ...

Трудно было ѣхать потому больше всего, что я сгоралъ отъ нетерпѣнія поскорѣй попасть въ Москву, намъ-же, видите-ли, непременно надо было ѣхать съ плохими поѣздами, а не со скорыми, не съ курьерскими, затѣмъ пожить съ хилковскими «братьями», войти въ личное общеніе съ ними и «укрѣпить» и себя и ихъ этимъ общеніемъ на путяхъ «доброй» жизни. Мы такъ и сдѣлали — пожили у хилковскихъ мужиковъ, кажется, дня три или четыре, и я возненавидѣлъ за эти дни этихъ богатыхъ, благочестивыхъ, благихъ на видъ мужиковъ, ночевки въ ихъ избахъ, ихъ пироги съ начинкой изъ картофеля, ихъ псалмонѣніе, ихъ рассказы про ихъ непрестанную и лютую борьбу «съ попами и началь-

никами» и буквоѣдскіе споры о Писаніи истинно всѣми силами души. Наконецъ, перваго января, мы тронулись дальше. Помню, я проснулся въ тотъ день съ такой радостью, что совсѣмъ забылся и брякнулъ: «Съ новымъ годомъ, Александръ Александровичъ!» — за что и получилъ отъ Александра Александровича жесточайшій нагоняй: что это значитъ — новый годъ, понимаю-ли я, какую безсмыслицу повторяю я? Однако не до того мнѣ было тогда. Я слушалъ и думалъ: прекрасно, прекрасно, все это сущій вздоръ, — завтра вечеромъ мы будемъ въ Москвѣ, а послѣ завтра я увижу Толстого... И такъ оно и случилось.

Волкенштейнъ кровно обидѣлъ меня: поѣхалъ къ Толстому сію же минуту послѣ того, какъ мы добрались до московской гостиницы, а меня съ собой не взялъ: — «Нельзя, нельзя, надо предупредить Льва Николаевича, я предупрежу, предупрежу» — и убѣжалъ. Вернулся же домой очень поздно и даже ничего не разсказалъ о своемъ визитѣ, только поспѣшно кинулъ мнѣ: «Я точно живой воды напился!» — при чемъ я совершенно безошибочно опредѣлилъ по запаху отъ него, что онъ, послѣ живой воды, пилъ еще и шамбертенъ, затѣмъ, очевидно, чтобы доказать, что не онъ рабъ шамбертена, а шамбертенъ его рабъ. Хорошо было только то, что Толстого онъ все таки предупредилъ, хотя я даже и на это мало надѣялся: очень милый, но ужъ очень легкомысленный человѣкъ былъ этотъ слегка женоподобный, полнѣющій, красивый брюнетъ. На другой день вечеромъ я, внѣ себя, побѣжалъ наконецъ въ Хамовники...

Какъ разсказать все послѣдующее?

Лунный морозный вечеръ. Добѣжалъ, стою и едва перевожу дыханіе. Кругомъ глушь и тишина, пустой лунный переулокъ. Передо мной ворота, раскрытая калитка, снѣжный дворъ. Въ глубинѣ, на лѣво, деревянный домъ, нѣкоторыя окна котораго красновато освѣщены. Еще лѣвѣе, за домомъ, — садъ и надъ нимъ тихо играющія разноцвѣтными лучами сказочно прелестныя зимнія звѣзды. Да и все вокругъ сказачное. Какой особый садъ, какой необыкновенный домъ, какъ таинственны и полны значенія эти освѣщенные окна: вѣдь за ними — Онъ. И такая тишина, что слышно, какъ колотится сердце — и отъ радости, и отъ страшной мысли: а не лучше ли поглядѣть на этотъ домъ и бѣжать назадъ? Отчаянно кидаюсь наконецъ во дворъ, на крыльцо дома и звоню. Тотчасъ же отворяютъ — и я вижу лакея въ плохенькомъ фракѣ и свѣтлую прихожую, теплую, уютную, съ шубками и шубами на вѣшалкѣ, среди которыхъ рѣзко выдѣляется старый полушубокъ. Прямо передо мной крутая лѣстница, крытая краснымъ сукномъ. Правѣе, подъ нею, запертая дверь, за которой слышны гитары и веселые молодые голоса, удивительно беззаботные къ тому, что они раздаются въ такомъ совершенно необыкновенномъ домѣ.

— Какъ прикажете доложить?

— Бунинъ.

— Какъ-съ?

— Бунинъ.

— Слушаю-съ.

И лакей убѣгаетъ наверхъ и, къ моему удивленію, тотчасъ-же, вприпрыжку, бо́чкомъ, перехватывая рукой по периламъ, сбѣгаетъ назадъ:

— Пожалуйте обождать наверхъ, въ залу...

А въ залѣ я удивляюсь еще больше: едва вхожу, какъ въ глубинѣ ея, налѣво, тотчасъ-же, не заставляя меня ждать, открывается маленькая дверка и изъ-за нея быстро, съ неуклюжей ловкостью выдергиваетъ ноги, выныриваетъ, — ибо за этой дверкой было двѣ-три ступеньки въ коридоръ, — кто-то большой, сѣдобородый, слегка какъ будто кривоногій, въ широкой, мѣшковато сшитой блузѣ изъ сѣрой бумази, въ такихъ же штанахъ, больше похожихъ на шаровары, и въ тупоносыхъ башмакахъ. Быстрый, легкій, страшный, остроглазый, съ насупленными бровями. И быстро идетъ прямо на меня, — межъ тѣмъ какъ я все таки успѣваю замѣтить, что въ его походкѣ, вообще во всей посадкѣ есть какое-то сходство съ моимъ отцомъ, — быстро (и немного присѣдая) подходитъ ко мнѣ, протягиваетъ, вѣрнѣе, ладонью вверхъ бросаетъ большую руку, забираетъ въ нее всю мою, мягко жметъ и неожиданно улыбается очаровательной улыбкой, ласковой и какой-то вмѣстѣ съ тѣмъ горестной, даже какъ бы слегка жалостной, и я вижу, что эти маленькіе сѣро-голубые глаза вовсе не страшные и не острые, а только по звѣриному зоркіе. Легкіе и жидкіе остатки сѣрыхъ (на концахъ слегка завивающихся) волосъ по крестьянски раздѣлены на прямой проборъ; очень большія уши сидятъ необычно высоко, бугры бровныхъ дугъ надвинуты на глаза, борода, сухая,

легкая, неровная, сквозная, позволя́етъ видѣть слегка выступающую нижнюю челюсть...

— Бунинъ? Это съ вашимъ батюшкой я встрѣчался въ Крыму? Вы что-же, надолго въ Москву? Зачѣмъ? Ко мнѣ? Молодой писатель? Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никакъ не можетъ быть цѣлью жизни... Садитесь, пожалуйста, и расскажите о себѣ...

Онъ заговорилъ такъ же поспѣшно, какъ вошелъ, мгновенно сдѣлавъ видъ, будто не замѣтилъ моей потерянности, и торопясь вывести меня изъ нея, отвлечь отъ нея меня.

Что онъ еще говорилъ?

Все спрашивалъ:

— Холосты? Женаты? Съ женщиной можно жить только какъ съ женой и не оставлять ее никогда... Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилуйте себя, не дѣлайте мундира изъ нея, во всякой жизни можно быть хорошимъ человѣкомъ...

Мы сидѣли возлѣ маленькаго столика. Довольно высокая старинная фаянсовая лампа мягко горѣла подъ розовымъ абажуромъ. Лицо его было за лампой, въ легкой тѣни, я видѣлъ только мягкую сѣрую матерію его блузы, да его крупную руку, къ которой мнѣ хотѣлось припасть съ восторженной, истинно сыновней нѣжностью, да слышалъ его старческой, слегка альтовый голосъ съ характернымъ звукомъ нѣсколько выдающейся челюсти... Вдругъ зашуршалъ шелкъ, я взглянулъ, вздрогнулъ, поднялся: изъ гостиной плавно шла крупная и нарядная,

сіяюща́я черны́мъ шелковымъ платьемъ, черными волосами и живыми сплошь темными глазами дама:

— Леонъ, — сказала она, — ты забылъ, что тебѣ ждуть...

И онъ тоже поднялся и съ извиняющеюся, даже какъ бы виноватой улыбкой, глядя мнѣ прямо въ лицо своими маленькими глазами, въ которыхъ все была какая-то темная грусть, опять забралъ мою руку въ свою:

— Ну, до свиданія, до свиданія, дай вамъ Богъ, приходите ко мнѣ, когда опять будете въ Москвѣ... Не ждите многого отъ жизни, лучшаго времени, чѣмъ теперь у васъ, не будетъ... Счастья въ жизни нѣтъ, есть только зарницы его — цѣните ихъ, живите ими...

И я ушелъ, убѣжалъ и провелъ вполнѣ сумасшедшую ночь, непрерывно видѣлъ его во снѣ съ разительной яркостью, въ какой-то дикой путаницѣ...

Возвратясь въ Полтаву, я писалъ ему и получилъ отъ него нѣсколько ласковыхъ отвѣтныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ опять далъ мнѣ понять, что не стоитъ мнѣ такъ ужъ стараться быть толстовцемъ, но я все таки не унимался: обручи набивать бросилъ, но сталъ торговать книжками «Посредника», — московскаго толстовскаго издательства, — завелъ полтавское отдѣленіе его. Да, какъ это ни странно, я когда-то торговалъ: когда-то въ Полтавѣ была лавочка, внутри которой очень хорошо пахло новыми тесовыми полками и лежащими на нихъ новыми книжками и брошюрками, а надъ входомъ висѣла вывѣска: «Книжный магазинъ Бу-

нина». Я служилъ тогда въ полтавской земской управѣ, былъ ея бібліотекаремъ, сидѣлъ въ сводчатомъ полуподвальномъ залѣ, въ глубокія окна котораго глядѣлъ старый садъ управы. Тамъ я, одинъ, въ тиши, читалъ, писалъ стихи, порой работалъ надъ составленіемъ очерковъ (о борьбѣ съ вредными насекомыми, объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ), которые мнѣ заказывало статистическое бюро, бывшее при управѣ, и составилъ, кстати сказать, столько, что, если-бы собрать ихъ теперь, къ сочиненіямъ моимъ прибавилось бы еще три-четыре порядочныхъ тома. Такъ я проводилъ время до обѣда. А послѣ обѣда шелъ въ свой книжный магазинъ и ждалъ тамъ покупателей, жаждущихъ толстовскаго просвѣщенія. Покупателей однако не было, и вотъ я, чтобы хоть какъ-нибудь способствовать распространенію этого просвѣщенія, сталъ бесплатно раздавать нѣкоторыя брошюры «Посредника» управскимъ сторожамъ. Когда-же и изъ этого не вышло ничего путнаго, — на примѣръ, одинъ сторожъ, которому я далъ брошюрку о вредѣ куренія, сказалъ мнѣ вскорѣ послѣ того, что вся брошюрка эта пошла у него на тютюнъ, на цыгарки, — я рѣшился на болѣе смѣлое дѣло: сталъ иногда, пользуясь свободой своей службы, отправляться въ странствія по губерніи, торговать «Посредникомъ» по ярмаркамъ, по базарамъ, гдѣ и былъ однажды задержанъ урядникомъ «на предметъ составленія протокола за торговлю безъ законнаго на то разрѣшенія», каковой протоколъ, конечно, повлекъ за собой черезъ нѣкоторое время судебное преслѣдованіе. Преслѣдованіе оказалось

довольно сурово: меня приговорили къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, и я былъ, понятно, очень радъ, что наконецъ-то и мнѣ удастся «пострадать». Однако и тутъ преслѣдовала меня неудача: сидѣть въ тюрьмѣ мнѣ не пришлось, — я попалъ подъ всемилостивѣйшій манифестъ по случаю восшествія на престоль новаго императора и такимъ манеромъ отъ страданій былъ насильственно избавленъ.

Бросивъ торговлю (въ которой я такъ запуталъ счеты, несмотря на ихъ малые размѣры, что порою подумывалъ повѣситься отъ стыда, отъ безпомощности), я переѣхалъ на жительство въ Москву, но и тамъ все еще пытался увѣрить себя, что я братъ и единомышленникъ руководителей «Посредника» и тѣхъ, что постоянно торчали въ его помѣщеніи, наставляя другъ друга на счетъ «доброй жизни».

Тамъ-то я и видѣлъ его еще нѣсколько разъ. Онъ туда иногда заходилъ, вѣрнѣе, забѣгалъ (ибо онъ ходилъ удивительно легко и быстро) и, не снимая полушубка, сидѣлъ часъ или два, со всѣхъ сторонъ окруженный «братіей», дѣлавшей ему порою такіе вопросы:

— Левъ Николаевичъ, но что-же я долженъ былъ бы дѣлать, неужели убивать, если бы на меня напалъ, на примѣръ, тигръ?

Онъ въ такихъ случаяхъ только смущенно улыбался:

— Да какой же тигръ, откуда тигръ? Я вотъ за всю жизнь не встрѣтилъ ни одного тигра...

Сыновей его я въ ту пору еще никого не зналъ

и не видалъ. Дочерей видѣлъ. Однажды вечеромъ засталъ въ «Посредникѣ» и его, и ихъ, всѣхъ трехъ: Таню, старшую, Машу, среднюю, и Сашу, младшую. Онъ сидѣлъ возлѣ большого деревяннаго стола, занимавшаго середину комнаты и освѣщеннаго сверху висячей лампой, зябко ежился, запустивъ руки въ рукава своего стараго нагольнаго полушубка и положивъ ихъ на столъ, и слегка хмурился, слушая стоявшихъ вокругъ и что-то говорившихъ сотрудниковъ «Посредника», изъ которыхъ рѣзко выдѣлялись двое: одинъ небольшой широкоплечій, широкоскулый, похожій на сельскаго учителя, въ сѣрой блузѣ и въ валенкахъ, съ острымъ, сумасшедшимъ взглядомъ за очками, другой высокій, стройный, страстно-мрачный красавецъ съ черно-синими волосами и совершенно безумнымъ, экзотическимъ выраженіемъ смуглаго худого лица. А онѣ всѣ сидѣли на диванѣ въ углу и пристально смотрѣли оттуда блестящими молодыми глазами. Когда я присѣлъ къ столу, онѣ съ любопытствомъ стали глядѣть на меня, начали что-то шептать другъ другу и смѣяться: живо и насмѣшливо взглянуть на меня, что-то тихо скажутъ одна другой и покатаются со смѣху. Я недоумѣвалъ: въ чемъ дѣло, что смѣшно-го нашли онѣ во мнѣ? И сталъ краснѣть, дѣлать видъ, что не замѣчаю ихъ, какъ вдругъ онъ быстро взглянулъ на меня, весело улыбнулся и, не оборачиваясь, строго и шутливо крикнулъ:

— Перестаньте смѣяться!

Вспоминаю еще, какъ однажды я сказалъ ему, желая сказать пріятное и даже слегка подольститься:

— Вотъ всюду возникаютъ теперь эти общества трезвости...

Онъ сдвинулъ брови:

— Какія общества?

— Общества трезвости...

— То есть, это когда собираются, чтобы водки не пить? Вздоръ. Что-бы не пить, незачѣмъ собираться. А ужъ если собираться, то надо пить. Все вздоръ, ложь, подмѣна дѣйствія видимостью его...

А на дому я былъ у него еще только одинъ разъ. Меня провели черезъ залу, гдѣ я когда-то впервые сидѣлъ съ нимъ возлѣ милой розовой лампы, потомъ въ эту маленькую дверку, по ступенькамъ за ней и по узкому коридору, и я робко стукнулъ въ дверь направо.

— Войдите, — отвѣтилъ старческой альтовый голосъ.

И я вошелъ и увидалъ низкую, небольшую комнату, тонувшую въ сумракѣ отъ желѣзнаго щитка надъ стариннымъ подсвѣчникомъ въ двѣ свѣчи, кожаный диванъ возлѣ стола, на которомъ стоялъ этотъ подсвѣчникъ, а потомъ и его самого, съ книгой въ рукахъ. При моемъ входѣ онъ быстро поднялся и неловко, даже, какъ показалось мнѣ, смущенно бросилъ ее въ уголь дивана. Но глаза у меня были мѣткіе, и я увидѣлъ, что читалъ онъ, то есть перечитывалъ (и, вѣроятно, уже не въ первый разъ, какъ дѣлаемъ это и мы, грѣшныя) свое собственное произведеніе только что напечатанное тогда, — «Хозяинъ и работникъ». Я, отъ восхищенія передъ этой

вещью, имѣлъ безтактность издать восторженное восклицаніе. А онъ покраснѣлъ, замахалъ руками:

— Ахъ, не говорите! Это ужасъ, это такъ ничтожно, что мнѣ по улицамъ ходить стыдно!

Лицо у него было въ этотъ вечеръ худое, темное, строгое: незадолго передъ тѣмъ умеръ его семилѣтній Ваня. И послѣ «Хозяина и работника» онъ тотчасъ заговорилъ о немъ:

— Да, да, милый, прелестный мальчикъ былъ. Но что это значитъ — умеръ? Смерти нѣтъ, онъ не умеръ, разъ мы любимъ его, живемъ имъ!

Вскорѣ мы вышли и пошли въ «Посредникъ». Была черная мартовская ночь, дулъ весенній вѣтеръ, раздувая огни фонарей. Мы бѣжали наискось по снѣжному Дѣвичью Полю, онъ прыгалъ черезъ канавы, такъ что я едва поспѣвалъ за нимъ, и опять говорилъ — отрывисто, строго и рѣзко:

— Смерти нѣту, смерти нѣту!

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого я видѣлъ его еще разъ. Какъ-то въ страшно морозный вечеръ, среди огней за сверкающими, обледенѣлыми окнами магазиновъ, шелъ въ Москвѣ по Арбату — и неожиданно столкнулся съ нимъ, бѣгущимъ своей пружинной походкой прямо навстрѣчу мнѣ. Я остановился и сдернулъ шапку. Онъ сразу узналъ меня:

— Ахъ, это вы! Здравствуйте, здравствуйте, надѣвайте, пожалуйста, шапку... Ну, какъ, что, гдѣ вы и что съ вами?

Старческое лицо его такъ застыло, посинѣло, что имѣло совсѣмъ несчастный видъ. Что-то вязаное изъ голубой песцовой шерсти, что было на его го-

ловъ, было похоже на старушечій шлыкъ. Большая рука, которую онъ вынулъ изъ песцовой перчатки, была совершенно ледяная. Поговоривъ, онъ крѣпко и ласково пожалъ мою, опять глядя мнѣ въ глаза горестно, съ поднятыми бровями:

— Ну, Христось съ вами, Христось съ вами, до свиданія...

VI

Не помню, въ какомъ именно году видѣлъ я его въ этотъ зимній вечеръ въ Москвѣ на Арбатѣ. О чемъ мы говорили, тоже не помню. Помню только, что во время этого короткаго разговора онъ спросилъ меня, пишу-ли я что-нибудь? Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, почти не пишу. И все, что прежде писалъ кажется теперь такимъ, что лучше и не вспоминать.

Онъ оживился:

— Ахъ, да, да, прекрасно знаю это!

— Да и нечего писать, — прибавилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то нерѣшительно, потомъ точно вспомнилъ что-то:

— Какъ же такъ нечего? — спросилъ онъ. — Если нечего, напишите тогда, что вамъ нечего писать и почему нечего. Подумайте, почему именно нечего, и напишите. Да, да, попробуйте сдѣлать такъ, сказалъ онъ твердо.

Такъ видѣлъ я его послѣдній разъ. Часто потомъ говорилъ себѣ: непременно надо хоть однажды увидеть еще, вѣдь того гляди это станетъ невозможно. — и все не рѣшался искать новой встрѣчи. Все думалъ: зачѣмъ я ему? Когда разнеслась вѣсть, что

его уже нѣтъ на свѣтѣ, я былъ въ Петербургѣ. Тотчасъ подумалъ: ѣхать, увидеть его еще разъ, хоть въ гробу! — но удержало какое-то необъяснимое чувство: нѣтъ, этого не надо.

Я вскорѣ возвратился въ Москву. Тамъ только и было разговору, что о немъ. Тѣ, что были на его похоронахъ, рассказывали, «какое это было удивительно грандіозное зрѣлище, истинно народное, несмотря на всѣ мѣры, предпринятыя правительствомъ, дабы помѣшать ему быть такимъ», какъ везли тѣло со станціи Астапово на Козлову Засѣку, какъ, въ сопровожденіи огромной толпы, на рукахъ несли гробъ по полямъ къ Ясной Полянѣ, и я радъ былъ, что ничего этого не видѣлъ собственными глазами: хоронили его «благодарные крестьяне», хоронила «студенческая молодежь» и «вся русская передовая интеллигенція», — общественные дѣятели, адвокаты, доктора, журналисты, — люди, чуждые ему всячески, восхищавшіеся только его обличеніями Церкви и правительства и на похоронахъ испытывавшіе въ глубинѣ душъ даже счастье: тотъ экстазъ театральности, что всегда охватываетъ «передовую» толпу на всякихъ «гражданскихъ» похоронахъ, въ которыхъ всегда есть нѣкоторый революціонный вызовъ и это радостное сознаніе, что вотъ насталъ такой мигъ, когда никакая полиція не смѣетъ ничего тебѣ сдѣлать, когда, чѣмъ больше этой полиціи, принужденной терпѣть «огромный общественный подъемъ», тѣмъ лучше...

Въ тѣ дни намъ уже стало извѣстно съ достаточной точностью, — отъ Сергѣя Львовича, старшаго

его сына, постоянно жившаго въ Москвѣ и только что вернувшася изъ Ясной Поляны, — что именно «переполнило чашу терпѣнія Льва Николаевича», и какъ онъ бѣжалъ. Все это было то самое, что впоследствии столько разъ описывали и что Сергѣй Львовичъ узналъ отъ Александры Львовны. И я помню, какъ я, слушая, минута за минутой переживалъ въ воображеніи эту ночь съ 27 на 28 октября: вѣдь эта ночь была еще такъ близка, вѣдь съ этой ночи прошло тогда всего двѣ недѣли...

Говорили общеизвѣстное теперь: бѣжалъ потому, что за послѣдній годъ былъ особенно замученъ женой и нѣкоторыми сыновьями изъ-за слуховъ, что написалъ завѣщаніе, въ которомъ отказался отъ авторскихъ правъ уже на всѣ свои сочиненія. Говорили, что Софья Андреевна съ психопатической настойчивостью добивалась узнать, правда-ли, что существуетъ такое завѣщаніе, — она уже давно чувствовала, что вокругъ нея происходитъ что-то тайное, что Левъ Николаевичъ съ Александрой Львовной ведутъ какія-то сокровенныя дѣла: имѣютъ какіе-то письменные и устные переговоры съ Чертковымъ и его помощниками, гдѣ-то видятся съ ними, прячутъ отъ нея какія-то бумаги и новые дневники Льва Николаевича... Цѣлью ея жизни стала съ тѣхъ поръ слѣжка за нимъ, исканіе по дому этихъ бумагъ и дневниковъ...

Александра Львовна проснулась въ ночь съ 27 на 28 октября отъ его легкаго стука въ дверь и услышала его прерывающійся голосъ: «Саша, я сейчасъ уѣзжаю». Онъ стоялъ въ своей сѣрой блузѣ, со свѣ-

чей въ рукѣ, и лицо у него («розовое») было «свѣтло, прекрасно и полно рѣшимости». Сергѣй Львовичъ рассказывалъ: отецъ весь дрожалъ, какъ попалъ собираясь при помощи Александры Львовны въ дорогу, — «только самое необходимое, Саша, да карандаши и перья и никакихъ лѣкарствъ!» — руки его прыгали, затягивая ремни чемодана... Потомъ онъ побѣжалъ на конюшню будить работниковъ, велѣлъ запрягать лошадей. Ночь была сырая, холодная и непроглядная, онъ въ темнотѣ заблудился, попалъ въ какіе-то кусты, чуть не выкололъ глазъ, потерялъ шапку... Вернувшись въ домъ и надѣвъ другую, опять побѣжалъ, свѣтя себѣ электрическимъ фонарикомъ, въ конюшню, сталъ помогать запрягать и, все больше дрожа отъ страха, что вотъ-вотъ проснется Софья Андреевна, едва могъ надѣть на лошадь уздечку, потомъ обезсилѣлъ: бросилъ помогать, отошелъ въ уголь каретнаго сарая, слабо освѣщеннаго огаркомъ свѣчки, и въ полномъ изнеможеніи сѣлъ на что-то въ полутьмѣ... На немъ была въ эту ночь старая вязаная шапка, — можетъ быть, все та же самая, въ которой я видѣлъ его на Арбатѣ, — старая синяя поддевка, старыя вязаныя перчатки, старыя калоши... А 7 ноября, уже на смертномъ ложѣ, — сѣрая фланелевая блуза, сѣренькіе штаны, сѣрые шерстяные чулки и ночныя туфли...

Ужасно было въ то время читать газеты съ ихъ пошлой торжественностью:

— Съ 10 часовъ 7 ноября разрѣшили входить въ ту комнату, гдѣ лежало тѣло великаго старца, всѣмъ желавшимъ поклониться ему. Желѣзнодорож-

ники убрали его ложе вѣтками можжевельника и возложили первый вѣнокъ съ трогательной надписью: «Апостолу любви». Потомъ стали приходить крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, деревенскіе школьники; многіе родители приводили дѣтей, чтобы они видѣли и всю жизнь вспоминали потомъ лицо великаго защитника всѣхъ трудящихся и обремененныхъ...

— Въ полдень организовали первую гражданскую панихиду. Толпа пѣла «вѣчную память»...

— На другой день гробъ поставили въ товарный вагонъ, убранный соломенными вѣнками и хвойными вѣтками, и поѣздъ, переполненный родными и близкими, друзьями и поклонниками, представителями печати и общественности, медленно тронулся...

«Пріѣхавъ въ день похоронъ въ Ясную Поляну съ журналистомъ Поповымъ, писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» поэтъ Брюсовъ, мы пошли къ усадьбѣ пѣшкомъ... Вотъ фруктовый садъ, насаженный Толстымъ, вотъ крытая аллея, гдѣ онъ любилъ сидѣть отдыхать, а вотъ и рощица, гдѣ вырыта для него могила... Дальше — типичная усадьба деревенскихъ дворянъ, простой двухъэтажный домъ... Во дворѣ усадьбы — толпы народу, студенты, курсистки, фотографы... Въ паркѣ повсюду конные стражники и конные казаки... Откуда-то издали уже слышится хорое пѣніе приближающагося кортежа:

— Несутъ!

Кортежъ приближается. Впереди идутъ крестьяне, несущіе на древкахъ полотнище, на которомъ начертано: «Левъ Николаевичъ, память о томъ

добрѣ, которое ты дѣлалъ намъ, никогда не умретъ въ насъ, осиротѣвшихъ крестьянахъ Ясной Поляны». За ними — простой дубовый гробъ, который несутъ на рукахъ открытымъ. Еще дальше три телѣги съ вѣнками...»

Тѣмъ-же тономъ рассказывается и дальнѣйшее: «Въ сумерки опять растворяются двери дома. И тихо, медленно выносятъ гробъ.

Несутъ сыновья.

Кто-то начинаетъ «вѣчную память». Пѣніе подхватывается всей толпой, даже тѣми, кто никогда въ жизни не пѣлъ.

Въ эту минуту этотъ хоръ — Россія.

— На колѣни!

И вся толпа, на всемъ пути гроба, опускается на колѣни...»

Поповъ, о которомъ упоминаетъ Брюсовъ, былъ мнѣ знакомъ. Возвратясь въ Москву, онъ много рассказывалъ мнѣ объ этомъ «грандіозномъ зрѣлищѣ». Рассказывалъ и нѣкто Мертваго, тоже вздвигшій въ Ясную Поляну. Онъ вечеромъ послѣ похоронъ сидѣлъ на деревнѣ съ яснополянскими мужиками, и мужики все спрашивали:

— Ну вотъ, мы несли эту самую вывѣску. Что-жъ, будетъ намъ за это какое-нибудь награжденіе отъ начальства или отъ графини? Вѣдь мы какъ старались! Цѣлый день на ногахъ! Опять же на вѣнокъ потратились.

Поповъ ужасно возмущался. Подумайте, какъ относился покойный къ нимъ всю жизнь, сколько и впрямь добра сдѣлалъ! А какъ было шестьдесятъ

лѣтъ назадъ, когда онъ, еще юношей, еще до правительственнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права, самъ предлагалъ имъ волю, и они не повѣрили безкорыстности его намѣреній, такъ и теперь осталось! Мертваго, старый помѣщикъ, хорошо знавшій мужиковъ, только усмѣхался. Онъ рассказывалъ, какъ ядовито говорилъ одинъ яснополянскій мужикъ:

— Да, хорошій былъ баринъ покойный графъ! Все, говорить, бывало, теперь не мое, я давно все добро женѣ и дѣтямъ отдалъ, мнѣ это, молъ, безъ надобности, я трудящій народъ люблю... А выйдешь такъ-то на зорькѣ, еще солнце не показывалось, а ужъ онъ шмыгъ, шмыгъ по росѣ, по опушкѣ своего лѣса, и такъ шныряетъ глазами по лѣсу: нѣтъ ли, значить, порубки гдѣ?

— Я его, рассказывалъ Мертваго, стыдить сталъ, увѣрять, что это онъ для здоровья гулялъ рано по утрамъ. Куда тебѣ! Мужикъ стоялъ на своемъ: «Знаемъ мы это здоровье! Нѣтъ, ужъ такіе зоркіе хозяйскіе глаза были!»

Это бѣгство изъ Ясной Поляны, эта смерть на захолустной желѣзнодорожной станціи и эти «гражданскіе» похороны примирили съ нимъ уже все «передовое» русское общество и снова вызвали безконечные толки о немъ.

Въ пору моей ранней молодости о немъ тоже очень много говорили, но совсѣмъ иначе. Тогда всѣ еще поражались тѣмъ, что графъ, аристократъ, богачъ, знаменитый романистъ, вдругъ надѣлъ мужицкую одежду, сталъ пахать, шить сапоги, класть печи,

обслуживать самого себя. Поражались «Крейцеровой сонатой» и особенно «Послѣсловіемъ» къ ней, гдѣ человѣкъ, произведшій на свѣтъ тринадцать человѣкъ дѣтей, вдругъ возсталъ не только противъ любви между мужчиной и женщиной, но даже и противъ продолженія человѣческаго рода. Чаще всего говорили, что «Крейцерова соната» объясняется очень просто — его старчествомъ и тѣмъ, что онъ «ненавидитъ жену». Еще тогда рассказывалъ мнѣ Теноромо, будто Толстой сказалъ ему однажды:

— Ненавижу Софью Андреевну, да и всѣхъ женщинъ! Умру, положить въ гробъ, закроютъ крышкой, а я вдругъ вскочу, скину ее и крикну Софьѣ Андреевнѣ: «Ненавижу!»

Тогда жилъ въ толстовской семьѣ въ качествѣ учителя дѣтей нѣкто Лазурскій, впоследствии профессоръ Новороссійскаго университета, который рассказывалъ мнѣ, какъ однажды Софья Андреевна говорила съ нимъ о «Крейцеровой сонатѣ», когда вдругъ вошелъ Толстой.

— О чемъ это вы? — сказалъ онъ. — О любви, о бракѣ? Бракъ — гибель. Шелъ человѣкъ до поры до времени одинъ, свободно, легко, потомъ взялъ и связалъ свою ногу съ ногой бабы.

Софья Андреевна спросила:

— Зачѣмъ-же ты самъ женился?

— Глупъ былъ, думалъ тогда иначе.

— Ну, да, ты вѣдь постоянно такъ: нынче одно, завтра другое, все мѣняешь свои убѣжденія.

— Всякій долженъ ихъ мѣнять, стремиться къ лучшимъ. Въ бракѣ люди сходятся только затѣмъ,

чтобы другъ другу мѣшать. Сходятся два чужихъ чело-
вѣка и на весь вѣкъ остаются другъ другу чужи-
ми. Говорятъ: мужъ и жена — параллельныя линіи.
Вѣдоръ, — это пересѣкающіяся линіи; какъ только
пересѣклись, такъ и пошли въ разныя стороны...

Безъ конца шли тогда страстные и раздражен-
ные разговоры о его проповѣди «недѣланія» и «не-
противленія злу». Тѣ, что находились въ оппозиціи
всему государственному устройству Россіи и всѣмъ
дѣйствіямъ правительства, цѣлью своей жизни ста-
вившіе всяческую дѣйственную политическую и об-
щественную борьбу «за благо народа» и за новое
государственное устройство, считали его тогда сво-
имъ очень опаснымъ, благодаря его имени, врагомъ:
хорошее время выбралъ его сіятельство для пропо-
вѣди недѣланія и непротивленія, для призывовъ
«удалиться въ келью подъ елью» ради спасенія
грѣшныхъ душъ и тѣль отъ всякихъ мірскихъ дѣлъ
и соблазновъ! Сидитъ въ лаптяхъ въ своемъ роскош-
номъ домѣ, кушаетъ изъ рукъ лакея въ бѣлыхъ пер-
чаткахъ — и проповѣдуетъ святую нищету и «не-
дѣланіе!» Эти только тогда были на его сторонѣ,
когда онъ «обличалъ». А другіе ненавидѣли его за
его обличенія, за борьбу съ Церковью, за его «глум-
ленія» надъ тѣмъ пониманіемъ христіанства, кото-
рое она имѣла споконъ вѣковъ. И всѣ рассказывали
одно и то же — о его «чудечествахъ», о рѣзкости,
нелѣпости или невѣжественности его мнѣній, сужде-
ній, о страстности его натуры, которую онъ долженъ
бы былъ то и дѣло смирять, о тѣхъ противорѣчіяхъ
и слабостяхъ, что были въ немъ:

— Кто такъ, какъ онъ, осуждалъ и все еще осуждаетъ людей надменныхъ, гордыхъ, честолюбивыхъ, чувственныхъ, самонадѣянныхъ, самоуверенныхъ? А самъ во всѣхъ этихъ качествахъ всѣхъ превзошелъ. Вотъ уже кто истинно пресытился въ удовлетвореніи всякихъ своихъ пороковъ и страстей и какъ дьяволъ обуянъ гордыней!

— Наслушалась и я въ своей молодости о немъ, — рассказывала мнѣ Лопатина. — Хорошо помню этотъ сѣрый деревянный домъ съ большимъ старымъ садомъ возлѣ Дѣвичьяго Поля, домъ графа Льва Николаевича Толстого въ Хамовническомъ переулкѣ или, какъ выражались короче, въ Хамовникахъ, много говорили тогда объ этомъ домѣ, о его хозяинѣ и о «темныхъ»: такъ называлъ и самъ Левъ Николаевичъ и всѣ его домашніе толстовцевъ, появлявшихся въ хамовническомъ домѣ въ своихъ блузахъ и туфляхъ, — сапоговъ, то есть «кожу убитыхъ животныхъ» они не носили, — молча сидѣвшихъ по угламъ, смотрѣвшихъ съ вызывающимъ осужденіемъ, людей угрюмыхъ, нелюдимыхъ, страшныхъ на видъ, заросшихъ лохматыми бородами и волосами, — ихъ называли еще «дремучими». Не было тогда дома въ Москвѣ, гдѣ бы не обсуждали проповѣдей Толстого, не бранились по поводу него, не рассказывали о томъ, какъ онъ, въ своей бекешкѣ, съ сѣдой бородой, съ жесткими и умными глазами подъ нависшими бровями, пробѣгаетъ то тамъ, то здѣсь по московскимъ улицамъ и бульварамъ, какъ видятъ его иногда везущимъ бочку воды на обледенѣлыхъ

салазкахъ... Мнѣ тутъ вспоминаются отношенія между нимъ и Владиміромъ Соловьевымъ.

— Было извѣстно, что Левъ Николаевичъ не любитъ Соловьева, и что и Соловьевъ отзывается о немъ безъ особаго почтенія. Когда по Москвѣ читали въ рукописи «Въ чемъ моя вѣра», Соловьевъ писалъ профессору Карѣеву: «Здѣсь Левъ Толстой выпускаетъ свою новую книгу подъ названіемъ: «Въ чемъ моя вѣра». Одинъ мой пріятель, прочитавши се въ корректурѣ, говоритъ, что ничего болѣе наглаго и глупаго онъ никогда не читалъ. Сущность книги — въ ожесточенной полемикѣ противъ идеи безсмертія души, противъ Церкви, государства и общественнаго порядка — все это во имя Евангелія. Апостоль Павелъ называется тамъ «полоумнымъ каббалистомъ, совершенно искажившимъ христіанство». Конечно, эта книга будетъ запрещена, что не помѣшаетъ ея распространенію въ публикѣ, но сдѣлаетъ невозможнымъ ея опроверженіе въ печати.» Соловьевъ спорилъ съ Н. Н. Страховымъ: «Съ тѣмъ, что вы пишете о Достоевскомъ и Толстомъ, я рѣшительно не согласенъ. Нѣкоторая непрямота и неискренность, — такъ сказать, сугубость, — была въ Достоевскомъ лишь той шелухой, о которой вы такъ прекрасно говорите, но Достоевскій былъ способенъ отбрасывать эту шелуху, и тогда подъ ней оказывалось много настоящаго и хорошаго. А у Толстого непрямота и неискренность болѣе глубока, но я не желаю объ этомъ распространяться: во-первыхъ, въ виду вашихъ чувствъ къ нему, во-вторыхъ, въ виду Великаго Поста, въ-третьихъ, въ виду запо-

вѣди «не судите», которую я продолжаю понимать въ нравственномъ, а не въ юридическомъ смыслѣ... Сегодня я у Фета видѣлся съ самимъ Толстымъ, который, ссылаясь на одного нѣмца, а также и на основаніи собственныхъ соображеній, доказывалъ, что земля не вращается вокругъ солнца, а стоитъ неподвижно и есть единственное намъ извѣстное «твердое» тѣло, солнце же и прочія свѣтила суть лишь куски свѣта, летающіе надъ землей по той причинѣ, что свѣтъ не имѣетъ вѣса...» Тутъ я такъ и слышу обычный неудержимо-разнузданный смѣхъ Соловьева...

— Соловьевъ бывалъ въ Хамовникахъ, ходилъ и Левъ Николаевичъ къ нему. Соловьевъ однажды написалъ Страхову, что лично совсѣмъ помирился съ Толстымъ: «Онъ пришелъ ко мнѣ объяснить нѣкоторые свои странные поступки, а затѣмъ я провелъ у него цѣлый вечеръ съ большимъ удовольствіемъ и, если онъ всегда будетъ такой, то буду посѣщать его».

— Потомъ онъ изложилъ Толстому «главный пунктъ» своего разномыслія съ нимъ. Пунктъ этотъ былъ воскресеніе Христа. Но сколько было между ними всякихъ другихъ разномысліи и вообще различій! Эта прихожая, эта лѣстница и залъ хамовническаго дома, садъ при этомъ домѣ, всегда шумный отъ говора и смѣха молодыхъ Толстыхъ, эта блуза Толстого съ ременнымъ пояскомъ, за который онъ засовывалъ руки, его хмурое лицо съ незабываемыми глазами, безконечные разговоры о томъ, можно ли ѣсть мясо, жарить кофе и не безнравственно ли по-

могать людямъ деньгами, и большой чайный столъ, надъ которымъ озабоченно хлопоталъ молодой лакей, всѣхъ называвшій сіятельствами... И эти бездомныя скитанія Соловьева по номерамъ и по домамъ знакомыхъ, его длинная фигура въ длинномъ сюртукѣ и макферланѣ, его подчеркнута - интеллигентскій видъ съ отросшими по плечамъ волосами, его постоянныя болѣзни, постоянныя Причастія и полное безстрашіе смерти... Все было слишкомъ различно! Толстой утверждалъ, что вся религіозная система Соловьева, вся его вѣра была чисто головной. А Соловьевъ, сравнивая его съ Достоевскимъ, говорилъ о его непрямотѣ, о его неискренности...

Вслѣдствіи я часто встрѣчался и подружился съ Ильей Львовичемъ. Это былъ веселый, жизнерадостный, очень безпутный и очень талантливый по натурѣ человекъ. Онъ любилъ говорить объ отцѣ, много рассказывалъ мнѣ о немъ. Одинъ его рассказъ былъ замѣчательнъ. Онъ еще засталъ въ живыхъ чуть не столѣтнюю няньку отца, жившую потомъ при отцѣ въ его молодости и въ годы семейной жизни, — это она написана подъ именемъ Агафьи Михайловны, няньки и друга Левина, — и наконецъ доживавшую свои послѣдніе дни въ яснополянскомъ домѣ въ полномъ одиночествѣ въ какой-то каморкѣ.

— Что за старуха была, ты даже и представить себѣ не можешь, — рассказывалъ Илья Львовичъ. — Лежу, говоритъ, въ своемъ чуланчикѣ, день и ночь одна одинешенька, — только часы на перегородкѣ постукиваютъ. И все домогаются, все домогаются: «Кто ты — что ты? Кто ты — что ты?» Ле-

жишь, слушаешь и все думаешь, думаешь: кто-жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, что ты такое есть на свѣтѣ? — Отецъ былъ въ совершенномъ восторгѣ: да, да, повторялъ онъ, вотъ въ этомъ и вся шутка: кто ты, что ты?

Но и Илья Львовичъ часто говорилъ общеизвѣстное.

— Ты знаешь, — говорилъ онъ мнѣ во время великой войны, — ты, вѣрно, удивишься, что я тебѣ скажу, а я все таки думаю, что отецъ, если бы онъ былъ живъ теперь, былъ бы въ глубинѣ души горячимъ патріотомъ, желалъ бы нашей побѣды надъ нѣмцами, разъ ужъ начата эта война. Проклиналъ бы ее, а все таки со страстью слѣдилъ бы за ней. Вѣдь у него всегда было семь пятницъ на недѣлѣ, его никогда нельзя было понять до конца...

— Ты, какъ всѣ, тоже хочешь сказать, что онъ былъ такъ переменчивъ, неустойчивъ?

— Да нѣтъ, не то. Я хочу сказать, что его и до сихъ поръ не понимаютъ, какъ слѣдуетъ. Вѣдь онъ состоялъ изъ Наташи Ростовоной и Ерошки, изъ князя Андрея и Пьера, изъ старика Волконскаго и Каратаева, изъ княжны Марьи и Холстомѣра... Ты знаешь, конечно, что сказалъ ему Тургеневъ, прочитавъ «Холстомѣра»? «Левъ Николаевичъ, теперь я вполне убѣжденъ, что вы были лошадыю!» — Однимъ словомъ, его всегда надо было понимать какъ-то очень сложно...

— Онъ любилъ меня, — говорилъ Илья Львовичъ. — И многое прощаль. Знаешь, уѣхали мы, молодежь, однажды на охоту въ отъѣзжее поле и до того допи-

лись, охотясь, что выдумали водку зелеными мерзлыми закусывать, а ходить на четверенькахъ, — будто мы волки... Ты не можешь себѣ представить, какъ отецъ хохоталъ, когда я ему это потомъ рассказывалъ!

Вспоминаю еще, какъ говорилъ въ томъ-же родѣ нѣкто Суляржицкій, бывшій въ толстовскомъ домѣ совсѣмъ своимъ:

— Да, Левъ Николаевичъ непостижимый человекъ! Ужъ онъ-ли не врагъ всякой военщины! А вернулся однажды въ морозный зимній день съ прогулки по Москвѣ и еще изъ прихожей закричалъ мнѣ своимъ старческимъ голосомъ: «Слушайте, какихъ я сейчасъ двухъ юнкеровъ на Кузнецкомъ Мосту видѣлъ! Боже, что за молодцы! Что за фигуры! Какія литыя шинели до самыхъ пятъ, съ разрѣзомъ сзади, до самага пояса! Какой ростъ, свѣжесть, сила — рѣдкій молодой жеребецъ такъ прекрасенъ! И вдругъ, какъ нарочно, навстрѣчу имъ генераль... Если бы вы видѣли, какъ они вдругъ, топнувъ и звякнувъ шпорами, мгновенно окаменѣли, какъ ударили руку къ околышу и выкатили глаза! Ахъ, какое великолѣпіе, какая прелесть!»

VIII

Лопатина была женщина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчательная, но очень пристрастная. Воспроизвожу однако въ полной точности то, что еще рассказывала она мнѣ о немъ, о его родныхъ и близкихъ и о той московской средѣ, къ которой онъ принадлежалъ и въ которой она выросла.

И я, какъ вы, узнала о Толстомъ очень рано, еще маленькой дѣвочкой, рассказывала она. Въ нашей залѣ съ роялемъ, стульями по стѣнамъ и висячими грустными лампами, — она такъ и сказала: «грустными лампами», — отецъ мой читалъ его новый романъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» моей матери. Долетали отдѣльныя фразы, и я чувствовала, какъ странно хороши онѣ!

Объ Аннѣ Карениной всѣ у насъ говорили по цѣлымъ днямъ. Наконецъ Миша Соловьевъ, братъ Владиміра, принесъ Левъ извѣстіе: «А знаешь? Анна Каренина бросилась подъ поѣздъ!» Объ этомъ тоже говорили, говорили, спорили, — совсѣмъ, какъ о знакомомъ человѣкѣ.

Потомъ однажды зимнимъ солнечнымъ днемъ нахожу въ кабинетѣ отца, на полу передъ полками бібліотеки, растрепанную книжку въ синей оберткѣ.

Беру въ руки и какъ будто не читаю, а совершенно вижу грязную, изрытую дорогу и солдата въ сѣрой шинели, бѣгущаго съ бастіона съ двумя ружьями на плечахъ...

«Севастопольскіе рассказы!» Я не могла равнодушно слышать даже это названіе. И когда поѣхала въ первый разъ въ Крымъ, какъ поэтиченъ казался Севастополь! Онъ еще весь былъ въ развалинахъ. На площадяхъ и улицахъ съ остовами домовъ такъ и казалось, что солдатъ ведетъ подь уздцы тройку лошадей, офицеръ Михайловъ, натягивая бѣлую перчатку, поднимается въ гору и по розовому на закатѣ морю разносятся звуки Штраусовскаго вальса, который оркестръ играетъ на бульварѣ... Отъ звуковъ склянокъ на судахъ сжималось сердце, и было жаль, что были ночью крупныя звѣзды, а не медленно летящія и свѣтящіяся на темномъ небѣ гранаты....

Еще когда Толстые жили въ Ясной Полянѣ, о нихъ у насъ много говорили. Особенно московскія дамы.

Сидишь, бывало, и слушаешь разговоры родителей съ какой-нибудь гостьей про страданія и трудность жизни Софьи Андреевны, «бѣдной Софи», про то, какъ, сообразно смѣнявшимся взглядамъ Льва Николаевича, измѣнялась вся жизнь ея дѣтей: то иностранцы-гувернеры и строго-англійское воспитаніе, то вдругъ русскія рубашки, даже будто бы лапти, общество крестьянскихъ ребятъ и полная распушенность, а потомъ опять все сначала — англичанки, голыя икры и банты...

Въ это время въ Москвѣ проживала весьма интересная и даже замѣчательная семья графа Олсуфьева. Принадлежавшая по своему происхожденію и положенію (графъ былъ генераль свиты Государя) къ высшей петербургской аристократіи и ко двору, семья эта, вслѣдствіе разныхъ личныхъ обстоятельствъ графини Анны Михайловны и переменъ ея политическихъ взглядовъ и умственныхъ интересовъ, явилась въ Москвѣ однимъ изъ центровъ объединявшихъ ученую и профессорскую среду. Тамъ всегда можно было встрѣтить ученыхъ позитивистическаго направленія, художниковъ, писателей. Тамъ бывалъ и Толстой, котораго графиня очень любила, — бывалъ не такъ, какъ прочіе, а какъ другъ, какъ человѣкъ близкій по кругу и воспитанію.

Въ Мертвомъ переулкѣ, въ огромномъ особнякѣ, снятомъ Олсуфьевыми для зимнихъ пріѣздовъ изъ подмосковной деревни, я и увидала его впервые.

Въ большой залѣ былъ накрытъ длинный столъ ослѣпительно бѣлой скатертью, и два лакея, старый и молодой, во фракахъ, съ хлопотливой озабоченностью разставляли на немъ тарелочки съ печеньями и тортами и раскладывали серебро. Въ гостиной играли маленькой компаніей въ карты. И вотъ онъ вдругъ вошелъ своей легкой, молодой походкой, въ мягкихъ, беззвучныхъ сапогахъ, въ сѣрой блузѣ съ тонкимъ ремешкомъ-поясомъ, со своей большой бородой и непередаваемымъ, рѣзко-неправильнымъ, совершенно незабываемымъ лицомъ, съ пронзительно-острыми, умными глазами. И глаза эти сразу (и уже на всю жизнь) показались мнѣ жесткими, не-

добрыми, — такими, какъ опредѣлялъ ихъ мой отецъ: «волчьи глаза». Потомъ уже всегда, когда онъ вдругъ входилъ, мнѣ дѣлалось не по себѣ и жутко: будто въ яркій солнечный день открыли дверь въ темный погребъ. Меня ему представили просто: «дочка» — и назвали моего отца. Онъ сказалъ: «знаю» — и пожалъ мнѣ руку. А я не вѣрила себѣ, что вижу его, — того, кто могъ написать небо надъ Аустерлицомъ, и Бородино, и мать въ «Дѣтствѣ», и свиданіе Анны съ сыномъ.

Поздоровавшись съ графиней и со всѣми прочими, онъ тотчасъ же обратился къ профессору (естественнику) Усову:

— Я вотъ все хотѣлъ спросить васъ, Сергѣй Алексѣевичъ, правда-ли, что если укуситъ бѣшеная собака, то человѣкъ навѣрное умретъ черезъ шесть недѣль?

Усовъ отвѣтилъ:

— Бываетъ, что умираютъ черезъ шесть недѣль, бываетъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и черезъ годъ, а, говорятъ, и черезъ много лѣтъ. Но можно и совсѣмъ не умереть. Далекое не всѣ укушенные умираютъ.

— Ахъ, какъ это жалко, — съ упрямымъ оживленіемъ сказалъ Толстой. — Мнѣ ужасно нравилась мысль, что умираютъ, это удивительно хорошо. Укусить собака, и знаешь навѣрное, что черезъ шесть недѣль непременно умрешь, и руби всѣмъ правду въ глаза, дѣлай, что хочешь... А вы навѣрное знаете, что это не такъ? — упрямо спрашивалъ онъ.

Сколько разъ потомъ при разговорахъ и спо-

рахъ Толстого я слышала этотъ упрямый тонъ, эту его манеру говорить быстрѣе собесѣдника и видѣла эти глаза!

У Олсуфьевыхъ какъ разъ въ это лѣто былъ переполохъ: бѣгала бѣшеная собака. Собаку никакъ не могли поймать, — успокоились только тогда, когда, наконецъ, явился однажды урядникъ, и, вытянувшись и взявъ подъ козырекъ, отрапортовалъ: «Имѣю честь доложить вашему сіятельству, что собака прослѣдовала къ станціи Подсолнечной». А до того олсуфьевскіе мужики оставались совершенно равнодушны къ собакамъ и не думали о томъ, чтобы поймать и убить ее.

— И прекрасно дѣлали! — сказала Толстой.

И вдругъ сталъ просто, спокойно, ярко рассказывать, какъ въ бытность его на Кавказѣ у него сбѣсился лягавый щенокъ Булька, какъ онъ лизалъ и хваталъ зубами его сапогъ...

Въ нашемъ кругу постоянно говорили не только о Толстомъ, но и о всей Толстовской семьѣ. Напримѣръ, первый выѣздъ Тани Толстой, ея первый балъ (кажется, у князей Щербатовыхъ) былъ предметомъ разговора даже у насъ, у моихъ братьевъ со мной, хотя я еще ея не знала. Рассказывали бывшіе на этомъ балу о ея простомъ бѣломъ платьѣ, восхитительной улыбкѣ, своеобразныхъ, немного рѣзкихъ манерахъ, не скрывававшихъ милой застѣнчивости... Помнится, это былъ ея единственный балъ. Скоро Левъ Николаевичъ запретилъ ей выѣзды на балы. И когда потомъ былъ какъ-то балъ у Беклемишевыхъ, она забралась къ нимъ въ самомъ началѣ, въ про-

стомъ платьѣ, — только посмотрѣть. Комнаты, еще холодныя, ярко освѣщенныя и полныя запаха цвѣтовъ, постепенно наполнялись огромнымъ количествомъ московскихъ барышень въ воздушныхъ платьяхъ, въ нарядныхъ прическахъ и цвѣтахъ, съ мѣховыми накидками на обнаженныхъ плечахъ... Таня съ любопытствомъ разглядывала всѣхъ:

— Какія вы всѣ смѣшныя! — наконецъ сказала она совсѣмъ по-толстовски. — Голыя и въ цвѣтахъ!

Я познакомилась съ нею тоже у Олсуфьевыхъ — мы вмѣстѣ отъѣзжали на масляничной тройкѣ отъ ихъ особняка въ Мертвомъ переулкѣ, ѣхали въ Покровское-Глѣбово, гдѣ въ оранжереѣ былъ приготовленъ чай и музыка для танцевъ. Опять неожиданно, въ бекашѣ, съ палкой, появился Левъ Николаевичъ, съ своими пронзительно-жесткими глазами подъ нависшими бровями, — проводить ѣхавшихъ, посмотрѣть, съ кѣмъ сѣла Таня и какъ она ведетъ себя. И это всѣхъ очень тронуло, — «точно совсѣмъ обыкновенный человѣкъ».

Весной того года, — до сихъ поръ помню — на Николу, — выдался удивительный день. Послѣ пыли и сухой весенней жары вдругъ пролилась первая сильная гроза. Подъ водосточные желоба подставляли кувшины, чтобы умываться, а потомъ ослѣпительно заиграло солнце въ нашемъ маленькомъ саду съ разрушающеюся бесѣдкой, въ домѣ у насъ открыли окна, мелкія почки на деревьяхъ зазеленѣли, лужи засверкали, и старая наша няня съ умилениемъ сказала, вытирая подоконникъ: «Это Николай Угодникъ, для скотинки»

Я была тогда вся охвачена первымъ чувствомъ любви, жизнь казалась мнѣ необычайнымъ, сдѣланнымъ мною самой открытіемъ, и я въ этотъ день относилась съ большимъ равнодушіемъ къ нѣкоторому волненію въ нашемъ домѣ: вечеромъ у насъ долженъ былъ быть Левъ Николаевичъ.

Вечеромъ онъ, въ своей блузѣ, сидѣлъ въ нашей чинной гостиной. Прочихъ гостей было немного. Говорили объ искусствѣ, о томъ, что въ то время писалъ онъ. Совѣстно сказать, но мнѣ скоро сдѣлалось скучно, я ушла въ садъ. Ночь была сырая и свѣжая, въ саду рѣзко пахло молодымъ тополемъ, небо было чистое и зеленое. Я никакъ не могла уйти изъ сада. То, что я чувствовала, казалось мнѣ интереснѣе даже геніальныхъ произведеній Толстого.

Какъ онъ былъ скромень, серьезень, любезень въ этотъ вечеръ!

За ужиномъ чувствовалось, что прерванный разговоръ былъ долгій, горячій, и всѣ были сдержанно-грустны и будто даже немножко чѣмъ-то обижены. Должно быть, передъ ужиномъ всѣ убѣждали Льва Николаевича писать художественное. Когда я пришла, одинъ гость негромко, волнуясь, говорилъ:

— Боже мой, да сами ваши образы... вѣдь они сама истина и красота! Они открываютъ истину больше всѣхъ разсужденій и доказательствъ...

Толстой отвѣтилъ совсѣмъ скромно:

— Покорно васъ благодарю... это очень пріятно... Но вѣдь это всѣ такъ разсуждаютъ. Это вѣдь и Немировичъ-Данченко думаетъ, что спасаетъ міръ своими романами...

Я была дружна съ Вѣрочкой Толстой, дочерью графа Сергѣя Николаевича. Съ ней, кажется, и пришла въ первый разъ въ Хамовники, въ московскій домъ Толстыхъ.

Домъ Толстыхъ былъ столь интересенъ, что бывать тамъ было очень соблазнительно. Но то тяжелое, что было тамъ, не искупалось для меня въ то время этимъ интересомъ. Всѣ или почти всѣ Толстые были талантливы, своеобразны, остроумны. Но они ни на одну минуту не забывали, что они Толстые. Я никогда не слыхала, чтобы молодые Толстые восхищались какими-нибудь литературными произведеніями, кромѣ толстовскихъ. Все и всѣхъ они осуждали, говорили, что Тургенева и Гоголя впослѣдствіи никто и читать не будетъ: великъ только Толстой. А межъ тѣмъ, когда стали вспоминать «Севастопольскіе рассказы», Таня вдругъ сказала: «Я, правду сказать, ихъ не читала...»

Большой толстовскій садъ въ Хамовникахъ весною звенѣлъ смѣхомъ, гитарами, цыганскими пѣснями. Толстые были всѣ очень музыкальны. Главный интересъ молодыхъ и главный предметъ ихъ разговоровъ была любовь, и говорили они о ней очень вольно, а иногда и прямо грубо, съ толстовской смѣлостью. Кромѣ того, попавшій туда не всегда чувствовалъ себя на мѣстѣ, — того и гляди зададутъ какой-нибудь непріятный вопросъ. Если, напримѣръ, придетъ человекъ съ кривымъ носомъ и забудетъ объ этомъ своемъ недостаткѣ, то молодые Толстые напомнятъ ему объ этомъ какъ разъ тогда, когда ему это будетъ особенно непріятно.

Болѣе другихъ хотѣлось простить все это Танѣ, которая очаровывала своей привлекательностью и талантливостью. Она отлично изображала, напримеръ, обезьянъ. Разъ страшно испугала меня, неожиданно и судорожно вцѣпившись мнѣ въ волосы, но такъ смѣшно защелкала передними зубами и заморгала карими глазами, что нельзя было сердиться.

Софья Андреевна тоже говорила просто, живо и какъ бы искренно такія вещи, которыхъ ни отъ кого другого услышать было нельзя. Говорили какъ-то о бракѣ. Она сказала: «Бракъ, конечно, грѣхъ и паденіе, искупленіе его только дѣти». Однажды спрашивала она меня объ одной нашей общей знакомой. Я восхищалась ею. Софья Андреевна вдругъ сказала: «Ну, да, да, я такъ и знала: восхитительная женщина! А меня вотъ прославили дурой по всей Россіи. А кто ведетъ весь домъ? Кто всѣхъ дѣтей на ноги поставилъ?» Она не скрывала, что пишетъ романъ, что-то вродѣ опроверженія на «Крейцерову сонату». Таня, однако, безъ всякой почтительности заявила при ней: «Покуда мы живы, все, что пишетъ мама, напечатано не будетъ».

Одинъ разъ, когда два меньшихъ Толстыхъ ѣхали на переѣзжаменовку, Левъ Николаевичъ вышелъ къ нимъ и сказалъ: «Пожалуйста, знайте, что вы мнѣ доставите самое большое удовольствіе, если оба провалитесь». Они не преминули доставить ему это удовольствіе. А Софья Андреевна съ раздраженіемъ говорила: «Господи, посмотришь, у самыхъ обыкновенныхъ людей дѣти и талантливыя, и умныя, и учатся. А мой-то геній какихъ народилъ!»

Софья Андреевна нравилась мнѣ своей высокой, видной фигурой, черными гладко зачесанными блестящими волосами, подвижнымъ привлекательнымъ лицомъ, выразительнымъ крупнымъ ртомъ, улыбкой и даже манерой присматриваться, шурить большіе черные глаза. Настоящая женщина-мать, хлопотливая, задорная, постоянно защищающая свои семейные интересы, насѣдка! Дѣти намъ рассказывали, какъ она ѣздила къ Императрицѣ (хлопотать о снятіи запрещенія съ «Крейцеровой сонаты») и какъ весь ихъ разговоръ съ Императрицей сосредоточился на дѣтяхъ: каждая рассказывала о своихъ...

Кстати, еще о дѣтяхъ. Послѣдній сынъ Софьи Андреевны, Ваничка, смерть котораго она впоследствии такъ оплакивала, былъ прелестень. Живой, съ умными толстовскими глазами, съ типичной толстовской рожицей и милымъ смѣхомъ. Я увидѣла его въ первый разъ, когда одна наша общая съ Толстыми пріятельница забавлялась тѣмъ, что бросала его огромную куклу Танѣ на руки. Зрѣлище было странное, — точно летитъ человекъ, раскинувъ руки, и всѣ со смѣхомъ смотрѣли на это. Ваничка улучилъ минуту, схватилъ куклу: «А я не дамъ!» — вдругъ рѣшительно заявилъ онъ, упрямо и задорно улыбаясь: — «Ни за что не дамъ!» — И смотрѣлъ на всѣхъ глазами волченка...

Старое поколѣніе Толстыхъ все было очень интересно. И графъ Сергѣй Николаевичъ, — братъ Льва Николаевича, — и графиня Марія Николаевна — ихъ сестра, — носили отпечатокъ необыкновенно выраженного толстовскаго типа. Нельзя было ихъ за-

быть, разъ увидѣвши, и послѣ встрѣчи лица ихъ такъ и вставали передъ глазами.

Сергѣй Николаевичъ, — Володя въ «Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности», — семья котораго была мнѣ очень близка, былъ когда-то замѣчательно красивъ, судя по портрету-дагеротипу въ круглой рамкѣ, гдѣ онъ, стройный, обольстительный, былъ изображенъ въ мундирѣ-кафтанѣ стрѣлка Императорской фамиліи. Да и въ мое время онъ еще имѣлъ правильныя черты, большіе темные глаза, былъ худъ и строенъ. У Маріи Николаевны были тѣ же рѣзко толстовскія черты, рѣзкій ротъ съ сильной челюстью, большіе горячіе глаза, умные и жесткіе, въ очкахъ (и оттого даже страшные). Видна была въ этихъ глазахъ и во всемъ ея живомъ лицѣ и умѣ сильная духовность... и совершенно адовый характеръ.

Сергѣй Николаевичъ былъ женатъ на цыганкѣ изъ хора, кажется, просто изъ табора: это была толстая, маленькая женщина, тихая, какъ бы забитая, привыкшая никогда не возражать мужу и тихо посмѣиваться на его безпощадныя шутки, религіозная и добрая, всегда съ папироской.

У Сергѣя Николаевича было три дочери, всѣ три послѣдовательницы своего дяди, типа цыганскаго, настойчивыя въ своихъ поступкахъ и взглядахъ, рѣзвыя и насмѣшливыя. Со старшей, Вѣрочкой, меня связывала долгая дружба.

Въ его усадьбѣ, въ селѣ Пироговѣ, раскинувшемся на берегу рѣки, усыпанному избами на огромномъ пространствѣ, около стараго дома и стараго, совершенно темнаго липоваго парка съ черными ал-

леями, въ крошечной мазанкѣ, выстроенной толстовцами для того, чтобы на одной десятинѣ сѣять вику и проводить въ жизнь вѣру Льва Николаевича, я встрѣчала прятавшихся отъ Сергѣя Николаевича странныхъ людей, здоровыхъ, неуклюжихъ, читавшихъ книжки «Посредника», резонеровъ, говорившихъ скучно, сбивчиво и такъ упрямо и долго, что всегда хотѣлось поскорѣй уйти отъ нихъ.

Въ Пироговѣ была и усадьба Маріи Николаевны. Мы ѣздили и къ ней, пили чай съ крыжовникомъ на ея балконѣ и говорили. Я любила ее за умъ, и вѣра у насъ была общая: она потомъ стала монахиней. Часто рассказывала она о себѣ, о братьяхъ. У нея была какая-то пустошь съ неудобнымъ названіемъ — Порточки. Она жаловалась, что въ молодости любимымъ занятіемъ ея братьевъ было при гостяхъ дѣловито спрашивать ее:

— Какъ это, Машенька, пустошь эта у тебя? Какъ она называется?

Сергѣй Николаевичъ несмотря на то, что отлично зналъ мои убѣжденія, говорилъ иногда при мнѣ:

— Это все прекрасно, что Левочка внушаетъ мужикамъ, что «Иже Херувимы» глупости и что слушать поповъ не надо, это все прекрасно. А вотъ, что онъ говоритъ имъ, что надо имъ всю землю отдать и натравливаетъ ихъ на помѣщиковъ, это преступно, я ему всегда это говорю. Хозяйство и такъ вести невозможно, нынѣшній народъ и безъ того развращенъ ужасно.

Въ своемъ отношеніи къ Вѣрочкѣ онъ мнѣ напоминалъ старика Болконскаго изъ «Войны и мира».

Та же любовь къ дочери, почти обожаніе ея и то же безжалостное мучительство. Говорили они между собой всегда по-англійски.

Левъ Николаевичъ нѣжно любилъ Марію Николаевну. Но у нихъ постоянно бывали споры и ссоры. Когда она приходила къ нему, тотчасъ подымался крикъ, шумъ, — воображаю, какія дѣлались лица, какіе страшные толстовскіе глаза! Кончалось тѣмъ, что Марія Николаевна вскакивала и убѣгала, а онъ бѣжалъ за ней, крича:

— Машенька, прости меня, Христа ради!

Зато бывало и другое: какъ просто, мягко, серьезно говорилъ и спорилъ онъ порой, всецѣло стараясь стать на точку зрѣнія собесѣдника!

Какъ то мы съ Вѣрочкой пустились разсуждать о любви и счастьѣ, о жизни и морали. Онъ вошелъ въ разстегнутомъ полушубкѣ и валенкахъ и сталъ спрашивать, о чемъ мы говоримъ. Я, краснѣя, стала объяснять:

— Я говорю, что въ жизни не имѣетъ значенія почти никакая проповѣдь. Только то, что человекъ самъ переживетъ, почувствуетъ, перестрадаетъ, можетъ убѣдить его...

Онъ смотрѣлъ, присматривался, какъ бы примѣряясь, стараясь что-то сообразить.

— Да, это главное, надо дѣйствовать примѣромъ, — сказалъ онъ наконецъ.

Разъ въ Хамовникахъ, среди множества гостей, онъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы исповѣдуетесь и причащаетесь? — вдругъ спросилъ онъ.

Я знала, что всѣ насъ слушаютъ, и вдвойнѣ смутилась.

— Да, Левъ Николаевичъ, исповѣдуюсь и причащаюсь.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня:

— А Михайль Николаевичъ, — спросилъ онъ про моего отца, — тоже вѣрующій?

— Да, Левъ Николаевичъ.

— И въ церковь ходитъ?

— Да.

— И исповѣдуются и причащаются?

— Каждый годъ.

Онъ вдругъ задумался и ничего не сказалъ.

Однажды я имѣла смѣлость пуститься съ нимъ въ споръ. Онъ возражалъ мнѣ, вѣроятно, нарочно, но почему-то сердился. Я продолжала спорить, стала чувствовать, что путаюсь и дѣлаю вообще глупость, поблѣднѣла и вдругъ вижу знакомые гнѣвные глаза и слышу его уже совсѣмъ запальчивый голосъ. Наконецъ, я сказала, чтобы прекратить споръ:

— Нѣтъ, я съ вами не согласна.

Онъ вдругъ замолчалъ и неприязненно посмотрѣлъ на меня:

— Вы ужасно похожи на великаго князя Владимира Александровича, — вдругъ сказалъ онъ. — Да. Ему разъ на засѣданіи Академіи Художествъ что-то доказали, какъ дважды два четыре, онъ все выслушалъ, потомъ взялъ звонокъ: «А я съ вами все таки не согласенъ. Закрываю засѣданіе». И позвонилъ.

Кончивъ споръ, я поспѣшила уйти. Когда я бы-

ла уже на площадкѣ лѣстницы, онъ вдругъ появился передо мной.

— Простите меня, Христа ради, — сказалъ онъ, кланаясь...

Отлученіе его отъ Церкви вызвало взрывъ негодованія и у людей, окружавшихъ его, и у всѣхъ тѣхъ, совершенно равнодушныхъ къ вопросамъ Церкви, которые видѣли въ Толстомъ поддержку своимъ революціоннымъ настроеніямъ.

Мнѣ рассказывали, что въ тѣ дни весь домъ въ Хамовникахъ былъ полонъ выраженіями сочувствія и подношеніями и что самъ Толстой будто бы «сидитъ весь въ цвѣтахъ и кощунствуетъ такъ, что волосы дыбомъ становятся». Точно ли, однако, что это событіе ничуть не задѣло его душевно? Все, что я узнала потомъ, доказываетъ другое. Про кощунственные мѣста «Воскресенія» онъ самъ говорилъ впоследствии съ краской стыда и боли: «Да, нехорошо, нехорошо я это сдѣлалъ... не надо было...» Когда Сергѣй Николаевичъ мучительно умиралъ отъ рака щеки, онъ первый спросилъ его, не утѣшило ли бы его причастіе? И самъ пошелъ къ священнику, звать его къ брату. За новую вещь онъ, говорятъ, никогда не садился, не перекрестившись...

Время его ухода и смерти совпало со временемъ смерти нашей матери. И все таки мы всѣ горячо слѣдили за извѣстіями изъ Астапова и за тяжкими страданіями несчастной и больной Софьи Андреевны.

Одинъ врачъ-психіатръ сказалъ мнѣ, что этотъ уходъ былъ началомъ воспаленія въ легкихъ, что у

стариковъ при этой болѣзни очень часто является потребность движенія, стремленія куда-то. Когда я рассказывала объ этомъ, слушавшіе, — «либералы», конечно, — ужасно возмущались:

— Низводитъ величіе генія, бросившаго жизнь, которая противорѣчила его убѣжденіямъ, на степень старческаго заболѣванія — это непростительно!

IX

— Простота и царственность, внутреннее изящество и утонченность манеръ сливались у Толстого воедино. Въ рукопожатіи его, въ полужестѣ, которымъ онъ просилъ собесѣдника сѣсть, въ томъ, какъ онъ слушалъ, во всемъ было грань-сеньерство... Я имѣлъ случай видѣть вблизи коронованнаго дэнди, внѣшне крайне изящнаго Эдуарда VII англійскаго, чарующе вкрадчиваго Абдуль-Гамида II, желѣзнаго Бисмарка, умѣвшаго очаровывать... Всѣ они, каждый по своему, производили сильное впечатлѣніе. Но въ ихъ обращеніи, въ ихъ манерахъ чувствовалось что-то привитое. У Толстого его грань-сеньерство составляло органическую часть его самого, и если бы меня спросили, кто самый свѣтскій человѣкъ, встрѣченный мной въ жизни, то я назвалъ бы Толстого. Таковъ онъ былъ въ обыкновенной беедѣ. Но чуть дѣло касалось мало-мальски серьезнаго, какъ этотъ грань-сеньеръ давалъ чувствовать свою вулканическую душу. Глаза его, трудно опредѣлимаго цвѣта, вдругъ становились синими, черными, сѣрыми, карими, переливались всеми цвѣтами...

Такъ сказалъ о немъ одинъ весьма «свѣтскій» человѣкъ. А самъ онъ всю жизнь говорилъ про себя

(то прямо, то отъ лица своихъ героевъ), что онъ человѣкъ неловкій, безтактный, стыдливый и самолюбивый «до поту», «озлобленно-застѣнчивый, лѣнивый, безхарактерный, раздражительный», поминутно что-нибудь или кого-нибудь остро ненавидящій:

— Левинъ съ ненавистью вглядывался въ руки Гриневича съ бѣлыми длинными пальцами, съ длинными желтыми загибавшимися въ концѣ ногтями...

Тотъ кругъ, который онъ такъ жестоко изображалъ и къ которому принадлежалъ по рождению, житейски былъ для него все-таки самымъ близкимъ кругомъ. Когда я видѣлъ его въ первый разъ, я замѣтилъ, какъ онъ вдругъ измѣнился, вспомнивъ моего отца, — то, что онъ встрѣчался съ нимъ въ осажденномъ Севастополѣ въ этомъ «своемъ» кругу, — какъ оживленно сталъ спрашивать: «Вѣдь вы, кажется, въ родствѣ съ такими-то? Такіе-то вамъ тоже родственники?» Его секретарь Булгаковъ говоритъ: «Даже въ старости Левъ Николаевичъ былъ доступенъ сословнымъ предразсудкамъ... Когда у его дочерей случались «романы» (невинные, конечно) съ людьми «не нашего» круга, онъ бывалъ очень огорченъ и недоволенъ, боялся мезальянса для нихъ.» О Чертковѣ, по словамъ Булгакова, онъ высказывался въ послѣдніе годы «либо въ ограниченномъ, либо въ отрицательномъ смыслѣ». Можетъ быть, одной изъ причинъ его привязанности къ Черткову было то, что среди толстовцевъ почти одинъ Чертковъ принадлежалъ къ настоящему «нашему» кругу? Въ этомъ кругу нѣкоторые ненавидѣли его (Толстого) съ той же яростью, съ которой крикнулъ однажды

Андрей Львовичъ: «Если бы я не былъ сыномъ его, я бы его повѣсилъ!» И всетаки этотъ кругъ считалъ его «своимъ». Впослѣдствіи я встрѣчался въ Москвѣ кое съ кѣмъ изъ этого круга и видѣлъ, что тамъ всетаки многіе подчеркивали, что онъ «въ сущности всегда былъ и остается бариномъ», съ гордостью говорили:

— Ахъ, всѣ, кто знали его когда-то, иначе и не называютъ его, какъ бывшій свѣтскій левъ! Да онъ и теперь, несмотря на свои причуды, прежде всего свѣтскій человѣкъ и джентльменъ съ головы до ногъ, въ обществѣ очарователенъ.

Лопатина безъ конца перечисляла эти «причуды».

— Вспоминая свою молодость, — говорила она, — то и дѣло вспоминаю его. Иду однажды по нашимъ переулкамъ, возлѣ Староконюшеннаго, и встрѣчаю его — идетъ съ своей легавой собакой. Подходить, здоровается, идетъ со мной и тотчасъ начинаетъ говорить о своемъ сынѣ Илюшѣ: «Онъ поступаетъ въ Сумской полкъ вольноопредѣляющимся, а я ему говорю: иди въ пѣхоту. Во-первыхъ, если хочешь солдатскаго котла попробовать, это гораздо вѣрнѣе будетъ; а потомъ — съ его именемъ его тамъ бы на рукахъ носили». Подумайте, до чего было мнѣ странно слышать отъ него такія рѣчи! Все это казалось мнѣ слѣдствіемъ его какой то психической болѣзни. Хорошо сказалъ о немъ нашъ кучеръ. Я разъ ѣхала зимой и встрѣтила его везущимъ на салазкахъ обледенѣлую бочку съ водой, и нашъ ку-

чёръ, человекъ суровый и всегда пьяный, сказалъ мнѣ: «Какой онъ чортъ графъ! Онъ шальной». Да и правда. Какъ, напримѣръ, проявлялось его безуміе въ его страсти къ схватыванью всякихъ ужасныхъ и гадкихъ чертъ жизни! Помните эту свѣтлую точку, которую видѣлъ гдѣ то впереди Иванъ Ильичъ, когда его, умирающаго, будто бы впихивали въ какой то черный мѣшокъ? Вѣдь это взято изъ дѣйствительности: у одного изъ нашихъ общихъ съ Толстыми знакомыхъ умеръ братъ, и вотъ рассказывали, что онъ тоже все твердилъ передъ смертью въ бреду, что его совали въ этотъ страшный мѣшокъ. Это прекрасно, разумѣется, что Иванъ Ильичъ все-таки видѣлъ впереди эту свѣтлую точку, которая «все ширилась», но вѣрилъ ли самъ Толстой въ нее? По моему, онъ вѣрилъ только въ черный мѣшокъ. «Левочка несчастный человекъ, — говорилъ про него его братъ Сергѣй Николаевичъ. — Вѣдь какъ хорошо писалъ когда то! Думаю, что лучше всѣхъ писалъ. А потомъ свихнулся. Недаромъ съ самаго дѣтства помню его какимъ то страннымъ...» То же съ великимъ сокрушеніемъ говорила и Марья Николаевна: «Вѣдь Левочка какой человекъ то былъ? Совершенно замѣчательный! И какъ интересно писалъ! А вотъ теперь, какъ засѣлъ за свои толкованія Евангелій, силъ никакихъ нѣтъ! Вѣрно, всегда былъ въ немъ бѣсъ». И это она совершенно убѣжденно говорила и, конечно, совершенно вѣрно. Я то въ этомъ никогда не сомнѣвалась. Вспоминаю, напримѣръ, такой случай. На какой то свадьбѣ одинъ извѣстный въ Москвѣ приватъ доцентъ, сынъ ученаго богослова священ-

ника, опять общій нашъ съ Толстыми знакомый, былъ пьянъ, и въ церкви, подписавшись подъ брачнымъ документомъ какъ свидѣтель, вошелъ въ алтарь и положилъ его на Престоль. Ему сказали, что этого дѣлать нельзя, что это — Престоль, а онъ въ отвѣтъ такое кощунство сказалъ, что у всѣхъ волосы на головѣ зашевелились, Толстой же, когда ему рассказали объ этомъ, не только пришелъ въ дикій восторгъ, но всѣхъ тащилъ раздѣлить съ нимъ этотъ восторгъ: «Нѣтъ, подите сюда! Вы слышали?» И покатывался со смѣху, хлопая себя по ляжкамъ: «Вотъ великолѣпно отвѣтилъ!» Для меня это было и есть совершенно несомнѣннымъ присутствіемъ въ немъ бѣса...

— Онъ очень любилъ моего покойнаго брата Володю,—продолжала она.—Помню, былъ однажды на святкахъ вечеръ у Толстыхъ въ ихъ Хамовническомъ домѣ, наѣхало къ нимъ множество ряженныхъ, и на верхней площадкѣ лѣстницы стоялъ самъ Левъ Николаевичъ, всѣхъ встрѣчая улыбками, запустивъ руку за ременный поясъ блузы, и всѣ ему низко кланялись, а потомъ что же оказалось? Каково было изумленіе всѣхъ, когда вдругъ появился другой Толстой, настоящій, а въ Володѣ всѣ узнали загримированнаго Толстого! Больше всѣхъ былъ восхищенъ самъ Левъ Николаевичъ. Все повторялъ: «Это удивительно! Правда, вы, Владиміръ Михайловичъ, похожи на меня, но вѣдь я чуть не втрое старше васъ, такъ что надо быть просто огромнымъ талантомъ, чтобы изобразить меня такъ, какъ вы!» Потомъ въ Ясной Полянѣ любители играли «Плоды просвѣще-

нія», Володя игралъ «третьяго мужика», и Левъ Николаевичъ опять осыпалъ его самыми неумѣренными похвалами на репетиціяхъ: «Ахъ, какой талантъ! Ахъ, какъ вы мнѣ объяснили этого мужика, я только теперь его понялъ какъ слѣдуетъ!» — и все дополнялъ рукопись «Плодовъ просвѣщенія». Вы Володю знали, онъ былъ и впрямь очень талантливъ, — недаромъ попалъ на старости лѣтъ въ Художественный театръ, — но онъ былъ еще и очень умный, проницательный человекъ. Такъ вотъ онъ всегда говорилъ мнѣ: «Какъ это никто не видитъ, что Толстой переживаетъ и всегда переживалъ ужасную трагедію, которая заключается прежде всего въ томъ, что въ немъ сидитъ сто человекъ, совѣмъ разныхъ, и нѣтъ только одного: того, кто можетъ вѣрить въ Бога. Въ силу своего генія онъ хочетъ и долженъ вѣрить, но органа, которымъ вѣрятъ, ему не дано». Вы вотъ смѣетесь надъ такими словами, а это сущая правда...

— Дѣти Толстые сначала ходили въ церковь, а потомъ весело и легко (по крайней мѣрѣ съ виду) оставляли и мѣняли свои вѣрованія. У Маши это было особенно замѣтно. Было у нея правило — ѣздить каждую субботу къ однимъ знакомымъ, ночевать у нихъ, чтобы утромъ итти вмѣстѣ къ обѣднѣ. Старшіе уже смѣялись надъ ней, но она упорно дѣлала свое. Потомъ это вдругъ пропало — съ того времени, когда она вздумала было выйти замужъ за одного изъ самыхъ главныхъ толстовцевъ. Что-жъ, все это было вполнѣ понятно, все шло отъ отца. Смѣяться надъ попами и называть Шекспира бездарностью стало какъ бы обязательнымъ въ толстовскомъ до-

мѣ, хотя тутъ надо оговориться. Однажды онъ сказалъ про Шекспира: «Мои дѣти его совсѣмъ не понимаютъ, всего замѣчательнаго, что есть въ Шекспирѣ, они не могутъ, конечно, понять, схватываютъ только мои бранныя слова о немъ». То же надо сказать и насчетъ религіи. Однажды мы гостили съ Татьяной Львовной у Олсуфьевыхъ, жили наверху, гдѣ былъ коридоръ съ рядомъ комнатъ, какъ въ гостиницѣ. Какъ то ночью я, уже засыпая, вдругъ спросила ее: «Таня, а ты вѣришь въ будущую жизнь?» Она отвѣчала бодро, не задумываясь: «Конечно, нѣтъ. Кто-жъ въ такія глупости вѣритъ?» Но вотъ Левъ Николаевичъ сталъ говорить совсѣмъ другое: будущая жизнь несомнѣнно существуетъ, но только ее нужно заслужить, ее даютъ «какъ Георгіевскій крестъ». И всѣ молодые Толстые стали повторять эти слова.

— И еще вспоминаю. Однажды Соня Самарина, которую называли самой привлекательной дѣвушкой Москвы, съ негодованіемъ говорила мнѣ про него: «Лучше всего то, что, написавъ «Крейцерову сонату», онъ недавно во всеуслышаніе сокрушался, что Таня и Маша не выходятъ замужъ! Такъ и говорилъ: «Чѣмъ же онъ хуже другихъ, что ихъ никто не беретъ?» Вполнѣ сумасшедшій человѣкъ. Семь пятницъ на недѣлѣ».

— А то разъ мы съ Вѣрочкой (дочерью Сергѣя Николаевича) неожиданно пріѣхали въ Ясную Поляну. Тамъ на балконѣ обѣдали, за столомъ, какъ всегда, сидѣло множество народа. Левъ Николаевичъ черезъ весь столъ сталъ спрашивать Вѣрочку: «Ну,

что у васъ? Что папа?» Вѣрочка, застѣнчивая, милая, до глупости правдивая, смутилась и забормотала: «Да ничего... То есть, папа очень волнуется... Священниковы свиньи пришли въ садъ и всѣ яблони подрыли...» Весь столъ захохоталъ, захохотали и всѣ Толстые, всѣ эти толстовскіе глаза, челюсти и зубы, одинъ Левъ Николаевичъ вдругъ сталъ очень серьезень и сказалъ, грустно и раздраженно: «Да, да, вамъ всѣмъ это кажется, конечно, очень смѣшно, а на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ въ этомъ смѣшного, это — жизнь, а все, что мѣшаетъ жизни, очень тяжело!» — Вотъ и поймите его послѣ этого...

«Всѣ эти толстовскіе глаза, челюсти и зубы». Совершенно замѣчательныя слова.

Х

«Волчьи глаза» — это не вѣрно, но это выражаетъ рѣзкость впечатлѣнія отъ его глазъ: ихъ необычностью онъ дѣйствовалъ на всѣхъ и всегда, съ молодости до старости (равно какъ и особенностью своей улыбки). Кромѣ того, что-то волчье въ нихъ могло казаться, — онъ иногда смотрѣлъ исподлобья, упорно.

Только на послѣднихъ его портретахъ стали появляться кротость, покорность, благоволеніе, порой даже улыбка, ласковое веселье. Всѣ прочіе портреты, чуть не съ отрочества до старости, поражаютъ силой, серьезностью, строгостью, недоувѣрчивостью, холодной или вызывающей презрительностью, недоброжелательностью, недовольствомъ, печалью... Какіе сумрачные, пристально-пытливые глаза, твердо сжатые зубы!

«Проницательность злобы», сказалъ онъ однажды по какому-то поводу, о чемъ-то или о комъ-то. Это къ нему не приложимо. Справедливо говорилъ онъ о себѣ: «Золь я никогда не былъ; на совѣсти два, три поступка, которые тогда мучили; а жестокъ я не былъ.» И все таки, глядя на многіе его портреты молодыхъ и зрѣлыхъ лѣтъ, невольно

вспоминаешь эту «проницательность злобы». «Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья», какъ когда-то говорили о немъ, цитируя Пушкина, «разрушитель общепризнанныхъ истинъ»... Для такихъ опредѣленій онъ далъ столько основаній, что ихъ и не перечислить. Вотъ у меня на столѣ его швейцарскій дневникъ 1857 г. Всюду онъ вѣренъ себѣ: «Странная вещь! *изъ-за духа-ли противорѣчія или вкусы мои противоположны вкусамъ большинства, но въ жизни моей ни одна знаменито прекрасная вещь мнѣ не нравилась.*»

Въ зависимости отъ настроеній, отъ той или иной душевной полосы, въ которой онъ находился, — причемъ эти полосы чередовались у него, какъ извѣстно, очень часто и рѣзко, — или въ зависимости отъ среды, въ которой онъ былъ въ данную минуту, онъ былъ то однимъ, то другимъ, и это тотчасъ сказывалось на всей его внѣшности; онъ самъ говорилъ: «Какъ много значать общество и книги. Съ хорошими и дурными я совсѣмъ другой человекъ». Все же въ портретахъ его молодости, зрѣлости и первыхъ лѣтъ старости всегда есть нѣчто преобладающее, такое, что во всякомъ случаѣ не назовешь добротой.

Вотъ портретъ его студенческаго, казанскаго времени: довольно плотный юноша, стриженный ежомъ, серьезное и недовольное лицо, въ которомъ есть что-то бульдожье. Затѣмъ — офицерскій портретъ: стриженъ тоже ежомъ, только болѣе острымъ и высокимъ, лицо нѣсколько удлиненное, съ полубачками, взглядъ холодный и надменный; на мун-

диръ накинута на плечи щегольская николаевская шинель со стоячимъ бобровымъ воротомъ. Полная противоположность этому портрету — другой офицерскій портретъ, по моему, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его портретовъ; тутъ очень мало общаго съ вышеназванными; это то время, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Севастополя и вошелъ въ литературную среду, ему подъ тридцать лѣтъ, онъ въ артиллерійскомъ мундирѣ совсѣмъ простого вида, худъ и широкъ въ кости, снятъ до пояса, но легко угадываешь, что онъ высокъ, крѣпокъ и ловокъ; и красивое лицо, — красивое въ своей сформированности, въ своей солдатской простотѣ, тоже худое, съ нѣсколько выдающимися скулами и только съ усами, рѣдкими, загибающимися надъ углами рта, и съ небольшими умными глазами, сумрачно и грустно глядящими снизу вверхъ (отъ наклона головы).

Выйдя въ отставку и живя въ Петербургъ и въ Москвѣ, онъ много времени отдавалъ свѣтской жизни, баламъ, театрамъ, ночнымъ кутежамъ, былъ франтомъ; тутъ опять нашла на него полоса въ родѣ той, которую онъ пережилъ при вступленіи въ юность, когда онъ рѣшилъ, что главное достоинство человѣка — быть человѣкомъ «*comme il faut*». Портрета этой поры я не видѣлъ, думаю, что его и не существуетъ. Но есть портретъ слѣдующей поры — времени его первой поѣздки за границу, пребыванія въ Парижѣ и въ Швейцаріи. Это опять портретъ человѣка красиваго (какъ ни странно это слово въ примѣненіи къ нему): онъ все еще худъ и молодъ лицомъ, хотя уже обложился небольшой бородкой; еще очень

пріятная своей молодостью нижняя губа чуть-чуть выдается, глаза глядятъ спокойно, нѣсколько вопро- сительно, какъ бы выжидательно, заранѣе недовѣр- чиво, и есть въ нихъ нѣкоторая скорбность... Удивля- етъ послѣ этого портрета чтеніе его швейцарскаго дневника, одного изъ самыхъ плѣнительныхъ его про- изведеній: столько въ этомъ дневникѣ свѣжести, смѣ- лости, счастливой, поэтической прелести. На Женев- скомъ озерѣ весной того года жила его родственни- ца Александра Андреевна Толстая, съ которой его связывала послѣ того многолѣтняя дружба, было большое русское свѣтское общество, въ которомъ онъ «всѣхъ очаровывалъ своей дѣтской веселостью и без- престанными смѣшными выходками». Разставшись съ этимъ обществомъ, онъ совершилъ двухнедѣльное пѣшее путешествіе черезъ горы до Фрибурга.

— Удивительно спокойное, гармоническое и хри- стианское вліяніе здѣшной природы, — писалъ онъ въ день выхода въ это путешествіе. — Погода была ясная, голубой, ярко синій Леманъ съ бѣлыми и чер- ными точками парусовъ и лодокъ почти съ трехъ сторонъ сіялъ передъ глазами; около Женевы, въ да- ли яркаго озера, дрожалъ и темнѣлъ жаркій воздухъ, на противоположномъ берегу круто поднимались зе- леныя Савойскія горы съ бѣлыми домиками у подо- швы, съ разсѣлинами скалы, имѣющей видъ громад- ной бѣлой женщины въ старинномъ костюмѣ. Налѣ- во отчетливо и близко надъ рыжими виноградника- ми, въ темной зеленой гущѣ фруктовыхъ садовъ, виднѣлись Монтре съ своей прилѣпившейся на полу- скатѣ граціозной церковью; Вильневъ на самомъ бе-

регу съ ярко блестящимъ на полуденномъ солнцѣ желѣзомъ домовъ; таинственное ущелье Вале съ нагроможденными другъ на друга горами, бѣлый холодный Шильонъ надъ самой водой и воспѣтый островокъ, выдуманно, но все таки прекрасно торчащій противъ Вильнева. Озеро рябило, солнце прямо сверху ударило на его голубую поверхность и распущенные по озеру паруса, казалось, не двигались.

— Удивительное дѣло, я два мѣсяца прожилъ въ Clarens, но всякій разъ, когда я утромъ или особенно передъ вечеромъ, поелъ обѣда, отворялъ ставни окна, на которое уже зашла тѣнь, и взглядывалъ на озеро и на зеленыя — и дальше синія — горы, отражавшіяся въ немъ, красота ослѣпляла меня и мгновенно съ силой неожиданнаго дѣйствовала на меня. Тотчасъ же мнѣ хотѣлось любить, я даже чувствовалъ въ себѣ любовь къ себѣ и жалѣлъ о прошедшемъ, надѣялся на будущее, и жить мнѣ становилось радостно, хотѣлось жить долго, долго, и мысль о смерти получала дѣтскій поэтическій ужасъ... Физическое впечатлѣніе, какъ красота, черезъ глаза вливалось мнѣ въ душу...

— Я не умѣю говорить передъ прощаніемъ съ людьми, которыхъ я люблю* . Сказать, что я ихъ люблю, — совѣстно, и отчего я не сказалъ этого прежде; говорить о пустякахъ тоже совѣстно... Нашъ милый кружокъ былъ разстроенъ и, вѣрно, навсегда... Я почувствовалъ себя вдругъ одинокимъ и мнѣ по-

* Одна изъ важныхъ чертъ его характера: онъ былъ очень застѣнчивъ.

казалось такъ грустно, какъ-будто это случилось со мною первый разъ...

Въ этомъ дневникѣ, — гдѣ тутъ «волчьи глаза»? и почему даже и тутъ «мысль о смерти»? — онъ первый употребляетъ совсѣмъ новыя для литературы того времени слова: «Вдругъ насъ поразилъ необыкновенный, счастливый, бѣлый весенній запахъ...» «Все уже было черно кругомъ. Мѣсяцъ свѣтилъ на просторную поляну, потоки равномерно гудѣли въ глуби оврага, бѣлый запахъ нарцисовъ одурѣвающе былъ разлитъ въ воздухъ...»

Далѣе идутъ портреты какъ бы другого человека. Ставъ мужемъ, семьяниномъ, мировымъ посредникомъ, неутомимымъ и разсчетливымъ хозяиномъ, возведя въ культъ помѣщичье дворянство, онъ принялъ барскій видъ той поры жизни, когда человекъ уже опредѣлился въ семейномъ и общественномъ положеніи, находится въ расцвѣтѣ силъ, живетъ дѣловито и самодовольно, въ соотвѣтствіи со своимъ привилегированнымъ происхожденіемъ, увеличивающимся достаткомъ, наследственными традиціями: на этихъ портретахъ онъ опять отлично одѣтъ, на одномъ даже съ цилиндромъ, позы у него непринужденныя, гордо-красивыя, глаза барски-презрительныя, въ небрежно брошенной рукѣ папироса... Дивишься, глядя и на эти портреты: вѣдь въ эти годы писалась «Война и миръ» — Наташа и Петя Ростовы, Пьеръ и смерть «маленькой княгини», послѣдняя встрѣча Наташи съ княземъ Андреемъ, ихъ любовь, его умираніе... Дивишься и другому: всегда легко плакавшій, онъ даже и въ эти годы могъ въ любую минуту

вдругъ горячо и умиленно заплакать. Умиленность, нѣжность — слова опять будто странныя въ примѣненіи къ нему. Но вотъ онъ пишетъ Софьѣ Андреевнѣ: «Ужасно люблю! Переношусь въ прошедшее — Покровское, лиловое платье, чувство умиленности — и сердце бьется.»

Пытливость, недовѣрчивость, строгость — откуда это?

— Чтобы быть приняту въ число моихъ избранныхъ читателей, я требую очень немного: чтобы вы (читатель) были чувствительны... были человекъ религіозный, чтобы вы, читая мою повѣсть, искали такихъ мѣстъ, которыя задѣваютъ васъ за сердце... Можно пѣть двойко: горломъ или грудью. Горловой голосъ гораздо гибче грудного, но зато онъ не дѣйствуетъ на душу... Ежели я даже въ самой пустой мелодіи услышу ноту, взятую полной грудью, у меня слезы невольно наворачиваются на глаза. То же самое и въ литературѣ: можно писать изъ головы и изъ сердца... Я всегда останавливалъ себя, когда начиналъ писать изъ головы, и старался писать только изъ сердца...»

Гете говорилъ: «Природа не допускаетъ шутокъ, она всегда серьезна и строга, она всегда правда.»

Толстой былъ какъ природа, былъ неизмѣнно «серьезенъ» и безмѣрно «правдивъ».

«Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — правда».

Это было сказано имъ почти въ самомъ началѣ

его писательства, не разъ было повторено и впоследствии, — «и въ жизни и въ искусствѣ нужно лишь одно — не лгать», — и совершенно приложимо ко всему творчеству и ко всей духовной жизни его. (Тутъ сказалося и наслѣдство матери, отъ которой онъ вообще унаслѣдовалъ очень многое. Онъ писалъ о ней: «Еще третья черта, выдѣлявшая мою мать изъ ея среды, была правдивость и простота ея тона въ письмахъ... Въ то время особенно были распространены въ письмахъ выраженія преувеличенныхъ чувствъ»).

Гете говорилъ: «Людямъ нечего дѣлать съ мыслями и воззрѣніями. Они довольствуются тѣмъ, что есть слова. Это зналъ еще мой Мефистофель.» И приводилъ слова Мефистофеля:

Коль скоро надобность въ понятіяхъ случится,
Ихъ можно словомъ замѣнить...

Шопенгауэръ говорилъ, что большинство людей выдаетъ слова за мысли, большинство писателей мыслить только ради писанія. Это можно примѣнить ко многимъ даже очень большимъ писателямъ. Но вотъ ужъ къ кому никакъ не примѣнишь: къ Толстому.

Въ смыслѣ правдивости удивителенъ былъ даже языкъ его произведеній, выдѣляющійся во всей русской литературѣ отсутствіемъ всякихъ беллетристическихъ красотъ, готовыхъ стилистическихъ приемовъ, условностей, поражающій смѣлостью, нужностью, точной находчивостью каждаго слова. Въ томъ же родѣ были и письма его, неизмѣнно дѣловитыя, прямыя, естественныя, и его простая, мѣткая устная

рѣчь. (Извѣстный русскій музыкантъ Гольденвейзеръ, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ бывавшій въ его домѣ и ведшій записи о немъ, далъ, между прочимъ, цѣлый списокъ нѣкоторыхъ ея особенностей. Онъ отмѣтилъ, на примѣръ, что букву «г» Толстой произносилъ простонародно, съ придыханіемъ, почти какъ «х»; не мало словъ произносилъ на старинный ладъ — на примѣръ, говорилъ: Штокгольмъ; употреблялъ много мѣстныхъ, тульскихъ словъ; любилъ выражаться народными поговорками; съ мужиками говорилъ ихъ языкомъ, никогда однако не подлаживаясь подъ нихъ, всегда говорилъ имъ «ты»... Гольденвейзеръ правъ, только я, какъ землякъ Толстого и принадлежавшій къ тому-же деревенски-помѣщичьему быту, что и онъ, долженъ сдѣлать тутъ оговорку: всѣ эти особенности — наши общія, въ нашемъ быту и въ нашей мѣстности такъ говорили почти всѣ отцы и дѣды наши. Оговорю и утвержденіе Гольденвейзера, будто Толстой никогда не употреблялъ «грубыхъ», «народныхъ» словъ: употреблялъ и даже очень свободно — такъ же, какъ всѣ его сыновья и даже дочери, такъ жѣ, вообще, какъ всѣ деревенскіе люди, употребляющіе ихъ чаще всего просто по привычкѣ, не придавая имъ никакого значенія и вѣса. Это подтверждаютъ многіе изъ близко знавшихъ его. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «Въ біографіи Толстого, написанной его секретаремъ Гусевымъ, сказано, со словъ доктора Маковицкаго, что «ругаться Толстой вообще не могъ». Но изъ дневниковъ самого Льва Николаевича мы знаемъ, что въ молодости, подъ сердитую руку, ему случалось побить крѣпостного человѣка.

Неужели онъ могъ дѣлать это молча или приговаривая любезныя слова? Это была бы ужъ не горячность, а несвойственная Толстому жестокость. Вообще Толстого нельзя было причислить къ такимъ людямъ, у которыхъ языкъ не поворачивается сказать грубое слово. Онъ и глубокимъ старикомъ, рассказывая какой-нибудь анекдотъ при дамахъ, способенъ былъ свободно произносить такія слова, которыя обычно говорятъ только обинякомъ. Горькій при первомъ знакомствѣ съ Толстымъ даже обидѣлся, полагая, что это для него, для пролетарія, Толстой говорилъ такимъ языкомъ. Горькій обидѣлся напрасно. Толстой передавая, на примѣръ, мужицкую рѣчь, не стѣснялся иногда самыхъ гонубыхъ выраженій и при всякихъ собесѣдникахъ»).

Возвращаясь къ его внѣшности, повторяю то, что я сказалъ о своей первой встрѣчѣ съ нимъ:

«Едва я вхожу въ залу, какъ въ глубинѣ ея, на лѣво, тотчасъ-же открывается маленькая дверка и оттуда быстро, съ неуклюжей ловкостью, выдергиваетъ ноги, выныриваетъ большой сѣдобородый старикъ. Быстрый, легкій, страшный, остроглазый, съ насупленными бровями... И быстро идетъ прямо на меня, быстро (и немного присѣдая) подходитъ ко мнѣ, ладонью вверхъ бросаетъ руку, забираетъ въ нее всю мою...»

Про послѣднее хочется сказать: зоологическій жестъ. И дальше: «Онъ мягко жметъ мою руку и неожиданно улыбается очаровательной улыбкой, ласковой и какой-то вмѣстѣ съ тѣмъ горестной, даже какъ-бы жалостной, и я вижу, что эти маленькіе сѣро-го-

лубые глаза вовсе не страшные и не острые, а только по звѣриному зоркіе... Легкіе и жидкіе остатки сѣрыхъ, на концахъ слегка завивающихся волосъ, по крестьянски раздѣлены на прямой проборъ, большія уши сидятъ необычно высоко, бугры бровныхъ дугъ надвинуты на глаза, борода, сухая, неровная, скво-зная, позволяетъ видѣть слегка выступающую нижнюю челюсть.»

Это тоже надо отмѣтить: нѣчто горестное, нѣчто жалостное въ глазахъ и слегка выступающая челюсть.

Гольденвейзеръ сдѣлалъ и другой списокъ — перечень его физическихъ особенностей. Отмѣтилъ, между прочимъ нѣкоторый недостатокъ въ его произношеніи: «Левъ Николаевичъ пришепетывалъ... Не знаю, было-ли это слѣдствіемъ старческаго отсутствія зубовъ или Левъ Николаевичъ говорилъ такъ всегда.»

Я спрашивалъ Илью Львовича:

— Можетъ быть, нѣкоторая особенность произношенія Льва Николаевича происходила отъ его нѣсколько выступающей нижней челюсти?

— Вѣроятно. Это есть и у меня и особенно у нашего старшаго брата Сергѣя; мы съ нимъ, мнѣ кажется, вообще больше всего похожи съ отцомъ физически. У Сергѣя нижняя челюсть выступаетъ очень замѣтно. А наша походка? Ты правъ, когда говоришь, что въ отцѣ было немножко гориллы. Въ насъ этихъ чертъ, пожалуй, еще больше и выражаются онѣ еще явственнѣй. Я, совсѣмъ какъ отецъ, хожу быстро, почти бѣгаю и точно на пружинахъ,

а Сергѣй присѣдаетъ, пружинить ужъ совсѣмъ по обезьяньи.

Гольденвейзеръ говоритъ: «Левъ Николаевичъ ступаль мягко, онъ широко разставлялъ въ разныя стороны носки и наступаль сначала на пятку». Такъ ходила и мать Толстого (княжна Марья въ «Войнѣ и мирѣ»): «Она вошла въ комнату своей тяжелою походкой, ступая на пятки». Эта поступь тоже совсѣмъ не случайная толстовская особенность.

Когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, въ Москвѣ на Арбатѣ, онъ уже сталъ старчески ссыхаться, уменьшаться. Но отъ природы онъ былъ выше средняго роста, — хорошо помню, что при первой нашей встрѣчѣ я, пока онъ пожималъ мнѣ руку, глядѣлъ на него нѣсколько снизу; а я средняго роста.

Онъ былъ широкъ въ плечахъ и вообще въ кости. Гольденвейзеръ говоритъ, что даже очень широкъ: «Когда мнѣ однажды пришлось спать въ его ночной рубашкѣ, то плечи ея спускались мнѣ почти до локтя». Но Гольденвейзеръ былъ тѣломъ невеликъ и щупль.

Онъ былъ близорукъ, но до самой смерти читалъ и писалъ безъ очковъ.

Говорилъ большею частью тихо, но, когда окликалъ кого-нибудь, всегда поражала звучность его голоса.

Въ молодости былъ очень силенъ. Силенъ и до старости. «Мы, говоритъ Гольденвейзеръ, разъ пробовали, сидя за столомъ, опершись на столъ локтями и взявшись рука въ руку, пригибать къ столу руку, — кто ниже пригнетъ чужую руку. Онъ одо-

лъль всѣхъ присутствующихъ.» А это было всего за годъ до его смерти.

Руки у него были большія, деревенски-дворянскія, «съ крѣпкими, правильной формы ногтями», какъ правильно отмѣтилъ Гольденвейзеръ.

Бль онъ поспѣшно, часто даже жадно. Бль обычно немного, но когда что нравилось, бль такъ неумѣренно, что часто хворалъ послѣ того. Не любилъ молока и рыбы, не бль того и другого и тогда, когда не былъ еще вегетаріанцемъ.

Захворавъ, онъ всегда начиналъ безпрестанно и очень громко, на весь домъ зѣвать.

«Когда дядя Сережа вспоминалъ что-нибудь неприятное или чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, онъ начиналъ громко кричать у себя въ кабинетѣ: Ааааа!»

Это рассказываетъ Александра Львовна о Сергѣѣ Николаевичѣ. И то же объ отцѣ:

— Оохъ, оохъ, оохъ! — вдругъ слышались страшные крики изъ кабинета отца.

— Что это? Кто кричитъ? Левъ Николаевичъ? Ему плохо? — со страхомъ спрашивали непривычные люди.

— Нѣтъ, — отвѣчали мы со смѣхомъ: — это Левъ Николаевичъ зѣваетъ.

Извѣстно, какъ любилъ онъ всякія физическія упражненія. Очень любилъ купаться и купался до конца жизни. Помню, говоритъ Гольденвейзеръ, когда я въ первый разъ пошелъ съ нимъ купаться, я

обратилъ вниманіе на очень большую родинку у него на правомъ боку. Плавалъ онъ какъ-то по-лягушечьи. Купался, какъ мужики, серьезно, не торопясь, дѣловито.

Онъ былъ въ высшей степени смѣль, мужественъ. «Я не могу представить себѣ его испуганнымъ, говоритъ Гольденвейзеръ. Однажды зимой мы ѣхали съ нимъ вдвоемъ въ маленькихъ санкахъ. Онъ правилъ. Начиналась метель, становилась все сильнѣе, такъ что наконецъ мы сбились съ пути и ѣхали безъ дороги. Замѣтивъ вдалекѣ лѣсную сторожку, мы направились къ ней, чтобы распросить у лѣсника, какъ выбратся на дорогу. Когда мы подъѣхали къ сторожкѣ, на насъ выскочили три или четыре огромныхъ овчарки и съ бѣшенымъ лаемъ окружили лошадь и сани. Онъ рѣшительнымъ движеніемъ передалъ мнѣ вожжи, а самъ всталъ, вышелъ изъ саней, громко гикнулъ и съ пустыми руками пошелъ прямо на собакъ. И вдругъ страшныя собаки сразу стихли, раступились и дали ему дорогу, какъ власть имущему. Онъ спокойно прошелъ между ними и вошелъ въ сторожку со своей развѣвающейся сѣдой бородой.»

Въ кавказскихъ «дѣлахъ» и въ осажденномъ Севастополѣ онъ всегда велъ себя не только храбро, но порой даже отчаянно. Однако панически боялся крысъ; сидя однажды въ севастопольскихъ ложементѣхъ, вдругъ выскочилъ наружу и кинулся на бастіонъ, подъ ураганный обстрѣлъ непріятеля: увидалъ крысу.

Извѣстно, какой онъ былъ страстный охот-

никъ*, какъ любилъ лошадей и собакъ. Отъ охоты онъ отказался только въ старости, страсть же къ верховой ѣздѣ сохранилъ до самой смерти и ѣздилъ удивительно. Садясь на лошадь, онъ весь преображался, сразу дѣлался моложе, бодрѣй и крѣпче; въ лошадахъ зналъ толкъ какъ истинный знатокъ, хвалилъ ихъ безъ критики рѣдко. Что до собакъ, то не выносилъ ихъ лая. Когда вблизи лаяла собака, онъ испытывалъ настоящее страданіе. Загадочная черта, бывшая и у Гете, который относился къ лаю собакъ даже мистически.

Лошади, верховая ѣзда играли большую роль въ нашей жизни, говоритъ Александра Львовна.

«Если ѣдешь съ отцомъ верхомъ, такъ не растрепывайся! Ѣздилъ онъ оврагами, болотами, глухимъ лѣсомъ, по узенькимъ тропиночкамъ, не считаясь съ препятствіями...

Если по дорогѣ ручей, отецъ, не долго думая, посылаетъ Делира, и онъ, какъ птица, перемахиваетъ на другую сторону...

А то перемахнетъ ручей да въ гору карьеромъ.

* Однажды онъ едва не погибъ на медвѣжьей охотѣ. Правила такой охоты требуютъ отоптать вокругъ себя снѣгъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоишь, чтобы дать свободу движеніямъ. Онъ и тутъ пренебрегаетъ обычнымъ: «Вздоръ, въ медвѣдя надо стрѣлять, а не ратоборствовать съ нимъ» — и становится по поясъ въ снѣгу. Изъ лѣсу на него выскакиваетъ громадная медвѣдица, онъ стрѣляетъ въ нее и промахивается, стрѣляетъ еще, въ упоръ, но пуля застрѣваетъ у нея въ зубахъ, и она наваливается на него, — глубокій снѣгъ не далъ ему возможности отскочить въ сторону, — начинаетъ грызть ему лобъ; спасло его только то, что подбѣжалъ другой охотникъ и застрѣлилъ ее.

Тутъ деревья, кусты, того гляди о стволъ ударишься или вѣткой глазъ выстегнешь.

— Ну? — кричитъ онъ, оглядываясь.

— Ничего, сижу.

— Держись крѣпче!

Одинъ разъ мы ѣхали съ нимъ по Засѣкѣ. Подо мной была лѣнивая, тяжелая кобыла. Отецъ оставился въ лѣсу и сталъ разговаривать съ пильщиками. Лошадей кусали мухи, овода. Кобыла отбивалась ногами, махала хвостомъ, головой и вдругъ, сразу поджавъ ноги, легла. Отецъ громко закричалъ. Какимъ-то чудомъ я выкатилась изъ-подъ лошади и не успѣла еще подняться, какъ отецъ молодымъ, сильнымъ движеніемъ ударилъ ее такъ, что она немедленно вскочила...

Мнѣ было лѣтъ пятнадцать, когда онъ училъ меня ѣздить.

— Ну-ка, Саша, брось стремя! А ну-ка попробуй рысью!

Разъ онъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью. Лошадь, степная, горячая, испугалась, шарахнулась и упала. Отецъ, не выпуская поводьевъ, съ страшной быстротой высвободилъ ногу изъ стремени и прежде лошади вскочилъ на ноги...»

И еще одна особенность, тоже значительная, — какъ онъ держалъ перо: не выставлялъ впередъ ни одного пальца, а держалъ ихъ всѣ горсточкой и быстро и кругло вертѣлъ перомъ, почти не отрывая его отъ бумаги и не дѣлая нажимовъ. Опять нѣчто «зоологическое».

Какъ связать со всѣмъ этимъ его рѣдкую склон-

пость къ слезамъ? Эту склонность отмѣчаютъ многіе знавшіе его. Онъ легко плакалъ всю жизнь, только всего чаще не отъ горя, а когда рассказывалъ, слышалъ или читалъ что-нибудь — трогавшее его; плакалъ, слушая музыку. «Отъ природы музыкальный и въ молодости увлекавшійся игрой на фортопьянахъ, Левъ Николаевичъ ни въ какой мѣрѣ не былъ музыкантомъ, но чуткостью къ музыкѣ обладалъ выдающѣйся. Не нравилось ему и оставляло его равнодушнымъ иногда то, что съ моей точки зрѣнія было прекрасно, на примѣръ, музыка Вагнера, но что ему нравилось, было всегда дѣйствительно хорошо. Когда ему въ музыкѣ что-нибудь не нравилось особенно, на примѣръ, музыка Мусоргскаго, онъ говорилъ: «стыдно слушать!» Чрезвычайно любилъ русскія народныя пѣсни, больше веселое, чѣмъ протяжное. Смѣялся онъ довольно рѣдко, но когда смѣялся, то чаще всего тоже до слезъ.

Перечень его примѣтъ можно еще и еще пополнять. Но и этого достаточно, чтобы видѣть, насколько первобытенъ былъ по своей физической и духовной основѣ тотъ, кто, при всей этой первобытности*, носилъ въ себѣ столь удивительную полноту, сосредоточенность самага тонкаго и самага богатаго

* На кумысъ въ Башкирію онъ ѣздилъ не только для поправленія своихъ легкихъ и отдыха отъ всякихъ своихъ работъ, но и хотя бы временнаго освобожденія отъ того мучительнаго бремени, которымъ всегда была для него городская жизнь: «отъ времени до времени онъ испытывалъ особенную тягу къ природѣ и къ первобытному существованію». И въ Башкиріи воскресалъ и душевно и тѣлесно съ необыкновенной быстротой.

развитія всего того, что приобрѣло человѣчество за всю свою исторію на путяхъ духа и мысли. Когда-то суть европейскаго мнѣнія о немъ очень недурно (въ смыслѣ европейской невѣжественности и самоуверенности) выразилъ Зола. Мнѣніе это было въ общемъ такое: да, крупный талантъ, но достаточно варварскій, истое дитя своего крайне эмоціональнаго народа, человѣкъ наивно мудрствующій, открывающій давно открытыя Америки, путающійся въ томъ, что уже давно распутано... «Наивности» въ немъ было въ самомъ дѣлѣ не мало, давно открытыя Америки онъ и правда открывалъ, — въ чужія открытія плохо вѣрилъ, — во многомъ, что людямъ подобнымъ Зола, казалось давно распутаннымъ, онъ долго путался, эмоціоналенъ былъ чрезвычайно. Вотъ еще насчетъ музыки, — онъ про нее говорилъ такъ: «Если бы вся наша цивилизація полетѣла къ чортовой матери, я не пожалѣлъ бы, а музыки мнѣ было бы очень жаль... Я люблю Пушкина, Гоголя, но все таки мнѣ не съ однимъ искусствомъ не было бы такъ жалко разстаться, умирая, какъ съ музыкой...» Отъ музыки, онъ почти страдалъ, — «ощущенія, вызываемыя въ немъ музыкой, сопровождались блѣдностью лица и гримасой, выражавшей нѣчто похожее на ужасъ», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Берсъ, братъ Софьи Андреевны.

XI

«Чтобы быть приняту въ число моихъ избранныхъ читателей, я требую, чтобы вы были чувствительны, были человѣкъ религіозный...»

«Было время, когда я тщеславился моимъ умомъ, моимъ именемъ, но теперь я знаю, что если есть во мнѣ что-нибудь хорошаго, то это доброе сердце, чувствительное и способное любить...»

«Я Дорку (собаку) полюбилъ за то, что она не эгоистка. Какъ бы выучиться такъ жить, чтобы всегда радоваться счастьемъ другихъ?»

Съ годами его «чувствительность» возрастала все болѣе и болѣе, въ концѣ жизни дошла до крайней степени.

— Подходя къ Овсянникову, смотрѣлъ на прелестный солнечный закатъ. Въ нагроможденныхъ облакахъ просвѣтъ, а тамъ, какъ красный раскаленный уголь, солнце. И все это надъ лѣсомъ. Рожь. Радостно. И думалъ: нѣтъ, этотъ міръ — не шутка, не юдоль испытанія только и перехода въ міръ лучшій, вѣчный, а это одинъ изъ вѣчныхъ міровъ, который прекрасенъ, радостенъ и который мы не только можемъ, но должны сдѣлать прекраснѣе для живущихъ

съ нами и для тѣхъ, которые послѣ насъ будутъ жить въ немъ...

— Ъхаль черезъ лѣсъ Тургенева, вечерней зарей: свѣжая зелень въ лѣсу подъ ногами, звѣзды въ небѣ, запахи цвѣтущей ракиты, вянущаго березоваго листа, звуки соловьевъ, шумъ жуковъ, кукушка, — кукушка и уединеніе, и пріятное подъ тобой, бодрое движеніе лошади, и физическое и душевное здоровье. И я думалъ, какъ думаю безпрестанно, о смерти. И такъ мнѣ ясно стало, что такъ же хорошо, хотя по другому, будетъ на той сторонѣ смерти.. Мнѣ ясно было, что тамъ будетъ такъ же хорошо, нѣтъ, лучше. Я постарался вызвать въ себѣ сомнѣніе въ той жизни, какъ бывало прежде, и не могъ, какъ прежде, но могъ вызвать въ себѣ увѣренность...

«Мнѣ казалось, вспоминаетъ Александра Львовна, что обычное свойство отца — радоваться жизни, цвѣтамъ, деревьямъ, дѣтямъ, всему, всему, что окружало его — усилилось въ немъ послѣ болѣзней въ Крыму. Какъ сейчасъ вижу, идетъ изъ лѣса. Бѣлая блуза мѣшкомъ сидитъ на похудѣвшемъ тѣлѣ, воротникъ отсталъ, торчатъ ключицы, онъ идетъ безъ шляпы, пушатся на головѣ мягкіе волосы.

— Вотъ посмотри, что я принесъ, — говоритъ онъ, весело улыбаясь.

Я заглядываю въ шляпу. Тамъ аккуратно на лопухѣ положено нѣсколько грибовъ.

— Ты понюхай, понюхай только, какъ пахнутъ!

Постепенно силы его прибывали... Помню, какъ въ первый разъ послѣ болѣзни онъ поѣхалъ верхомъ на только что купленной мною лошади. Онъ съ тру-

домъ поднялъ лѣвую ногу въ стремя, съ усиленіемъ перекинулъ свое тѣло, лошадь загорячилась, и онъ скрылся по «пришпекту». Я не находила себѣ мѣста. Мнѣ казалось, что отецъ не справится съ молодой, горячей лошадыю, я съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія.

— А я на Козловкѣ былъ! — весело крикнулъ онъ мнѣ, подѣзжая къ дому.

И какъ только я увидѣла его, я поняла, что напрасно волновалась. Делиръ шелъ спокойнымъ, ровнымъ шагомъ...

Отецъ любилъ цвѣты, всегда собиралъ ихъ безъ листьевъ, тѣсно прижимая одинъ къ другому. Когда я дѣлала ему букеты по своему, прибавляя въ нихъ зелени и свободно разставляя цвѣты, ему не нравилось:

— Это ни къ чему, надо проще...

Онъ первый приносилъ едва распустившіеся фіалки, незабудки, ландыши, радовался на нихъ, давалъ всѣмъ нюхать. Особенно любилъ онъ незабудки и павилику, огорчался, что павилику неудобно ставить въ воду — стебельки слишкомъ коротки.

— Понюхай, какъ тонко пахнетъ, горькимъ миндалемъ, чувствуешь? А отѣнки-то какіе, ты посмотри!»

Повторю: теперь, когда прошла цѣлая четверть вѣка со времени его смерти и, подъ вліяніемъ множества всякихъ новыхъ свидѣтельствъ о немъ, образъ его подвергся большому пересмотру, теперь всѣмъ кажется, что этотъ образъ установленъ уже точно, безпристрастно и полно, что не только всѣ главные

его черты, но и самая сущность опредѣлены, угаданы. Но нѣтъ, — нѣкоторыя новыя черты этого образа, наконецъ-то замѣченныя и усвоенныя, еще не колебали прежняго представленія о немъ. Все тѣ же «волчьи глаза», все тотъ-же «великій грѣшникъ». «Апостоль любви» — это только краснорѣчіе въ торжественные дни поминовеній его. Да и то не всегда обязательное. Вотъ, на примѣръ, совсѣмъ недавняя статья Амфитеатрова, одного изъ старѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ писателей. «Во всѣхъ странахъ и народахъ славенъ Толстой, говоритъ снѣ, на всѣхъ языкахъ, имѣющихъ письменность, написано о немъ видимо-невидимо...» Да, написано не мало и все еще пишется, но что и какъ? Амфитеатровъ съ восхищеніемъ излагаетъ «огромный и превосходный трудъ», посвященный Толстому къ двадцатипятилѣтію со времени его смерти извѣстнымъ итальянскимъ беллетристомъ и поэтомъ Чинелли. Кто-же такой, по мнѣнію Чинелли, Толстой? Мнѣніе это — типичный образецъ того, что и до сихъ поръ думаетъ о Толстомъ большинство просвѣщенныхъ людей «во всѣхъ странахъ и народахъ».

— Толстой — не пророкъ, не святой, все въ немъ — человѣческое, здоровое, нормальное...

— Когда продумываешь его пути, его Голгофу, все думаешь по контрасту о самомъ счастливомъ и самомъ святомъ изъ людей — Санъ-Франческо д'Ассизи...

Если все въ Толстомъ кажется Чинелли такимъ «человѣческимъ, здоровымъ, нормальнымъ», то почему онъ говоритъ о Голгофѣ? Проходятъ-ли черезъ

Голгофу «здоровые, нормальные» люди? Если Толстой «не пророкъ, не святой», зачѣмъ Чинелли проводить параллели между Толстымъ и Святымъ? Это тѣмъ болѣе непонятно, что еще никто не канонизировалъ Толстого во святые. Да если-бы и былъ онъ канонизированъ, почему непременно надлежало-бы ему быть похожимъ на Санъ-Франческо д'Ассизи? Великое множество святыхъ не похоже на святого Франческо. Понятно одно: святой Франческо понадобился Чинелли для хулы на Толстого. Начать съ того, говорить онъ, что еще въ юности и безъ всякихъ размышлений, колебаній бросилъ Франческо и родной домъ, и семью, и всѣ мірскія блага, всѣ прелести и соблазны земные, а Толстой «опростился» только въ старости, ушелъ отъ той роскоши, въ которой провелъ весь свой долгій вѣкъ, только передъ смертью... Да, начать хотя бы съ этого. По всему свѣту еще держится убѣжденіе, что, не взирая на всѣ свои «опрощенія», несмотря на всѣ свои отказы отъ всякаго барства и богатства, жилъ Толстой все таки всегда въ барствѣ, въ богатствѣ. Но въ легендѣ объ этомъ барствѣ и богатствѣ, равно какъ и въ легендѣ о великой грѣховности Толстого, повиненъ прежде всего онъ самъ: чего только не наговаривалъ онъ на себя!* Никто не помнитъ этихъ скромныхъ словъ:

* Онъ самъ виноватъ между прочимъ и въ томъ совершенно нелѣпомъ мнѣніи, которое утвердилось за нимъ, какъ о художественномъ критикѣ: «Ни въ грошъ не ставилъ Шекспира и восхищался бездарнымъ писателемъ изъ народа Семеновымъ!» Семеновъ сталъ знаменитъ въ этомъ смыслѣ. Но вотъ нѣсколько строкъ изъ однихъ воспоминаній на счетъ этого Семенова:

— Однажды Л. Н. неожиданно вошелъ въ залу, гдѣ чи-

«Золь я никогда не былъ; на совѣсти два, три поступка, которые тогда мучили; но жестоко я не былъ». Но какъ не помнить того страшнаго, что говорилъ онъ о годахъ своей молодости и средней порѣ жизни?

— Безъ ужаса, омерзѣнія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ... Я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэль, чтобы убить; проигрывалъ въ карты, продавалъ труды мужиковъ; казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣяніе всѣхъ родовъ, насиліе, убійство... Не было преступленія, котораго бы я не совершалъ...

«Роскошь» и слабость къ ней онъ приписывалъ себѣ тоже самъ, собственной рукой: «Я покорился совершенно соблазнамъ судьбы и живу въ роскоши...» Сколько разъ писалъ онъ это? Безъ числа, безъ всякой мѣры. А межъ тѣмъ есть-ли и въ этой фразѣ хоть одно точное слово? «Покорился» — неправда: мучился «роскошью» своей жизни ужасно, съ мыслью бѣжать отъ нея не разставался цѣлыя десятилѣтія и осуществить ее не могъ единственно потому, что на этотъ, по его словамъ, эгоистическій, безчеловѣчный по отношенію къ семьѣ шагъ не хватало безжалостности. «Соблазны судьбы» — тоже неправда: кто мало-мальски знаетъ его жизненный

тали вслухъ рассказъ Семенова.

«Какъ фальшиво! Ахъ, какъ фальшиво!» сказалъ онъ, морщась.

Но дослушавъ до конца, гдѣ говорилось о развращающемъ вліяніи города на чистую деревенскую душу, онъ вдругъ съ особымъ жаромъ сталъ расхваливать рассказъ: заставилъ себя расхваливать.

обиходъ, тому слово «соблазны» просто смѣшно. «Весь вѣкъ прожилъ въ богатствѣ...» Но Толстые никогда не были богаты. Бабка Толстого по отцу была, какъ говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, дочь «скопившаго большое состояніе слѣпого князя Горчакова». Но дѣдъ (Илья Андреевичъ Толстой) промоталъ и свое и то, что онъ взялъ въ приданое за ней. Онъ былъ «не только щедрый, но безтолково-мотоватый, а главное, довѣрчивый... Въ его имѣніи шло непрестанное пиршество, театры, балы, обѣды, которые, въ особенности при страсти дѣла играть по большой въ ломберъ и вистъ, не умѣя играть, и при готовности давать всѣмъ, кто просилъ, и займы и безъ отдачи, кончилось тѣмъ, что большое имѣніе его жены все было такъ запутано въ долгахъ, что жить было нечѣмъ, и онъ долженъ былъ выхлопотать себѣ мѣсто губернатора въ Казани». Дѣдъ по матери (Николай Сергѣевичъ Волконекій) былъ весьма состоятеленъ, но большая часть того приданого, которое взялъ Николай Ильичъ за Маріей Николаевной, ушла на покрытіе долговъ Ильи Андреевича. Изъ имѣній у Николая Ильича осталась только Ясная Поляна, но и Ясную Поляну унаслѣдовалъ онъ не отъ отца, а взялъ въ приданое за женой. Короче сказать, родился и выросъ этотъ богачъ въ бѣдности, молодымъ терпѣлъ настоящую нужду; въ зрѣлые годы, когда уже считалъ себя довольно обеспеченнымъ, въ отчаяніе приходилъ изъ-за какой-нибудь лишней грошевой траты, — какъ Левинъ, проѣвшій и пропившій съ Облонскимъ въ ресторанѣ «цѣлыхъ» семь рублей, — а что за «роскошь» окру-

жала его старость, видно, напимѣрь, изъ записей его друга Буланже, въ 1901 г. сопровождавшаго его, больного, на поправку въ Крымъ, гдѣ онъ былъ приглашенъ жить у графини Паниной: «Почти со страхомъ глядѣлъ на ея домъ Левъ Николаевичъ, привыкшій къ простой, скромной, чтобы не сказать бѣдной, обстановкѣ Ясной Поляны, гдѣ полы были во многихъ комнатахъ некрашенные, рамы въ окнахъ гнилыя, съ облѣзлой краской...» Тѣ-же чувства, что и отецъ, испытала въ этомъ домѣ и Александра Львовна, тоже сопровождавшая его въ Крымъ: «Поразила роскошь дворца. Я никогда въ такомъ домѣ не жила. Было неловко и неуютно: мраморные подоконники, рѣзныя двери, тяжелая дорогая мебель, большія высокія комнаты...» Тутъ, кстати, надо сдѣлать еще одну поправку — на счетъ его опрощенія въ одеждѣ. Этому опрощенію почему-то придали и теперь еще придаютъ совсѣмъ незаслуженное значеніе. Какъ всѣ деревенскіе дворяне, онъ и до опрощенія носилъ зимой (даже иногда и въ городѣ) тотъ самый полушубокъ, который впоследствии сдѣлали столь знаменитымъ; носилъ и длинные сапоги, и блузу, и валенки; порой и косилъ, пахалъ. Но вотъ стали всему этому дивиться. Почему? Анатолий Франсъ въ полушубкѣ, Марсель Прустъ съ косой въ рукахъ, Бодлеръ за сохой, разумѣется, были-бы удивительны. Но Толстой? Впрочемъ, я понимаю, напимѣрь, Мережковскаго, который въ своей книгѣ («Толстой и Дюетоевскій») посвятилъ этому полушубку (и косъ и пилъ, стоявшимъ въ рабочей комнатѣ Толстого) столько наивныхъ страницъ: трудно найти даже

среди нынѣшнихъ русскихъ писателей болѣе типичнаго городского человѣка, чѣмъ Мережковскій, отъ роду никогда не видавшій, вѣроятно, собственными глазами ни косы, ни пилы, — недаромъ онъ называетъ пилу напильникомъ...

— Франческо, говоритъ Чинелли дальше, былъ человѣкъ веселый, онъ пѣлъ, училъ радости. А Левъ...

А что «Левъ?» «Левъ» записалъ однажды, уже въ старости: «Слушалъ политическія разсужденія, споры и вышелъ въ другую комнату, гдѣ съ гитарой играли и пѣли, и ясно почувствовалъ святость веселья».

— Левъ маялся смертной мукой въ своей разсудочной борьбѣ съ красотой и природой... Левъ тоже имѣлъ отъ Бога даръ понимать природу. И онъ наслаждался ею. Но ему было мало того: въ своей человѣческой гордынѣ онъ не могъ помириться на непосредственномъ воспріятіи наслажденія, хотѣлъ вникать и познавать... Оба, Франческо и Левъ, любили животныхъ. Но какъ разное! Левъ, смолоду великій охотникъ, долженъ былъ наложить на себя зарокъ не убивать животныхъ. А Франческо...

Опять можно напомнить Чинелли: множество святыхъ прошли черезъ это — хотѣли «вникать и познавать». А что до охоты, то и святой Евстафій былъ отличенъ отъ Франческо, — былъ «великій ловецъ» и тоже «долженъ былъ наложить на себя зарокъ не убивать животныхъ». И не одинъ Евстафій: еще, на примѣръ, Юліанъ Милостивый...

Слово за словомъ повторяетъ Чинелли тѣ злыя

и упорныя въ искаженіи дѣйствительности мнѣнія о Толстомъ, на которыхъ основана вражда и даже ненависть къ нему еще очень, очень большого числа людей. «Мое истинное «я» презираемо окружающими», горько говорилъ онъ въ старости, записывая свои «дни и дѣла» въ Ясной Полянѣ. Это «я» было «презираемо» не только нѣкоторыми изъ окружавшихъ его въ Ясной Полянѣ, но и тысячами тысячъ изъ тѣхъ, которыми окружала его и Россія, и Европа, и Америка. «Презираемо» и до сихъ поръ. Я не выбиралъ Чинелли — я случайно узналъ о его «громадномъ и превосходномъ трудѣ» отъ Амфитеатрова и увидалъ, сколь Чинелли не случаенъ, сколь онъ типиченъ. Вотъ хотя-бы то, какъ сошлись на враждѣ къ Толстому молодой итальянскій писатель и старый русскій. Русскій писатель долженъ былъ-бы знагъ и понимать Толстого во сто разъ лучше всякаго иностраннаго. Но вотъ — полное единодушіе, такое, что чѣмъ дальше читаешь статью Амфитеатрова, тѣмъ все меньше понимаешь, кто говорить: Амфитеатровъ или Чинелли?

Амфитеатровъ говоритъ:

— Въ любви къ женщинѣ и въ бунтѣ противъ этой любви — весь Толстой. Онъ такъ много любилъ, что перелюбилъ. И какъ онъ любилъ? Никто не любилъ болѣе по человѣчески, менѣе духовно, чѣмъ онъ. И какъ скоро ударилъ часъ его тѣлеснаго упадка, онъ, въ озлобленіи, что теряетъ тѣлесную силу, которая роднила его съ матерью-землей, озлобился на цѣлыхъ 30 лѣтъ, сталъ, грязно ругаясь, старчески бунтуя, — вспомните мрачную похоть

о. Сергія, — проповѣдывать безусловное цѣломудріе.

То же говоритъ и Чинелли:

— Въ устахъ Толстого проповѣдь чистоты, цѣломудрія есть только повелительное насиліе, обличительная полемика, ругательное и самое непристойное издѣвательство надъ жизнью и природой...

Никакъ не стоило бы цитировать эту клевету, будь она случайна, принадлежи она только какому-то Чинелли. Но развѣ одинъ Чинелли забываетъ всѣ тѣ страстныя, сердечныя, съ самой ранней молодости присущія Толстому стремленія именно къ чистотѣ, къ цѣломудрію, то, съ какимъ ужасомъ, — съ ужасомъ даже какъ бы мистики грѣхопаденія, — всегда писалъ онъ о потерѣ юношеской невинности? Онъ писалъ объ этомъ въ юности («Какъ гибнетъ любовь»), писалъ въ годы мужества, — на примѣръ, о томъ, какъ Николай Ростовъ, еще не знавшій женщинъ, поѣхавъ съ Денисовымъ къ какой-то гречанкѣ: «Онъ ѣхалъ какъ будто на совершеніе одного изъ самыхъ преступныхъ и безвозвратныхъ поступковъ... Онъ чувствовалъ, что наступаетъ та рѣшительная минута, о которой онъ думалъ, колеблясь, тысячу разъ... Онъ дрожалъ отъ страха, сердился на себя и чувствовалъ, что онъ дѣлаетъ безвозвратный шагъ въ жизни, что что-то преступное, ужасное совершается въ эту минуту...» О чувствахъ Ростова послѣ паденія онъ писалъ еще мучительнѣе: «Онъ проснулся и все плакалъ и плакалъ слезами стыда и раскаянія о своемъ паденіи, навѣки отдѣлившемъ его отъ Сони», — точнѣе, отъ той женщины, которая представлялась ему идеаломъ его любви и которую

нельзя было опредѣлить: «Была-ли то мечта первой любви или воспоминаніе нѣжности матери, не знаю, — не знаю, кто была эта женщина, но въ ней было все, что любятъ, и къ ней сладко и больно тянула непреодолимая сила...» Всѣ эти строки можно прочесть въ наброскахъ, не вошедшихъ въ «Войну и миръ» по несоотвѣтствію ихъ слишкомъ лирическаго тона съ общимъ тономъ романа. Но эта лирика всегда жила въ толстовской душѣ, — до глубокой старости:

— Еще думалъ нынче о прелести — именно прелести — зарождающейся любви. Это въ родѣ того, какъ пахнетъ вдругъ запахъ зацвѣтающей липы или начинающая падать тѣнь отъ луны...

И вотъ, послѣ такихъ строкъ, читаешь: «Въ устахъ Толстого проповѣдь чистоты, цѣломудрія есть только повелительное насиліе, обличительная полемика...» Однако, можно ли строго судить всѣхъ этихъ Чинелли? Не самъ-ли человекъ вопіялъ такъ долго и отчаянно, что онъ почти всю свою жизнь совершалъ «любодѣяніе всѣхъ родовъ»? Да не оставали отъ него и его друзья, знакомые. Покойный Боборыкинъ рассказывалъ мнѣ:

— Некрасовъ, котораго, кстати сказать, Толстой считалъ однимъ изъ самыхъ умныхъ людей, какихъ онъ когда-либо встрѣчалъ, Некрасовъ называлъ Толстого великимъ сладострастникомъ, и я Толстому это не разъ напоминалъ. Какъ только начнетъ онъ меня допекать, какъ мы всѣ гадко живемъ, какъ мало о душѣ думаемъ, я ему сейчасъ: это вамъ, Левъ Николаевичъ, надо спасаться по великимъ грѣхамъ

вашимъ, а мнѣ что? Меня и такъ съ распростертыми объятіями въ рай примутъ: Петръ Дмитриевичъ, дорогой, пожалуйста, вы за всю жизнь лишняго стакана вина не выпили, не то что Толстой! Я, Левъ Николаевичъ, подобно вамъ и Буддѣ, не отрекался ни отъ жены, ни отъ царства, зато, надѣюсь, и не умру, какъ Будда, который, достигнувъ всяческой святости, восьмидесяти лѣтъ отъ роду, вдругъ объѣлся однажды въ жаркій день свининой у знакомаго кожевника, а послѣ того не удержался еще и отъ другого искушенія, — искупался въ рѣчкѣ, за что и отдалъ въ тотъ же вечеръ Богу душу...

«Великій сладострастникъ», «по великимъ грѣхамъ вашимъ...» Да, откуда все это? Великая страстность натуры Толстого неоспорима, величайшая острота его чувствованія всяческой плоти земной — тоже; но «сладострастіе», если понимать это слово въ обычномъ смыслѣ? И гдѣ можно найти въ жизни Толстого фактическія доказательства проявленія его «великой сладострастности»? Всѣ въ одинъ голосъ твердятъ еще и до сихъ поръ, что онъ провелъ «очень бурную молодость». Но что-же въ ней было особеннаго, какія такія бури? О началѣ ея онъ писалъ такъ: «Я усвоилъ себѣ восторженное обоженіе идеала добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человека постоянно совершенствоваться... Я ставилъ себѣ за правило: читать каждый день цѣлый часъ Евангеліе, отдавать одну десятую изъ всѣхъ своихъ денегъ бѣднымъ, отыскивать ихъ... самому убирать свою комнату и держать ее въ удивительной чистотѣ, человека же ничего для себя не заставлялъ дѣ-

латъ: вѣдь онъ такой же, какъ и я... въ университетъ ходить пѣшкомъ... Вообще жить разумной, нравственной, безупречной жизнью...» Исчезло-ли это «восторженное обожаніе добродѣтели» въ послѣдующіе годы? Да, иногда азартно игралъ въ карты, иногда ѣздилъ къ цыганкамъ... потомъ имѣлъ двѣ связи до женитьбы... былъ влюбленъ въ Молоствову, въ Арсеньеву... Но ужели это «бури»!

Боборыкинъ, на вопросъ о фактическихъ доказательствахъ «великаго сладострастія» Толстого, отвѣчалъ:

— Этихъ доказательствъ сколько угодно. И, прежде всего, — въ его собственныхъ исповѣдяхъ о своей молодости, ну, хотя бы въ тѣхъ ужасныхъ дневникахъ, которые онъ имѣлъ какую-то извращенную жестокость дать прочитатъ Софьѣ Андреевнѣ, несчастной дѣвочкѣ, наканунѣ своей свадьбы съ ней.

Исповѣди, дневники... Все таки надо умѣть читать ихъ. «Ложь, воровство, любодѣяніе всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство... не было преступленія, котораго я бы не совершалъ...» Баснословный злодѣй!

ХІІ

Булгаковъ, послѣдній секретарь Толстого, подчеркиваетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записей о немъ чрезвычайность его страсти узнавать душевныя тайны людей: страсть эта всѣмъ извѣстна, говоритъ онъ, но едва-ли кто знаетъ, что Левъ Николаевичъ доходилъ въ этой страсти даже до подслушиванія подъ дверями.

Подчеркиваетъ онъ и чрезвычайность его вниманія и «его строгости ко всѣмъ явленіямъ» любви между мужчиной и женщиной. Онъ, говоритъ Булгаковъ, былъ сторонникомъ полного цѣломудрія мужчины и женщины, видѣлъ въ ихъ тѣлесныхъ отношеніяхъ, даже брачныхъ, нѣчто нечистое, нѣчто унижающее человѣка. Одинъ разъ, говоритъ Булгаковъ, я прочелъ въ только что написанномъ писемѣ его къ нѣкоей Петровской такую фразу:

— Ни въ одномъ грѣхѣ я не чувствую себя столь гадкимъ и виноватымъ, какъ въ этомъ, и потому, вѣроятно, ошибочно или нѣтъ, но считаю этотъ грѣхъ противъ цѣломудрія однимъ изъ самыхъ губительныхъ для жизни...

Запомнилось Булгакову и еще одно толстовское письмо:

— Вы говорите, что существо человеческое складывается изъ духовнаго и тѣлеснаго начала. И это совершенно справедливо; но не справедливо то ваше предположеніе, что благо предназначено и духовному и тѣлесному началу... Благо свойственно только духовному началу и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ все въ большемъ и большемъ освобожденіи отъ тѣла, обреченнаго на зло, единственно препятствующаго достиженію блага духовнаго начала...

Всѣ убѣждены, что такъ относился онъ къ «тѣлесному началу» только въ старости. Повторяю, — отъ всякаго можно услышать: «Все это слѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ причинъ: той бурной чувственности, въ которой прошла его молодость, той рѣдкой мужской страсти, результатомъ которой было рожденіе имъ тринадцати человѣкъ дѣтей, той силы, съ которой говорилъ онъ всегда обо всемъ тѣлесномъ...»

Что до дѣтей, то ихъ было даже не тринадцать, а четырнадцать. Лѣтомъ 1909 г. онъ самъ записалъ объ этомъ:

— Посмотрѣлъ на босыя ноги (женскія), вспомнилъ Аксиною, то, что она жива, и, говорятъ, Еремилъ мой сынъ (отъ нея)...

Эта Аксиныя вообще можетъ быть большимъ козыремъ въ рукахъ тѣхъ, что убѣждены въ большой «грѣховности» его. Это Аксиныя побудила его писать въ старости «Дьявола» и нѣкоторыя строки въ другихъ произведеніяхъ той же поры съ безпримѣрной для такихъ лѣтъ остротой тѣлесно-любовныхъ чувствъ. Въ томъ-же 1909 г. Софья Андреевна пере-

писывала его новый рассказ «Кто убійцы?» и записала:

— Тема — революціонеры, казни и происхожденіе всего этого. Могло быть интересно. Но все тѣ же пріемы — описаніе мужицкой жизни. Смакованіе *сильнаго* женскаго стана съ загорѣлыми ногами дѣвки, то, что когда-то такъ сильно соблазняло его; та же Аксинья съ блестящими глазами, почти безсознательно теперь, въ 80 лѣтъ, снова поднявшаяся изъ глубины воспоминаній и ощущеній прежнихъ лѣтъ. Аксинья была баба яснополянская, послѣдняя до женитьбы любовница Льва Николаевича...

Объ этой Аксиньи Софья Андреевна писала и въ самомъ началѣ своей замужней жизни, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своей свадьбы. Аксинья вмѣстѣ съ другой яснополянской бабой мыла у Толстыхъ полы, и вотъ Софья Андреевна писала: «Влюбленъ какъ никогда! И просто баба, толстая, бѣлая, — ужасно. Я съ такимъ удовольствіемъ смотрѣла на кинжалъ, ружья...» Аксинья была «послѣдняя до женитьбы любовница Льва Николаевича». Значить, были и другія; онъ и самъ объ этомъ говорилъ: «Въ молодости я велъ очень дурную жизнь, а два событія этой жизни особенно и до сихъ поръ мучаютъ меня... Эти событія были: связь съ крестьянской женщиной изъ нашей деревни до моей женитьбы, — на это есть намекъ въ моемъ рассказѣ «Дьяволъ». Второе — это преступленіе, которое я совершилъ съ горничной Гашей, жившей въ домѣ моей тетки. Она была невинна, я ее соблазнилъ, ее прогнали, и она погибла» — какъ Катюша Маслсва въ «Воекресеніи». Тутъ всякій мо-

жетъ мнѣ сказать: какихъ вамъ нужно еще доказательствъ его чувственности, разъ онъ самъ писалъ про Аксиною въ пору своей связи съ ней, что у него къ ней «чувство оленя»? Онъ писалъ Черткову и еще объ одѣй женщинѣ: это была его кухарка Домна, страстью къ которой онъ «страдалъ ужасно, боролся и чувствовалъ свое безсиліе». И замѣтите, скажутъ мнѣ, какая необыкновенная память чувствъ, — на протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій, до самой глубокой старости, хранить въ себѣ такую свѣжесть ихъ, при которой только и возможно то «дьявольское» очарованіе, съ которымъ написаны мѣстами и «Дьяволь» и начало любви Нехлюдова и Катюши. Вспомните, и всѣ его прежнія изумительныя изображенія всего матеріальнаго, плотскаго — и въ природѣ и въ человѣкѣ: напимѣръ, эту «бездну» звѣрей, птицъ, насекомыхъ въ жаркихъ лѣсахъ надъ Тереккомъ, дядю Ерошку, Маріанку, Лукашку, убитаго имъ абрека... «мертвое, ходившее по свѣту тѣло» князя Серпуховскаго изъ «Холстомѣра», то, какъ Стива Облонскій, просыпаясь, поворачивалъ на диванѣ свое холеное тѣло... тѣло жирнаго Васеньки Весловскаго... тѣло Анны, тѣло Вронскаго и ихъ страшное тѣлесное паденіе («какъ палачъ смотритъ на тѣло своей жертвы», смотрѣлъ Вронскій на Анну послѣ этого паденія)... А тѣло Эленъ? А «бѣлая нога» раненаго и вопящаго при ампутаціи ея брата? А Трухачевскій изъ «Крейцеровой сонаты», такъ плотоядно, жадно охватывающій своими красными губами баранью котлетку? Тѣло, тѣло, тѣло... Князя Андрея, смертельно раненаго подъ Бородинымъ, прино-

святъ на перевязочный пунктъ, — и вотъ опять и опять оно: «Все, что онъ видѣлъ вокругъ себя, слилось для него въ одно общее впечатлѣніе обнаженнаго, окровавленнаго человѣческаго тѣла, которое, казалось, наполняло всю низкую палатку, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ, въ этотъ жаркій августовскій день, это же тѣло наполняло грязный прудъ на смоленской дорогѣ. Да, это было то самое тѣло, та самая *chair à saop*, видъ которой еще тогда, какъ бы предсказывая теперешнее, возбудилъ въ немъ ужасъ.»

Что возразить на это?

Еще могутъ сказать: «Толстой, конечно, преувеличивалъ свою сладострастность, свою грѣховность въ своихъ покаянныхъ исповѣдяхъ; но какъ же все-таки отрицать и какъ объяснить его рѣдкое вниманіе ко всяческой земной плоти и въ частности къ человѣческому тѣлу, — къ женскому, можетъ быть, въ особенности?» Я не отрицаю, я даже готовъ опять привести эту записку:

— Ъхаль мимо закутъ. Вспомнилъ ночи, которыя проводилъ тамъ, и молодость, и красоту Дуняши (я никогда не былъ въ связи съ ней), сильное женское тѣло ея. Гдѣ оно?

Тутъ еще разъ оно, это «сильное женское тѣло». Но вѣдь какая глубокая грусть въ этомъ: «Гдѣ оно»! Что можетъ сравниться съ поэтической прелестью и грустью этой записки? Въ томъ то и дѣло, что никому, можетъ быть, во всей всемірной литературѣ не дано было чувствовать съ такой остротой всякую плоть міра прежде всего потому, что никому не дано было въ такой мѣрѣ и другое: такая острота чувства

обреченности, тлѣнности всей плоти міра, — острота, съ которой онъ былъ рожденъ и прожилъ всю жизнь. Chair à saop, «мясо», обреченное въ военное время пушкамъ, а во всѣ времена и вѣка — смерти!

Умирающему князю Андрею стало «уже близкимъ, почти понятнымъ и ощущаемымъ то грозное, вѣчное, невѣдомое, далекое, присутствіе котораго онъ не переставалъ ощущать въ продолженіе всей своей жизни.» Всю свою жизнь ощущалъ и Толстой.

— Холодна ты, смерть, но я былъ твоимъ господиномъ, — пѣлъ Хаджи Муратъ свою любимую пѣсню. — Мое тѣло возьметъ земля, мою душу приметъ небо.

Толстой «господиномъ» смерти не былъ, весь свой вѣкъ ужасался ей, не принималъ ея: «Она придетъ, она — вотъ она, а ея не должно быть!» — и завистливый восторгъ испытывалъ передъ звѣриностью Хаджи Мурата, Ерошки. У нихъ была райски сильна, бездумна, слѣпа, безсознательна «осуществленная въ тѣлѣ воля къ жизни», — почти какъ у того боровшагося за свою жизнь на пашнѣ татарника, которому онъ уподобилъ Хаджи Мурата. Скотскую человѣческую плоть, рая уже лишенную, это «мясо», уготованное грязной смерти, онъ всегда ненавидѣлъ. Другое дѣло — плоть звѣриная, «оленья», «сильное женское тѣло». Но и отъ того «оленьяго», что было въ немъ самомъ, содрогался онъ, оленемъ, Хаджи Муратомъ, Ерошкой все же не рожденный, отмѣченный еще въ утробѣ матери страшнымъ знакомъ — всю жизнь ощущать это «грозное, вѣчное, невѣдомое», — содрогался съ молодости и чѣмъ дальше, тѣмъ все

чаще и больше, чтобы въ послѣдніе свои годы уже чуть не непрестанно молить Бога: «Отецъ, избавь меня отъ этой жизни! Отецъ, покори, изгони, уничтожь мою поганую плоть! Помоги, Отецъ!» — то есть: дай мнѣ до конца побѣдить смерть, властную надъ плотью, до конца изжить свою матеріальность — до конца «освободиться», слиться съ Тобой! Паки и паки искушаетъ меня «дьяволъ» (Мара, Смерть) прелестью плотскаго міра и все новыхъ и новыхъ зачатій и рожденій въ немъ, — помоги, Отецъ, въ борьбѣ съ нимъ!

Когда-то онъ настойчиво приставалъ къ профессору Усову:

— Я вотъ все хотѣлъ спросить васъ, Сергѣй Алексѣевичъ, правда-ли, что если укуситъ бѣшеная собака, то человѣкъ навѣрное умретъ черезъ шесть недѣль? Мнѣ ужасно нравится мысль, что умретъ. Укуситъ собака, и знаешь, что черезъ шесть недѣль непременно умрешь и руби всѣмъ правду въ глаза, дѣлай, что хочешь...

Да, приставалъ онъ къ Усову недаромъ, «рубить» онъ любилъ: все въ мірѣ видѣлъ съ той ясностью, зоркостью, съ которой видѣла все вокругъ себя и въ самой себѣ Анна на порогѣ смерти, прозрѣвшая отъ ея близости, разбуженная ею отъ сна жизни, и, какъ Анна, былъ беспощаденъ въ минуты, подобныя тѣмъ, которыя Анна переживала по пути на станцію и на станціи:

«Опять я понимаю все», сказала себѣ Анна, какъ только коляска тронулась... «Да, о чемъ послѣднемъ я такъ хорошо думала», старалась вспомнить она. «Да, про то, что говоритъ Яшвинъ: борьба за суще-

ствованіе и ненависть — одно, что связываетъ людей. Нѣтъ, вы напрасно ѣдете, — мысленно обратилась она къ компаніи въ коляскѣ четверней, которая, очевидно, ѣхала веселиться за городъ. — И собака, которую вы везете съ собой, не поможетъ вамъ. Отъ себя не уйдете.» Кинувъ взглядъ на ту сторону, куда оборачивался Петръ, она увидала полумертво пьянаго фабричнаго съ качающейся головой, котораго везъ куда-то городской... «Мы съ графомъ Вронскимъ такъ же не нашли этого удовольствія, хотя и много ожидали отъ него.» И Анна обратила теперь въ первый разъ тотъ яркій свѣтъ, при которомъ она видѣла все, на свои отношенія съ нимъ...

На станціи, «сидя на звѣздообразномъ диванѣ въ ожиданіи поѣзда, она съ отвращеніемъ глядѣла на входившихъ и выходившихъ... Раздался звонокъ, прошли какіе-то молодые мужчины, уродливые, и наглые, и торопливые, и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательные къ тому впечатлѣнію, которое они производили; прошелъ и Петръ черезъ залу въ своей ливреѣ и штиблетахъ съ тупымъ, животнымъ лицомъ, чтобы проводить ее до вагона. Шумные мужчины затихли, когда она проходила мимо нихъ по платформѣ, и одинъ что-то шепнулъ о ней другому, разумѣется, что-нибудь гадкое. Она поднялась на высокую ступеньку и сѣла одна въ купэ на пружинный, испачканный, когда-то бѣлый диванъ... Петръ съ дурацкой улыбкой приподнялъ у окна въ знакъ прощанія свою шляпу съ галуномъ, наглый кондукторъ захлопнулъ дверь и щеколду. Дама, уродливая, съ турнюромъ (Анна мысленно раздѣла эту женщину и ужаснулась на ея безобра-

зіе) и дѣвочки, ненатурально смѣясь, пробѣжали внизу... Испачканный уродливый мужикъ въ фуражкѣ, изъ подъ которой торчали спутанные волосы, прошелъ мимо окна, нагибаясь къ колесамъ вагона... Кондукторъ отворялъ дверь, впуская мужа съ женой.. Чета съла съ противоположной стороны, внимательно, но скрыто оглядывая ея платье. И мужъ и жена казались отвратительны Аннѣ... Анна ясно видѣла, какъ они надоѣли другъ другу и какъ ненавидятъ другъ друга. И нельзя было не ненавидѣть такихъ жалкихъ уродовъ...

«Да, на чемъ я остановилась? На томъ, что я не могу придумать положенія, въ которомъ жизнь не была бы мученіемъ, что всѣ мы созданы за тѣмъ, чтобы мучиться, и что мы всѣ знаемъ это, и всѣ придумываемъ средства, какъ бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же дѣлать? Надо избавиться. Отчего же не потушить свѣчу, когда смотрѣть больше не на что, когда гадко смотрѣть на все это? Зачѣмъ они кричатъ, эти молодые люди въ томъ вагонѣ? зачѣмъ они говорятъ? зачѣмъ они смѣются? Все не правда, все ложь, все обманъ, все зло!» — Когда поѣздъ подошелъ къ станціи, Анна вышла въ толпѣ другихъ пассажировъ, какъ отъ прокаженныхъ, сторонясь отъ нихъ...

Потомъ «свѣча, при которой она читала исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, вспыхнула болѣе яркимъ, чѣмъ когда-нибудь, свѣтомъ, освѣтила ей все то, что прежде было во мракѣ, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла».

ХІІІ

Софья Андреевна утверждала:

— Ловочку никто не знаетъ, знаю только я — онъ больной и ненормальный человекъ.

Онъ умеръ на восемьдесятъ третьемъ году жизни. Значитъ, долженъ быть причисленъ къ высшему въ смыслѣ тѣлесной «крѣпости» сорту людей («лѣтъ нашихъ всего до семидесяти лѣтъ, а при большей крѣпости до восьмидесяти», по слову Библии). Кремъ того, смерть его была случайностью: не проживи онъ жизнь въ такомъ страшномъ и тѣлесномъ и духовномъ напряженіи, въ такой «ненормальной» восприимчивости, въ такомъ непрестанномъ трудѣ и не уйди изъ дому, онъ прожилъ бы, вѣроятно, лѣтъ сто. А сто лѣтъ есть знакъ уже рѣдкой породы людей. И вотъ о немъ утвердилось мнѣніе какъ о человекѣ могучаго здоровья. Но справедливо говорилъ онъ про себя: «Я всегда былъ слабаго здоровья, только крѣпкаго сложенья». Съ ранней молодости онъ былъ подверженъ многимъ болѣзнямъ, еще юношей писалъ: «здоровье мое нехорошо, расположеніе духа самое черное, чрезвычайно слабъ и при малѣйшей усталости чувствую лихорадочные припадки»; впоследствии у него бывали глубокіе обмороки и при-

томъ съ такими судорогами, что еще неизвѣстно, не правъ-ли одинъ московскій профессоръ, говоря о какой-то формѣ эпилепсіи, будто бы таившейся въ немъ. Главнѣй же всего то, что у него были зачатки туберкулеза (дающаго, какъ извѣстно, тѣмъ, кто имъ пораженъ, даже и духовный складъ совсѣмъ особый).

Родные его тоже не отличались «нормальностью».

Мать его умерла тридцати девяти лѣтъ, отецъ сорока двухъ. Объ отцѣ извѣстно только то, что и онъ былъ очень «чувствителенъ», что у него былъ тикъ (подергиваніе головы). Что до матери, то всѣ знаютъ по «Войнѣ и миру» экзальтированность княжны Марьи (иначе говоря, Маріи Николаевны Волконской), ея религіозность, страсть къ общенію со всякими «Божьими людьми», странниками и страницами, юродивыми и блаженными. Его родная тетка (по отцу) была религіозна особенно. «Любимымъ ея занятіемъ были чтенія житій святыхъ, бесѣды съ странниками, юродивыми, монахами, монашенками, изъ которыхъ нѣкоторые всегда жили въ нашемъ домѣ, а нѣкоторые посѣщали тетку... Она не только соблюдала посты, много молилась, общалась съ людьми святой жизни, но сама жила истинно христіанской жизнью, стараясь избѣгать не только всякой роскоши и услуги, но стараясь, сколько возможно, служить другимъ. Денегъ у нея никогда не было, потому что она раздавала просящимъ все, что у нея было. Въ пищу, въ одеждѣ, она была такъ проста и нетребовательна, какъ только можно себѣ представить. Какъ мнѣ ни непріятно это сказать, я съ дѣтства помню кислый запахъ тетуш-

ки, вѣроятно, происходившій отъ ея неряшества. И это была та граціозная, съ прекрасными голубыми глазами, поэтическая Aline, любившая читать и списывать французскіе стихи, игравшая на арфѣ и всегда имѣвшая большой успѣхъ на самыхъ большихъ балахъ!» Умерла она въ монастырѣ, въ Оптиной Пустынѣ. Тамъ же кончила жизнь и родная его сестра, Марья Николаевна. А его братья Дмитрій и Николай умерли еще молодыми отъ туберкулеза. Дмитрій былъ боленъ и душевно: бѣшеная раздражительность сочеталась у него съ крайней добротой, крайнее самолюбіе, огромная гордость съ болѣзненнымъ смиреніемъ, самоуничиженіемъ, аскетическія склонности съ порывами чувственности, пьянства, разгула. Цитирую (съ пропусками) «Первыя воспоминанія»:

«Митенька былъ годомъ старше меня. Большеіе черные, строгіе глаза... Въ дѣтствѣ былъ очень капризенъ... сердился и плакалъ за то, что няня не смотритъ на него; потомъ злился и кричалъ, что няня смотритъ на него... маменька очень мучилась съ нимъ... Въ Казани я, подражавшій всегда брату Сережѣ, началъ развращаться... старался быть свѣтскимъ, *comme il faut*. Ничего этого не было и слѣда въ Митенькѣ... Онъ всегда былъ серьезенъ, вдумчивъ, чистъ; рѣшителенъ, вспыльчивъ и то, что дѣлалъ, доводилъ до предѣловъ своихъ силъ... Митенькѣ данъ былъ (въ козачки) Ванюша. Митенька часто дурно обращался съ нимъ, кажется, даже билъ его... помню его покаянія за что-то передъ Ванюшей и униженныя просьбы о прощеніи... Росъ онъ, мало общаясь съ людьми, всегда, кромѣ какъ въ минуты гнѣва,

тихий, серьезный, съ задумчивыми, строгими большими карими глазами. Онъ былъ великъ ростомъ, худъ довольно, съ длинными и большими руками и съ сутуловатой спиной... Съ перваго же года университетской жизни онъ предался религіозности, какъ онъ все дѣлалъ, до конца. Онъ сталъ ѣсть постное, ходить на всѣ церковныя службы... Онъ не танцовалъ, не ѣздилъ въ свѣтъ, носилъ одинъ студенческій сюртукъ съ узкимъ галстукомъ, и смолоду уже у него появился тикъ: онъ подергивалъ головой, какъ-бы освобождаясь отъ узости галстука... Изъ всѣхъ товарищей онъ выбралъ жалкаго, оборваннаго студента, дружилъ только съ нимъ... Къ нашему семейству была какъ-то пристроена, взята изъ жалости самое странное и жалкое существо, нѣкто Любовь Сергѣевна, дѣвушка... Она была не только жалка, но и отвратительна... Лицо ея было все распухшее... Глаза виднѣлись въ узенькихъ щелкахъ между двумя запухшими, глянцевитыми, безъ бровей подушками. Также распухшіе, глянцевитые, желтые были щеки, носъ, губы, ротъ. И говорила она съ трудомъ, такъ какъ и во рту была опухоль. Лѣтомъ на ея лицо садились мухи, и она не чувствовала ихъ... Волосы у нея были еще черные, но рѣдкіе, не скрывавшіе голый черепъ... Отъ нея всегда дурно пахло... Вотъ эта-то Любовь Сергѣевна сдѣлалась другомъ Митеньки... Послѣ выхода изъ университета онъ жилъ той же строгою, воздержанной жизнью, не зная ни вина, ни табаку, ни женщинъ до 26 лѣтъ... Онъ сходилъ съ монахами и странниками... Потомъ съ Митенькой случился необыкновенный переворотъ. Онъ вдругъ сталъ пить, курить, мотать деньги и ѣздить къ жен-

щинамъ... Ту женщину, проститутку Машу, которую онъ первую узналъ, онъ выкупилъ и взялъ къ себѣ... Думаю, что не столько дурная нездоровая жизнь, сколько внутренняя борьба укоровъ совѣсти сгубили сразу его могучій организмъ. Онъ заболѣлъ чахоткой... Онъ былъ ужасенъ: огромная кисть его руки была прикрѣплена къ двумъ костямъ локтевой части, лицо было — одни глаза, тѣ же прекрасные, серьезные, теперь выпытывающіе... Онъ не хотѣлъ умирать, не хотѣлъ вѣрить, что онъ умираетъ. Рябая, выкупленная имъ Маца, повязанная платочкомъ, была при немъ... По его желанію принесли чудотворную икону. Помню выраженіе его лица, когда онъ молился на нее...»

Родъ Толстыхъ существуетъ въ Россіи лѣтъ шестьсотъ. Родъ этотъ происходитъ отъ какого-то «мужа честна Индриса», выѣхавшаго въ Россію «изъ Цесарскія земли, изъ нѣмецъ» (каковымъ словомъ русскіе въ старину называли всѣхъ иностранцевъ) и лѣтъ черезъ триста послѣ того становится извѣстенъ въ русской исторіи, занимаетъ уже высокое служилое положеніе при русскихъ царяхъ, получаетъ графское достоинство и все болѣе вступаетъ въ родственныя связи съ знатными фамиліями: прадѣдъ Толстого женится на княжнѣ Щетиной, дѣдъ (Илья Андреевичъ) на княжнѣ Горчаковой, отецъ (Николай Ильичъ) на княжнѣ Волконской, происходящей отъ самихъ Рюриковичей, потомковъ первой царской династіи Россіи: Трубецкая по матери, она происходила по отцу отъ тѣхъ Волконскихъ, родоначальникомъ которыхъ былъ прямой Рюриковичъ, святой Михаилъ, владѣтельный князь Черниговскій. Извѣ-

стно, какъ сильны бываютъ представители такихъ старыхъ родовъ, духовной и тѣлесной аристократіи. Эта аристократія, этотъ отборный, крупный (и не только тѣлесно) сортъ людей есть и въ народѣ, въ простомъ народѣ любой національности. Среди русскихъ мужиковъ было и есть немало такихъ «породистыхъ», рѣзко выдѣляющихся изъ толпы и наружно и внутренно, и не мало есть среди такихъ мужиковъ какъ разъ очень долголѣтнихъ, по большей части типа атавистическаго, пещернаго, гориллоподобнаго, страстнаго, животолюбиваго и отличающагося богатой и сильной образной рѣчью. Того же типа и большинство наиболѣе знатныхъ русскихъ господъ: крупныя, простонародныя черты лица, крупныя руки и ноги, зачастую сильно развитыя бровныя дуги, высокій ростъ, широкая кость — и эта богатая рѣчь, образная, чувственно-изобразительная. Типъ этотъ, — къ которому какъ разъ и принадлежалъ Толстой, — очень «крѣпокъ» въ своей тѣлесной основѣ. Но всегда ли онъ «нормалень»?

Лейбницъ называлъ «вѣчную часть нашей нравственной природы» монадой, Гете — энтелехіей и говорилъ, что геніи переживаютъ двѣ молодости, межъ тѣмъ какъ прочіе бываютъ только разъ молоды. «Если энтелехія принадлежитъ къ низшему разбору, то она во время своего тѣлеснаго затменія (въ земной жизни) подчиняется господству тѣла и, когда тѣло начинаетъ старѣть, не въ силахъ препятствовать его старости. Если же энтелехія могущественна, то она, въ то время, когда проникаетъ тѣло, не только укрѣпляетъ и облагораживаетъ его, но и придаетъ

ему ту вѣчную юность, которой обладаетъ сама. Вотъ почему у людей особенно одаренныхъ мы наблюдаемъ эпохи особой продуктивности: у нихъ вновь наступаетъ пора молодѣнія, вторая молодость...» Какъ могущественна была энтелехія Толстого!

Лѣтомъ 1901 г. отецъ опасно заболѣлъ, говоритъ Александра Львовна въ своихъ воспоминаніяхъ, у него начинались лихорадка и грудная жаба. Его увезли въ Крымъ. Но тамъ онъ опять заболѣлъ и очень тяжело, сперва плевритомъ и ползучимъ воспаленіемъ легкихъ, потомъ брюшнымъ тифомъ, провелъ въ постели четыре мѣсяца. И «то, что старикъ на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, съ ослабленнымъ грудной жабой и лихорадкой сердцемъ, могъ выдержать это воспаление и сейчасъ же, почти безъ перерыва, брюшной тифъ, было величайшимъ чудомъ». Такимъ же чудомъ было и дальнѣйшее: послѣ этихъ болѣзней онъ прожилъ еще девять лѣтъ и не какъ-нибудь, а въ непрерывной работѣ и временами въ такой большой тѣлесной силѣ, что никто изъ молодыхъ не могъ съ нимъ сравняться въ неутомимости и живости (и въ той радости душевной, что все больше и больше просвѣтляла его). Такъ временами жилъ онъ даже въ самый годъ своей смерти. Не разъ въ этотъ годъ записывали его близкіе: «Папаша очень занятъ, здоровъ и бодръ... Левъ Николаевичъ очень бодръ, молодъ и поразительно дѣятеленъ, мы всѣ едва поспѣваемъ за нимъ...» Эти двѣ записи относятся къ началу весны 1910 г. — и не случайна была эта его предвесенняя «молодость»: онъ всегда жилъ съ необыкновенно вѣрнымъ чувствомъ прибывающихъ или

убывающихъ силъ природы, самъ говорилъ: «Конецъ зимы и начало весны всегда самое мое рабочее время».

— И возвратится персть въ землю, яко же бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его...

Кто чувствовалъ и любилъ эту землю какъ онъ? Вотъ онъ говоритъ о Гомерѣ, котораго онъ, выучивъ — въ два мѣсяца! — греческій языкъ, сталъ читать въ подлинникѣ: какой земной восторгъ, какая земная мощь!

— Это вода изъ ключа, ломающая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже съ соринками, отъ которыхъ она кажется еще чище и слаже.

Вотъ онъ записываетъ почти въ ту же пору (въ июнѣ 1878 г.):

— Жаркій полдень, тихо, запахъ сладкій и душистый — звѣробой, кашка — стоитъ и дурманить. Къ лѣсу въ лощинѣ еще выше трава и тотъ же дурманъ; на лѣсныхъ дорожкахъ запахъ теплицы... Пчела на срубленномъ лѣсѣ обираетъ поочереды съ куртины желтыхъ цвѣтовъ... Жаръ на дорогѣ, пыль горячая и деготь...

Запись совершенно необыкновенная по всяческой крѣпости, по упоенію прелестью силъ земныхъ — и тѣмъ болѣе необыкновенная, что эти годы были для него самымъ роковымъ временемъ всей его жизни: еще тѣмъ неизжитымъ до конца ужасомъ передъ «перстью», обреченной возвратиться въ землю, который онъ вскорѣ послѣ того высказалъ въ «Исповѣди». Всего же необыкновеннѣе то, что за нѣскольکو лѣтъ передъ этимъ уже съ полной очевидностью обнаружилось, что онъ «сумасшедшій».

XIV

Аксаковъ говорилъ о Гоголѣ:

— Нервы его, можетъ быть, во сто разъ тоньше нашихъ: слышать то, чего мы не слышимъ, содрогаются отъ причинъ, намъ неизвѣстныхъ... Вѣроятно, весь организмъ его устроенъ какъ-нибудь иначе, чѣмъ у насъ...

Организмъ Толстого былъ устроенъ тоже «иначе».

— Толстой! — насмѣшливо сказалъ когда-то одинъ извѣстный русскій писатель. — Какъ это у Жюль Верна? «Восемьдесятъ тысячъ километровъ подъ водой»? Такъ вотъ про Толстого можно сказать нѣчто подобное: восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя.

Эту фразу повторяли потомъ безъ конца. И ни самъ писатель ни повторявшіе ее даже и не подозревали, надъ какой глубочайшей особенностью Толстого насмѣхаются они. «Кто ты — что ты?» Недаромъ такъ восхищался онъ этимъ, — тѣмъ, что именно этотъ вопросъ, а не что-либо другое слышала его старая нянька въ мѣрномъ стукѣ часовъ, отмѣривавшихъ утекающее время ея бѣдной земной жизни. Вѣдь можно было слышать обычное: «Тикъ-такъ, тикъ-такъ...» Но вотъ она слышала свое, другое: «Кто

ты — что ты?» Самъ онъ слышалъ въ себѣ этотъ вопросъ всю жизнь — съ дѣтства и до самой послѣдней минуты своей.

— Склонности къ умствованію, писалъ онъ еще въ «Отрочествѣ», суждено надѣлать мнѣ много вреда въ жизни... Я любилъ эту минуту, когда, возносясь все выше и выше въ область мысли, вдругъ постигаешь всю необъятность ея...

Въ этомъ «умствованіи» была еще одна замѣчательная черта: все стараться взглянуть на себя со стороны.

— Въ продолженіи года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представлялись мнѣ...

— Почему симметрія пріятна для глазъ? Это врожденное чувство, отвѣчалъ я самъ себѣ. На чемъ же оно основано? Развѣ во всемъ въ жизни симметрія? Напротивъ, вотъ жизнь — и я нарисовалъ на доскѣ овальную фигуру. Послѣ жизни душа переходитъ въ вѣчность; вотъ вѣчность — и я провелъ съ одной стороны овальной фигуры черту до самага края доски. Отчего же съ другой стороны нѣтъ такой-же черты? Да и въ самомъ дѣлѣ, какая же можетъ быть вѣчность съ одной стороны! Мы, вѣрно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о томъ воспоминаніе... Ни въ одномъ изъ всѣхъ философскихъ направленій я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ,

что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я обращаю на нихъ вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ...

— Часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей... Спрашивая себя: о чемъ я думаю? я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь я о чемъ думаю? Я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю, и такъ далѣе. Умъ за разумъ заходилъ...

— Ты не думай! — сказала я ему.

(Александра Львовна — ему, умирающему).

— Ахъ, какъ не думать! Надо, надо думать! — отвѣчалъ онъ.

Въ немъ все было «иначе» и все такъ удивительно, что, казалось бы, уже ничему нельзя больше удивляться. И вотъ все таки удивляешься — опять, опять говоришь себѣ: въ какомъ великомъ «дѣланіи» провелъ всю свою жизнь этотъ человекъ, проповѣдывавшій «недѣланіе», сколько «далъ потомства Господу», какъ неутомимъ былъ онъ (всякое «имѣніе» въ послѣдствіи отвергнувшій) въ приобрѣтеніи «имѣнія»!... А его неутолимая потребность «высказываться», исповѣдываться? Цѣлые томы дневниковъ, исповѣдей! Вести дневники онъ началъ еще юношей, продолжалъ чуть не каждый день почти всю жизнь и — что самое удивительное — не бросалъ не только до самаго смертнаго одра, но даже и на немъ, на этомъ смертномъ одрѣ, пользуясь каждой минутой освобожденія отъ бреда и даже въ бреду.

«Надо, надо думать!» Нѣчто подобное не разъ говорилъ онъ и раньше:

— Все хочется понять, чего нельзя понять, точно мнѣ пятнадцать лѣтъ.

«Ненормально» было количество его ежедневныхъ записей о своихъ мысляхъ, о чувствахъ и поступкахъ, «ненормально» было и качество ихъ (въ смыслѣ правдивости, откровенности). Мережковскій справедливо сказалъ:

— Въ литературѣ всѣхъ народовъ и вѣковъ едва-ли найдется другой писатель, который обнажилъ-бы свою жизнь съ такой откровенностью, какъ Толстой.

Такъ говорила и Софья Андреевна:

— Онъ въ дневникахъ такія вещи о себѣ писалъ, что я не понимаю, какъ можно о себѣ такъ писать!

Самообнаженіе атавистическое? Самообнаженіе, самобичеваніе святыхъ?

«Ненормально» было и это: всю жизнь, съ дѣтства до самаго смертнаго одра «исправляться, совершенствоваться». Недаромъ мать Дмитрія Нехлюдова сказала Коленькѣ Иртеньеву:

— *C'est vous qui êtes un petit monstre de perfection.*

Софья Андреевна и писала и говорила:

— Такія умственные силы пропадаютъ въ пиленъ дровъ, въ ставленіи самоваровъ и въ шитьѣ сапогъ!

— Если счастливый человѣкъ вдругъ увидитъ въ жизни, какъ Левочка, только все ужасное, а на хорошее закрылъ глаза, то это отъ нездоровья.

И прибавляла, обращаясь къ нему самому:
— Тебѣ полѣчиться надо.

Да, «это отъ нездоровья». Богъ далъ безпримѣрный талантъ, необыкновенныя умственныя силы, и человекъ самъ это прекрасно знаетъ. Казалось бы, что еще нужно? Главный трудъ всей жизни, главная ея цѣль — использовать на великую радость ближняго своего только это — талантъ и умъ. Но вотъ этотъ человекъ тратитъ себя на самовары, на рубку дровъ, на кладку печей, на цѣлые годы прерываетъ иногда свой художественный трудъ для педагогики... на порогѣ старости вдругъ садится за изученіе древне-греческаго, потомъ древне-еврейскаго языка, изучаетъ и тотъ и другой съ быстротой непостижимой, но и съ такимъ напряженіемъ всего себя, что обнаруживается полная необходимость ѣхать въ Башкирію, пить кумысъ — спасти себя отъ смертельнаго переутомленія, отъ зловѣщихъ проявленій своей врожденной чахотки, отъ чахоточнаго кашля и пота; потомъ составляетъ «Азбуку», учебникъ арифметики, книжки для школьнаго и внѣшкольнаго чтенія; изучаетъ драму, — Шекспира, Гете, Мольера, Софокла, Эврипида, — изучаетъ астрономію; потомъ опять: «Я только и думаю, что о воспитаніи, обученіи, я опять весь въ педагогикѣ, какъ 14 лѣтъ назадъ.» Софья Андреевна была вполнѣ права, если судить все это съ точки зрѣнія простаго житейскаго разсудка: «Эти азбуки, арифметики, грамматики — я ихъ презираю. Его дѣло — писаніе романовъ.» Но вотъ онъ всю жизнь учится — и учитъ: простая-ли эта страсть? Не страсть-ли (или долгъ) библейскихъ пророковъ, Будды, брамановъ? «Высшая каста, каста Брамановъ,

учителей народа, требовала отъ челоѣка равнодушія къ земнымъ благамъ и побѣды высшей природы надъ низшей. Предполагалось, что челоѣкъ, воплотившійся въ кастѣ Брамановъ, прошелъ уже черезъ всѣ низшія ступени и пріобрѣлъ нравственную силу и мудрость, благодаря послушанію, совершенному исполненію своего долга и усиленіямъ въ борьбѣ за правое дѣло, — прошелъ все это въ прежнихъ воплощеніяхъ, и это давало ему право и обязывало учить. Идеаломъ же и цѣлью Брамановъ являлась мудрость, внутренняя свобода, всепрощеніе, любовь ко всему живому, чистота и единеніе съ Первоисточникомъ жизни.»

«Міровая совѣсть», говорятъ про него. Совѣсть у него была тоже «ненормальная», гипертрофированная. Вотъ онъ видитъ въ зимній морозный день нищую деревенскую бабу: Боже, какой приступъ сердечной боли, стыда, омерзѣнія къ себѣ! Баба холодная, голодная, «а я въ тепломъ полушубкѣ, я сейчасъ приду домой и буду жрать яйца!» Ночью, на московской улицѣ, городовые ведутъ пятнадцатилѣтнюю проститутку въ участокъ — опять ужасъ, мука: «Ее увели въ полицію, а я пошелъ въ чистую покойную комнату спать и читать книжки и заѣдать воду смоквой! Что же это такое?» Да, что-же это такое? Но милліоны обыкновенныхъ людей говорятъ «нормально»: «Все такъ, но можно-ли всѣ погосты оплакать! Это уже сумасшествіе.» И онъ самъ подтверждаетъ это: «Я-то знаю, что я сумасшедшій»!

Въ голодное лѣто 1865 г. онъ пишетъ съ той силой, которая только ему одному была присуща: «У насъ за столомъ редиска розовая, желтое масло, под-

румяненный мягкій хлѣбъ на чистой скатерти, въ саду зелень, наши молодыя дамы въ кисейныхъ платьяхъ, рады, что жарко и тѣнь, а тамъ голодъ покрываетъ поля лебедой, разводитъ трещины по высохшей землѣ и обдираетъ мозольныя пятки у мужиковъ и бабъ и трескаетъ копыты у скотины...» Да, это ужасъ. Но вѣдь живутъ-же люди среди ужасовъ. Почему же не можетъ онъ? Почему всѣ погосты оплакиваетъ? «Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя». Нѣтъ, и вокругъ всего на свѣтѣ. Можно-ли имѣть такую совѣсть, такое «чувствительное сердце», которое онъ имѣлъ и въ ранней молодости и въ годы мужества, высшей тѣлесной и душевной крѣпости и уже огромнаго жизненнаго опыта. Совершенно «ненормальныя» противорѣчія! И въ молодости, и въ зрѣлости, и въ старости сколько, повторяю, было въ немъ всякихъ земныхъ и даже звѣриныхъ силъ и какая тяга къ нимъ, какое чувство и восхищеніе ими! Вѣдь это онъ написалъ въ молодости, какъ собственную душу и кровь, Ерошку, Лукашку, людей достаточно «несовѣстливыхъ», онъ видѣлъ тысячи страданій и смертей и на Кавказѣ и въ Севастополѣ, а въ зрѣлости прошелъ не только въ дѣйствительности, но и за письменнымъ столомъ, за многолѣтнимъ трудомъ надъ «Войной и Миромъ», такое познаніе человѣческой жизни и всѣхъ жестокихъ непреложныхъ законовъ ея, что ужъ, кажется, могъ-бы не плакать надъ нищей бабой и не проклипать себя за съѣденное яйцо. Но вотъ — плачетъ.

«Онъ былъ весь воплощенное угрызеніе соціальной совѣсти», говорилъ Мережковскій въ столѣтнюю годовщину его рожденія. «Соціальной»! Гораздо пра-

вильнѣ говорилъ Алдановъ: «Онъ всю жизнь уклонялся отъ общественной повинности (хотя и не могъ иногда уклоняться)... Про него можно скорѣе сказать, что онъ былъ *противообщественный дѣятель*...» Въ старости онъ уже всѣми силами души отрекался отъ всякой дѣятельности, отъ всякаго «дѣланія». Иначе и быть не могло: вѣдь, какъ сказалъ Плотинъ, «дѣятель всегда ограниченъ, сущность дѣятельности — самоограниченіе: кому не подъ силу думать, тотъ дѣйствуетъ.» Ну, а кому подъ силу, тотъ «рвется изъ бытія къ небытію», начинаетъ спрашивать: «а можетъ быть жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь?» — относительно чего философъ Шестовъ замѣчаетъ: «Смѣшивать жизнь со смертью и смерть съ жизнью можетъ, съ обычной точки зрѣнія, лишь безуміе», иначе говоря, не нормальность. Страданія толстовской совѣсти были такъ велики по многимъ причинамъ, — и потому, что, какъ онъ самъ говорилъ, было у него воображенія «нѣсколько больше, чѣмъ у другихъ», и потому, что былъ онъ родовитъ: это вообще надо помнить, говоря о его жизни; роды, наиболее близкіе ему, были по своему характеру, какъ физическому, такъ и духовному, выражены рѣзко; были они, кромѣ того, очень отличны другъ отъ друга, противоположны другъ другу; графы Толстые, князья Горчаковы, князья Трубецкіе, князья Волконскіе — тутъ, какъ во всѣхъ старинныхъ родахъ, да еще принимавшихъ не малое участіе въ исторической жизни своей страны, все имѣетъ черты крупныя, четкія, своеобразныя; отсюда всѣ противоположности, всѣ силы и всѣ особенности и въ его собственномъ характерѣ; но, главное, отсюда одинъ изъ

тѣхъ безчисленныхъ грѣховъ, которые онъ почти весь свой вѣкъ чувствовалъ на себѣ и въ огромномъ наличіи которыхъ онъ увѣрилъ весь міръ: грѣхъ его принадлежности къ «князьямъ міра сего»; въ этомъ грѣхѣ онъ былъ неповиненъ, но все равно: «отцы наши ѣли виноградъ, а у насъ оскомина.» И все же чрезмѣрность страданій его совѣсти зависѣла больше всего отъ его одержимости чувствомъ «Единства Жизни», говоря опять таки словами индійской мудрости. Будда не могъ не знать, что существуютъ въ мірѣ болѣзни, страданія, старость и смерть. Почему-же такъ потрясенъ онъ былъ видомъ ихъ во время своихъ знаменитыхъ выѣздовъ въ городъ? Потому, что увидалъ ихъ глазами человека какъ бы первозданнаго и мѣстѣ съ тѣмъ уже такого, безчисленные прежнія существованія котораго вдругъ сомкнулись въ кругъ, соединились своимъ послѣднимъ звеномъ съ первымъ. Отсюда и было у него сугубое чувство «Единства Жизни», а значитъ и сугубая совѣсть, которая всегда считалась въ индійской мудрости выраженіемъ высшаго развитія человѣческаго сознанія. Однажды, когда Толстой сидѣлъ и читалъ, костяной разрѣзной ножъ скользнулъ съ его колѣнъ «совсѣмъ какъ что-то живое», и онъ «весь вздрогнулъ отъ ощущенія настоящей жизни этого ножа.» Что-жъ дивиться послѣ этого его слезамъ, его стыду, его ужасу передъ нищей бабой!

XV

Какъ философъ, какъ моралистъ, какъ вѣроучитель, онъ для большинства все еще остается прежде всего бунтаремъ, анархистомъ, невѣромъ. Для этого большинства философія его туманна и невразумительна, моральная проповѣдь или возбуждаетъ улыбку («прекрасныя, но нежизненные бредни») или возмущеніе («бунтарь, для котораго нѣтъ ничего святого»), а вѣроученіе, столь же невразумительное, какъ и философія, есть смѣсь кощунства и атеизма. Такъ все еще продолжается, хотя и въ нѣсколькой формѣ, то отношеніе къ нему, которое было когда-то въ Россіи. Только одна «лѣвая» часть этого большинства прославляетъ его — какъ защитника народа и обличителя богатыхъ и властвующихъ, какъ просвѣщеннаго гуманиста, революціонера: отсюда и утверждается за нимъ титулъ «міровой совѣсти», «апостола правды и любви»...

Крайній примѣръ наиболее тупого толкованія его ученія и даже смысла всѣхъ его писаній дали русскіе марксисты. Еще много лѣтъ тому назадъ, еще до воцаренія коммунистовъ въ Россіи, читалъ въ Парижѣ извѣстный марксистъ Дейчъ лекцію «О Толстомъ съ точки зрѣнія научнаго социализма». Лекція сопро-

вождалась выступленіями другихъ ораторовъ, въ томъ числѣ одного изъ самыхъ извѣстныхъ не только въ Россіи, но и во всей соціалистической Европѣ марксиста Плеханова. Онъ вполне серьезно слушалъ Дейча, не во всемъ согласился съ нимъ, однако въ концѣ концовъ привѣтствовалъ его: «Все таки, сказалъ онъ, это первая попытка подобрать ключъ къ творчеству Толстого». Алдановъ, свѣдѣніями котораго я тутъ пользуюсь, замѣчаетъ, говоря объ этомъ ключѣ въ своей статьѣ, напечатанной въ столѣтнюю годовщину рожденія Толстого, что съ такимъ же правомъ можно было бы подыскать ключъ къ творчеству Бетховена въ связи съ теоріей о происхожденіи видовъ Дарвина. Позволительно было надѣяться, говоритъ онъ, что «первая попытка» подобрать такой ключъ къ Толстому останется послѣдней; но надежда эта не оправдалась: въ коммунистической Россіи вышло уже свыше 80 работъ о Толстомъ — всѣ «съ точки зрѣнія научнаго соціализма». Точка эта очень проста: «Толстой поражаетъ своимъ соціальнымъ убожествомъ, идеологической ложью, но цѣненъ тѣмъ, что въ дни мрачной царской реакціи возвысилъ свой голосъ противъ паразитствующихъ и насильничающихъ», — о томъ, что Толстой возвысилъ-бы свой голосъ и въ дни коммунистической «реакціи» противъ всѣхъ ея насилій, не говорится, конечно; «Толстой дѣлалъ подрывъ буржуазіи и дворянско-помѣщичьему самодержавію... Читать о Толстомъ нужно теперь у Ленина, у Луначарскаго...» Что жъ можно прочесть у Ленина?

Въ его статьѣ, написанной по поводу восьми-

десятилѣтія Толстого, я прочелъ слѣдующее: «Противорѣчія въ произведеніяхъ, взглядахъ, ученіяхъ въ школѣ Толстого — кричащія. Съ одной стороны — геніальный художникъ, давшій не только несравненную картину русской жизни, но и первоклассныя произведенія міровой литературы. Съ другой стороны — помѣщикъ, юродствующій во Христѣ. Съ одной стороны — замѣчательно сильный, непосредственный и искренній протестъ противъ общественной лжи и фальши, а съ другой стороны — «толстовецъ», то есть истасканный, истеричный хлюпикъ, называемый русскимъ интеллигентомъ, который, публично бія себя въ грудь, говоритъ: «я скверный, я гадкій, но я занимаюсь нравственнымъ усовершенствованіемъ, я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». Съ одной стороны — безпощадная критика капиталистической эксплуатаціи, разоблаченіе правительственныхъ насилій, комедіи суда и государственнаго управленія, вскрытіе всей глубины противорѣчій между ростомъ богатства и завоеваніями цивилизаціи и ростомъ нищеты, одичалости и мученій рабочихъ массъ; съ другой стороны — юродивая проповѣдь «непротивленію злу насиліемъ». Съ одной стороны — самый трезвый реализмъ, срываніе всѣхъ и всяческихъ масокъ; съ другой стороны — проповѣдь одной изъ самыхъ гнусныхъ вещей, какія только есть на свѣтѣ, именно — религіи, стремленіе поставить на мѣсто поповъ на казенной должности поповъ по нравственному убѣжденію, то есть культивированіе самой утонченной и поэтому особенно омерзительной поповщины». Тутъ вспоминается и Горь-

кій. Горькій, тоже имѣвшій удивительную способность дѣлать рѣшительно все, о чемъ-бы онъ ни заговорилъ, — пошлымъ и плоскимъ, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Толстомъ (безмѣрно лживыхъ чуть не на каждомъ шагу), будто Толстой сдѣлалъ ему однажды такое заявленіе: «Наука есть золотой слитокъ въ рукахъ шарлатана-химика; вы хотите ее упростить, сдѣлать ее доступной для всѣхъ: оказывается, что вы начеканили кучу фальшивой монеты, и народъ не поблагодаритъ васъ, когда узнаетъ дѣйствительную цѣну этой монеты». Тутъ нѣтъ, конечно, ни единого толстовскаго слова, — все выдуманно и все совершенно противоположно духу и рѣчи Толстого. Но не въ томъ дѣло. Говоря по существу, такъ ли ужъ отличается Горькій отъ всякихъ прочихъ толкователей Толстого? Прочіе говорятъ въ томъ-же родѣ. Этотъ моралистъ и соціальный реформаторъ былъ опаснѣйшій революціонеръ, выразитель наиболѣе бунтарскихъ свойствъ русской души, — такъ, возмущаясь, говорятъ толкователи «правые». «Лѣвые» же восхищаются: «Не было, кажется, ни одно рокового вопроса въ сферѣ экономической, государственной, международной, котораго не коснулся бы онъ». Упираютъ на это и его біографы: одинъ (Бирюковъ) ставитъ во главу угла всѣхъ толстовскихъ терзаній такое положеніе: «Надъ народомъ находится такъ называемый высшій, правящій классъ, — преступный, по мнѣнію Толстого». Другой (Полнеръ) — «несправедливость существующихъ земельныхъ отношеній: въ этомъ великомъ грѣхѣ старецъ Тол-

стой видѣлъ главную причину всѣхъ соціальныхъ невзгодъ».

«Политика, говорилъ Гете, никогда не можетъ быть дѣломъ поэзіи».

Могъ-ли быть политикомъ великій поэтъ Толстой, душа, съ дѣтства жившая стремленіями къ «важнѣйшему» («ничего нѣтъ въ жизни вѣрнаго, кромѣ ничтожества всего понятнаго мнѣ, и величія чего-то непонятнаго и важнѣйшаго»), чувствомъ тщеты и бренности всѣхъ земныхъ дѣлъ и величій? — «Онъ обличалъ все и вся». Но и Христосъ обличалъ. Только Онъ же и говорилъ: «Царство Мое не отъ міра сего». И Будда обличалъ: «Горе вамъ, князья властвующіе, богатые, присыщенные!»

— Такія умственные силы пропадаютъ въ колонѣ дровъ, въ ставленіи самоваровъ и шитьѣ сапогъ!

— Если счастливый человѣкъ вдругъ увидитъ въ жизни, какъ Левочка, только все ужасное, а на хорошее закрылъ глаза, то это отъ нездоровья.

— Тебѣ полечиться надо.

Не пропадать этимъ умственнымъ силамъ въ шитьѣ сапогъ никакъ нельзя было. Но развѣ въ силу того, что нужны «общественныя» улучшенія жизни, устраненія «классовыхъ неравенствъ?»

Онъ, «счастливый», увидѣлъ въ жизни только одно ужасное. Въ какой жизни? Въ русской, въ обще-европейской, въ своей собственной домашней? Но всѣ эти жизни только капли въ морѣ. И эти жизни ужасны, и въ нихъ не выносимо существовать, но ужаснѣе всего главное: невыносима всякая человѣче-

ская жизнь — «пока не найденъ смыслъ ея, спасеніе отъ смерти». И даже больше: никуда не уйдешь отъ ея тяжести, покуда не уйдешь не изъ Ясной Поляны только, не изъ Россіи, не изъ Европы, а вообще изъ жизни земной, человѣческой.

«Это отъ нездоровья, тебѣ полечиться надо». Но что же говорить о «здоровьѣ» и о лѣченіи Будды, Толстого!

«Міровая совѣсть, совѣсть цивилизованнаго міра». Но были только совпаденія въ томъ, что говорилъ міръ и что онъ.

Онъ говорилъ:

— Мы (христіане) часто обманываемся тѣмъ, что, встрѣчаясь съ революціонерами, думаемъ, что мы стоимъ близко рядомъ. Кажется, все одно и то же. Но не только есть большая разница, но нѣтъ болѣе далекихъ отъ насъ людей, чѣмъ революціонеры.

Онъ спрашивалъ:

— Машины, чтобы дѣлать что? Телеграфы, чтобы передавать что? Школы, университеты, академіи, чтобы обучать чему? Собранія, чтобы обсуждать что? Книжки, газеты, чтобы распространять свѣдѣнія о чемъ? Желѣзныя дороги, чтобы ѣздить кому и куда? Собранные вмѣстѣ и подчиненные одной власти миллионы людей — чтобы дѣлать что?

Въ біографіи Полнера эта знаменитая цитата сопровождается наивнымъ разъясненіемъ: «Въ условіяхъ соціального неравенства Толстой не могъ найти удовлетворительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы.» Ну, а если бы не соціальное неравенство? Полнеръ не

обращаетъ никакого вниманія на послѣдній изъ толстовскихъ вопросовъ:

— Больницы, врачи, аптеки для того, чтобы продолжать жизнь, а продолжать жизнь зачѣмъ?

Странно разъяснять все это. Но разъяснять еще необходимо. Вспоминаю рѣчь одного изъ самыхъ блестящихъ русскихъ людей, знаменитаго адвоката и политическаго дѣятеля Маклакова, много лѣтъ бывшаго въ домѣ Толстыхъ однимъ изъ самыхъ близкихъ имъ людей, — рѣчь, произнесенную въ Прагѣ. Маклаковъ тоже разъяснялъ, онъ говорилъ:

— Очень достойно вниманія то, что вотъ въ эти юбилейные дни мѣръ поминаетъ Толстого только какъ художника и какъ политика, — что религіозная и философская мысль хранятъ о немъ молчаніе. Какъ художникъ Толстой, конечно, внѣ сомнѣній. А что еще внѣ сомнѣній? Его политическая дѣятельность. И вотъ политики, одни съ огорченіемъ, другіе съ похвалой, отмѣчаютъ борьбу Толстого съ правительствомъ, съ насиліями всякаго рода, съ привиллегіями, съ богатыми, сильными. Для однихъ это ужасно: онъ былъ идейный виновникъ русской революціи; для другихъ же это большая заслуга его; для нихъ у Толстого нелѣпо одно — его проповѣдь о непротивленіи злу, его «недомысліе», происходившее, по ихъ мнѣнію, отъ незнакомства съ ученіемъ Маркса, отъ незнанія даже начальныхъ учебниковъ государственнаго права. Правда-ли, однако, что Толстой былъ политикъ, хотя и писалъ, напримѣръ, «Стыдно», «Не могу молчать», затрогивалъ политическія темы даже

въ «Воекресеніи», хлопоталъ передъ властями и Государственной Думой о проведеніи въ жизнь законодательнымъ порядкомъ идей Генри Джоржа? Нѣтъ, все таки не былъ, политическую дѣятельность все таки считалъ зломъ; въ своей книгѣ «Христіанское ученіе», задавая себѣ вопросъ, почему міръ не пошелъ за Христомъ, онъ находитъ отвѣтъ на него въ томъ, что въ мірѣ существуютъ «соблазны», тѣ гибельныя подобія добра, въ которыя, какъ въ ловушку, заманиваются люди, напримѣръ, политическими статутами, — это даже самый опасный соблазнъ, говоритъ онъ, когда государство оправдываетъ совершаемые имъ грѣхи тѣмъ, что оно будто бы несетъ благо большинству людей, народу, человѣчеству. Да, Толстой не мало говорилъ о недостаткахъ человѣческаго общежитія такъ же, какъ говоримъ и мы, люди міра, политики; но мы имѣемъ только внѣшнее право зачислять его въ свои ряды, для него эти недостатки не стояли на первомъ планѣ, онъ думалъ о томъ, о чемъ мы, люди безсознательнаго жизненнаго инстинкта, слишкомъ мало думаемъ въ нашей жизненной суетѣ, — о смыслѣ жизни, кончающейся смертью. Онъ самъ разсказалъ въ своей «Исповѣди», что привело его къ «перелому»: мысль о смерти; ему стало казаться, что если все то, ради чего мы живемъ, — всѣ мірскія блага, всѣ наслажденія жизнью, богатствомъ, славой, почестями, властью, — если все это будетъ у насъ отнято смертью, то въ этихъ благахъ нѣтъ ни малѣйшаго смысла. Если жизнь не безконечна, то она просто безсмысленна; а если она безсмысленна, то жить вовсе не стоитъ,

слѣдуетъ какъ можно скорѣе избавиться отъ нея самоубійствомъ. Вотъ то неожиданное и безотрадное заключеніе, къ которому привела его мысль о смерти...

Почему Маклаковъ употребилъ слово «неожиданное», непонятно. Но дальше онъ говоритъ опять правильно: «Эта проблема о смыслѣ жизни не связана ни съ опредѣленной эпохой, ни съ народностью, ни съ формами государственности... Толстого нужно сравнивать не съ нами, не съ политиками, не съ тѣми, кто хлопочетъ объ увеличеніи благъ и о справедливомъ распредѣленіи ихъ въ обществѣ, а съ учителями религій... Толстой — *сынъ позитивнаго вѣка и самъ позитивистъ*; но по запросамъ своего духа онъ былъ религіозная натура по преимуществу...» Это все правильно (за исключеніемъ, конечно, наименованія Толстого позитивистомъ) и правильности своихъ разъясненій Маклаковъ могъ бы привести множество и другихъ доказательствъ. Толстой и самъ говорилъ въ этомъ родѣ:

— Люди, ненавидящіе существующій строй и правительство, представляютъ себѣ какой-то другой порядокъ вещей и даже никакого себѣ не представляютъ и всѣми безбожными, безчеловѣчными средствами — пожарами, грабежами, убійствами — разрушаютъ этотъ строй... Но дѣло не въ перемѣнѣ правительства. Развѣ жизнь станетъ лучше, если вмѣсто Николая II будетъ царствовать Петрункевичъ?

Онъ ждалъ, говоритъ Александра Львовна, что послѣ японской войны въ Россіи будетъ революція: настроеніе рабочихъ, солдатъ, крестьянъ онъ чув-

ствоваль не только изъ разговоровъ съ ними, но и по безконечнымъ письмамъ, стекавшимся къ нему со всѣхъ концовъ Россіи. Но для него было совершенно ясно, что революція не улучшитъ положенія народа; каждая власть основана на насиліи и каждая власть поэтому дурна, говорилъ онъ: «Новое правительство будетъ также основано на насиліи, какъ и старое. Какъ Кромвель, какъ Марать давили своихъ противниковъ, такъ и у насъ новое правительство давило бы консерваторовъ...»

Онъ писалъ «Правительству, революціонерамъ и народу»:

— Для того, чтобы положеніе людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше. Это такой же трюизмъ, какъ то, что для того, чтобы нагрѣлся сосудъ воды, надо, чтобы всѣ капли ея нагрѣлись. Для того же, чтобы люди становились лучше, надо, чтобы они все больше и больше обращали вниманіе на себя, на свою внутреннюю жизнь. Внѣшняя же, общественная дѣятельность, въ особенности общественная борьба, всегда отвлекаетъ вниманіе людей отъ внутренней жизни и потому всегда, неизбежно развращая людей, понижаетъ уровень общественной нравственности. Пониженіе же уровня общественной нравственности дѣлаетъ то, что самыя безнравственныя части общества все больше и больше выступаютъ наверхъ и устанавливается безнравственное общественное мнѣніе, разрѣшающее и даже одобряющее преступленія. И устанавливается порочный кругъ: вызванныя общественной борьбой худшія ча-

сти общества съ жаромъ отдаются соотвѣтствующей ихъ низкому нравственному уровню общественной дѣятельности, дѣятельность же эта привлекаетъ къ себѣ еще худшія элементы общества...

Маклаковъ разъяснялъ въ своей рѣчи и другое — «самое важное въ міросозерцаніи Толстого, именно его религіозныя воззрѣнія.» Я не случайно остановился на этой рѣчи: сужденія такихъ людей, какъ Маклаковъ, не могутъ не обращать на себя особеннаго вниманія уже хотя бы по тому рѣдкому во всѣхъ отношеніяхъ знанію Толстого, которымъ обладаетъ Маклаковъ. Что же говорилъ онъ о Толстомъ какъ о вѣроучителѣ?

Толстой, говорилъ онъ, утверждалъ не только печатно, но и во многихъ бесѣдахъ со мной, что онъ своего собственнаго христіанскаго ученія не создавалъ, что онъ только возстановилъ подлиннаго Христа, затемненнаго ученіемъ міра и Церкви. Преклоняясь передъ Христомъ, Толстой въ немъ Бога не видѣлъ: я не разъ отъ него самого слышалъ, что если бы онъ считалъ Христа Богомъ, Христосъ потерялъ бы для него все свое обаяніе. *Обычное воззрѣніе невѣрующихъ.* Толстой былъ человекомъ современнымъ, позитивистомъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что разумъ нашъ ограниченъ; но, признавая ограниченность раума, онъ не допускалъ и того, чтобы разумъ могъ узнать абсолютную истину въ порядкѣ вѣры и откровенія. Онъ любилъ употреблять слова — религія, Богъ, безсмертіе... Но Богъ былъ для него — непонятная, начальная сила; безсмертіе духа — простое признаніе

факта, что наша духовная жизнь откуда-то появилась и, следовательно, куда-то уйдет; а вѣра, по словамъ Ивана Кирѣевскаго, которыя онъ любилъ повторять, есть не столько знаніе истины, сколько преданность ей. Все это очень далеко отъ ученія Церкви, и потому Толстой по своему міровозрѣнію истинный позитивистъ, сынъ нашего вѣка. Однако вотъ что замѣчательно: онъ не говорилъ, подобно позитивистамъ, что проповѣдь Христа противорѣчитъ природѣ людей, что въ Его ученіи надо видѣть только идеаль, недостижимый на землѣ, — онъ думалъ, что это ученіе и должно и можно исполнять: при мірскомъ міровозрѣніи онъ училъ жить по Божьи.

— Зачѣмъ жить по Божьи? Затѣмъ, что иначе жизнь, кончающаяся смертью, есть безсмыслица.

Христось сказалъ въ притчѣ о богачѣ: онъ собралъ богатства въ житницы свои и хотѣлъ ими наслаждаться съ друзьями своими; безумецъ, развѣ онъ сталъ бы это дѣлать, если бы зналъ, что Господь призоветъ его къ себѣ въ эту ночь? Люди, не думающіе о смерти, ведутъ себя какъ этотъ безумецъ, говорилъ Толстой; при наличіи смерти, нужно либо добровольно покинуть жизнь, либо перемѣнить ее, найти въ ней тотъ смыслъ, который не уничтожался бы смертью. Нелѣпость его проповѣди о непротивленіи злу доказывали еще и тѣмъ, что при этомъ непротивленіи и наша жизнь, и культура, и государство погибнуть, станутъ жертвою насильниковъ; а для него нелѣпо было это доказательство: къ чему-

же наша жизнь и всё блага ея, если и то и другое поглотить смерть? Страхъ смерти тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше благъ теряешь, умирая. Что-же нужно? Нужна такая жизнь, которой смерть не страшна. Какая же это жизнь? На это отвѣчаетъ только религія, религія христіанская, религія «бѣдныхъ, смиренныхъ, немудрствующихъ». И это привело его къ борьбѣ съ Церковью. Уже одному позитивизму его противорѣчила церковно-религіозная мистика; и все таки не это оттолкнуло его отъ Церкви: оттолкнуло ея отношеніе къ земной жизни, то, что она не отвергла, какъ отвергалъ Христосъ, мірскую жажду земныхъ благъ, не сказала, какъ Онъ: раздай имущество, не противься злу насиліемъ, подставь лѣвую щеку ударившему тебя въ правую, не суди, не казни... Церковь приняла, подтвердила и даже освятила всё мірскія понятія и учрежденія со всеми ихъ грѣхами и преступленіями, стала учить повиноваться этимъ учрежденіямъ; мало того — показала въ лицѣ своихъ представителей, что и сама цѣнитъ всё мірскія блага. Зачѣмъ жить, если мы смертны? Мистика Церкви отвѣчаетъ: нѣтъ, мы бессмертны, за гробомъ мы обрѣтемъ небесную, вѣчную жизнь и возмездіе или награду за земную, временную. И эта мистика помирила человѣка съ бессмысленностью и безуміемъ его мірской жизни. Да, будутъ за грѣхи возмездія, говоритъ Церковь; но все таки она допустила привычную дурную жизнь человѣка на землѣ, ученіемъ о загробной жизни утвердила въ людяхъ вкусъ къ земнымъ благамъ, радостямъ, грѣхамъ, соблазнамъ и признала право человѣка ссылаться на свои человѣ-

ческія слабости. Церковь Божія забыла Христа, сказала Толстой — и стала проповѣдывать христіанство безъ Бога. Еще въ молодости говорилъ онъ: человекъ долженъ сознавать въ себѣ свою личность не какъ нѣчто противоположное міру, а какъ малую частицу міра, огромнаго и вѣчно живущаго. Это-то и говоритъ Христосъ: «Люби ближняго, какъ самого себя». И счастье личности можетъ быть лишь одно: жить для другихъ. Жертвуя собой для другихъ, человекъ становится сильнѣе смерти. И вотъ почему заповѣди Христа открыли ему смыслъ земной жизни и уничтожили его прежній страхъ передъ смертью. О, конечно, противъ такого ученія многое можетъ возразить и позитивизмъ и Церковь. Позитивизмъ скажетъ: зачѣмъ нуженъ какой-то смыслъ жизни, когда есть инстинктъ жизни и всѣ ея радости? А Церковь скажетъ такъ: объявить Христа человекомъ, отрицать Его воскресеніе, не значить-ли свести христіанство къ нежизненной, недоступной человеческимъ силамъ и неинтересной морали? Развѣ разумная теорія объ общей міровой жизни, которая будто бы уничтожаетъ страхъ смерти, можетъ замѣнить вѣру въ любовь и милосердіе Божіе, въ заботы Промысла о человекѣ и въ радость конечнаго соединенія съ Богомъ за гробомъ? Но Толстой пошелъ противъ Церкви и противъ міра — и возстановилъ противъ себя и Церковь и міръ...

Такъ разъяснялъ Толстого Маклаковъ. И такъ удивительно чередовались у него сужденія правильныя съ сужденіями порой просто непонятными.

— Толстой — сынъ позитивнаго вѣка и самъ позитивистъ...

Но весьма странно называть «сыномъ позитивнаго вѣка» того, кто то и дѣло говорилъ и писалъ: «Нѣтъ болѣе распространеннаго суевѣрія, что человекъ съ его тѣломъ есть нѣчто реальное... Вещество и пространство, время и движеніе отдѣляютъ меня и всякое живое существо отъ Бога... Все меньше понимаю міръ вещественный и напротивъ все больше и больше сознаю то, чего нельзя понимать, а можно только сознавать... Матерія для меня самое непонятное... Что я такое? Разумъ ничего не говоритъ на эти вопросы сердца... Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, они отвѣчаютъ на это не словами, то есть орудіемъ разума, а всей жизнью... Чтобы жизнь имѣла смыслъ, надо чтобы цѣль ея выходила за предѣлы постижимаго умомъ человѣческимъ...» Церковь утверждаетъ, что мы бессмертны? Но и Толстой непрестанно говорилъ о бессмертіи: «Думалъ, какъ думаю безпрестанно, о смерти. И такъ мнѣ ясно стало, что такъ же хорошо, хотя по другому, будетъ на той сторонѣ смерти... Мнѣ ясно было, что тамъ будетъ такъ же хорошо, — нѣтъ, лучше. Я постарался вызвать въ себѣ сомнѣнія въ той жизни, какъ бывало прежде, и не могъ, какъ прежде, но могъ вызвать въ себѣ увѣренность...» — «Все тверже и тверже знаю, что огонь, погаснувшій здѣсь, появится въ новомъ видѣ не здѣсь — онъ самый...» — «Вчера очень интересный разговоръ съ Коншинымъ, онъ просвѣщенный матеріалистъ. Его, разумѣется, не убѣдилъ ни въ существованіи Бога, ни въ будущей жизни, но се-

бя убѣдилъ еще больше...» Онъ не видѣлъ въ Христѣ Бога? Но есть ли это «обычное воззрѣніе невѣрующихъ»? Есть вѣдь милліоны не-христіанъ, милліоны непризнающихъ Христа Богомъ и однако вѣрующихъ.

XVI

Философъ Шестовъ говоритъ, что въ одной мудрой древней книгѣ сказано: кто хочетъ знать, что было и что будетъ, что подъ землей и что надъ небомъ, тому бы лучше совсѣмъ на свѣтъ не родиться; и еще такъ сказано въ этой книгѣ: ангель смерти, слетающій къ человѣку, что бы разлучить его душу съ тѣломъ, весь покрытъ глазами; и случается, что онъ слетаетъ за душой человѣка слишкомъ рано, когда еще не насталъ срокъ человѣку покинуть землю, и тогда удаляется отъ человѣка, отмѣтивъ его однако нѣкоторымъ особымъ знакомъ: оставляетъ ему въ придачу къ его природнымъ, человѣческимъ глазамъ еще два глаза, — изъ безчисленныхъ собственныхъ глазъ, — и становится тотъ человѣкъ не похожимъ на прочихъ: видитъ своими природными глазами все, что видятъ всѣ прочіе люди, но сверхъ того и нѣчто другое, недоступное простымъ смертнымъ, — видитъ глазами, оставленными ему ангеломъ, и при томъ такъ, какъ видятъ не люди, а «существа иныхъ міровъ»: столь противоположно своему природному зрѣнію, что возникаетъ великая борьба въ человѣкѣ, борьба между его двумя зрѣніями.

Все это Шестовъ говоритъ въ своей статьѣ о Достоевскомъ, — приписываетъ двѣ пары глазъ автору «Записокъ изъ подполья». Но, читая ее, думаешь о Толстомъ: если ужъ кто надѣленъ былъ двойнымъ зрѣніемъ и именно *отъ ангела смерти*, слетѣвшаго еще къ колыбели его, такъ это Толстой. Въ случаѣ съ нимъ ангелъ смерти ошибся сугубо насчетъ его дѣйствительнаго смертнаго срока, но глаза оставилъ ему такіе, что все, что видѣлъ Толстой въ послѣдствіи, весь свой долгій вѣкъ, переоцѣнивалось имъ прежде всего подъ знакомъ смерти, величайшей переоцѣнщицѣ всѣхъ цѣнностей (то подобно Аннѣ передъ самоубійствомъ, то подобно князю Андрею на Аустерлицкомъ полѣ). Шестовъ напоминаетъ въ своей статьѣ слова Платона: *«Всѣ, которые отдавались философіи, ничего иного не дѣлали, какъ готовились къ умираию и смерти.»* Напоминаетъ и слова Эврипида, повторенныя въ послѣдствіи столь многими: *«Кто знаетъ — можетъ быть, жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь.»* И опять думаешь тутъ о Толстомъ. Эврипидъ все таки колеблется: *«Кто знаетъ... можетъ быть...»* Толстой не разъ и все тверже говорилъ прямо: *«Жизнь есть смерть.»*

— Ужасное, чего я ужасался, постигло меня...

Это «ужасное» постигало его всю жизнь и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и сильнѣе, чтобы наконецъ ужаснуть въ нѣкій день уже «до сумасшествія». Въ нѣкій день онъ понялъ съ особенной несомнѣнностью, что онъ «сумасшедшій». Давно думалъ отъ времени до времени: нѣтъ, происходитъ что-то странное, — какъ-то не такъ, какъ всѣ, я живу на свѣтѣ, не такъ,

какъ они, вижу, чувствую, думаю... Только внѣшне подобна моя жизнь ихъ жизни... Что-нибудь одно: или они сумасшедшіе, или я сумасшедшій. И такъ какъ ихъ милліоны, а я одинъ, то очевидно, что сумасшедшій — я. И вотъ наступаетъ день, когда озаряетъ уже совсѣмъ ясная мысль: да, я сумасшедшій!

Въ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ объ этомъ днѣ онъ сказалъ сдержанно: «Со мной было что-то необыкновенное.» Известно, что именно произошло съ нимъ въ дѣйствительности: въ августѣ 1869 г., когда ему шелъ всего сорокъ второй годъ, онъ, движимый этой «любовью къ семьѣ, къ хозяйству», поѣхалъ въ Пензенскую губернію съ самой простой цѣлью — посмотреть и, быть можетъ, купить имѣніе, которое, по слухамъ, продавалось тамъ очень выгодно, и по дорогѣ ночевалъ въ г. Арзамасѣ; а тамъ и произошло то, что онъ сообщилъ въ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ:

— Что съ тобой и съ дѣтьми? Не случилось-ли что? Я второй день мучаюсь безпокойствомъ. Третьяго дня въ ночь я ночевалъ въ Арзамасѣ, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я усталъ страшно, хотѣлось спать, и ничего не болѣло. Но вдругъ на меня напала тоска, страхъ, ужасъ, какихъ я никогда не испытывалъ. Подробности этого чувства я тебѣ разскажу впоследствии, но подобнаго мучительнаго чувства я никогда не испытывалъ, и никому не дай Богъ испытать. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать. Пока закладывали, я заснулъ и проснулся здоровымъ. Вчера это чувство возвратилось во время ѣзды, но я былъ приготовленъ и не поддался

ему, тѣмъ болѣе, что оно и было слабѣе. Нынче чувствую себя здоровымъ и веселымъ, насколько могу быть безъ семьи... Я могу оставаться одинъ въ постоянныхъ занятіяхъ, но какъ только безъ дѣла, я рѣшительно чувствую, что не могу быть одинъ...

Послѣдняя фраза необыкновенно важна: одинъ онъ можетъ быть только въ постоянныхъ занятіяхъ, въ дѣлахъ; безъ занятій, безъ дѣлъ, заглушающихъ то, что происходитъ въ душѣ, въ умѣ, — «тоска, страхъ, ужасъ такіе, какихъ никому не дай Богъ испытывать!» Онъ не могъ не замѣчать всего этого и прежде, — не отъ того ли и одурманивалъ себя своей страстной дѣятельностью? — въ Арзамасѣ-же понялъ это до ужаса ясно. И прошелъ-ли этотъ ужасъ послѣ Арзамаса, въ новыхъ занятіяхъ, дома, въ семьѣ? То, что не прошелъ, доказываетъ разсказъ «Записки сумасшедшаго», написанный черезъ цѣлыхъ 15 лѣтъ послѣ Арзамаса. Разсказъ этотъ, по сути, есть точное воспроизведеніе того, что написано въ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ, есть только развитіе этой сути и договоренность недоговореннаго. Герой разсказа тоже ѣдетъ осматривать намѣченное къ покупкѣ имѣніе и тоже въ Пензенскую губернію и ночуетъ тоже въ Арзамасѣ. Ѣдетъ со слугой Сергѣемъ. Въ Арзамасѣ останавливается въ номерахъ и ложится спать. Пробуетъ заснуть — невозможно:

— Заснуть, я чувствовалъ, не было никакой возможности. Зачѣмъ я сюда заѣхалъ? Куда я везу себя? Отъ чего, куда я убѣгаю? Я убѣгаю отъ чего-то страшнаго, и не могу убѣжать. Я всегда съ собою, и я-то и мучителенъ себѣ. Я — вотъ онъ, я весь

туть. Ни пензенское и ни какое имѣнье ничего не прибавить и не убавить мнѣ. Я надоѣлъ себѣ, несносенъ, мучителенъ себѣ. Я хочу заснуть, забыться и не могу. Не могу уйти отъ себя.

— Я вышелъ въ коридоръ. Сергѣй спалъ на узенькой скамьѣ, скинувъ руку, но спалъ сладко, и сторожъ съ пятномъ — спалъ. Я вышелъ въ коридоръ, думая уйти отъ того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачило все. Мнѣ такъ же, еще больше страшно было. «Да что это за глупость, — сказалъ я себѣ, — чего я тоскую, чего боюсь?»

— Меня, — неслышно отвѣчаетъ голосъ смерти. — Я тутъ. Морозъ подралъ мнѣ по кожѣ. Да, смерти. Она придетъ, она — вотъ она, а ея не должно быть. Если бы мнѣ предстояла дѣйствительно смерть, я не могъ испытывать того, что испытывалъ. Тогда бы я боялся. А теперъ я не боялся, а видѣлъ, чувствовалъ, что смерть наступаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что ея не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ совершающуюся смерть. И это внутреннее раздираніе было ужасное. Я попытался стряхнуть этотъ ужасъ. Я нашелъ подсвѣчникъ мѣдный со свѣчей обгорѣвшей и зажегъ ее. Красный огонь свѣчи и размеръ ея, немного меньше подсвѣчника, — все говорило то же. *Ничего нѣтъ въ жизни, есть только смерть, а ея не должно быть.* Я пробовалъ думать о томъ, что занимало меня: о покупкѣ, о женѣ. Ничего не только веселаго не было, но все это стало ничто. Все заслонялъ ужасъ за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я легъ было, но только улегся,

вдругъ вскочилъ отъ ужаса. И тоска, и тоска — такая же душевная тоска, какая бываетъ передъ рвотой, только духовная. Жутко, страшно. Кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Какъ-то жизнь и смерть сливались въ одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разорвать. Еще разъ прошелъ посмотрѣть на спящихъ, еще разъ попытался заснуть; все тотъ-же ужасъ, — красный, бѣлый, квадратный. Рвется что-то и не рывается. Мучительно, и мучительно сухо и злобно, ни капли доброты я въ себѣ не чувствовалъ, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сдѣлало...

Въ концѣ концовъ человекъ, увидѣвшій это «красное, бѣлое, квадратное», даже съ какимъ-то ликоваіемъ утверждаетъ свое «сумасшествіе»:

— Сегодня меня возили свидѣтельствоваться въ губернское правленіе, и мнѣнія раздѣлились. Они спорили и рѣшили, что я не сумасшедшій... Они признали меня подверженнымъ эффектамъ и еще что-то такое, но въ здоровомъ умѣ. Они признали, что я-то знаю, что я сумасшедшій!

Такъ совершилось то, что и должно было совершиться, — то, что «на роду» было написано. Всѣми силами стремился человекъ одолѣть въ себѣ того подлиннаго, главнаго, какимъ родился, — стремился прожить жизнь «какъ всѣ», «практически, положительно», семьяниномъ, отцомъ, хозяиномъ, заглушалъ «красное, бѣлое, квадратное» безпримѣрнымъ количествомъ «занятій», окружалъ себя, чтобы не быть

«одному», семьей, потомствомъ, многолюднымъ домомъ... Но нѣтъ, не удалось. Въ юности долго и беспорядочно искалъ, какъ бы лучше устроить себя въ общемъ, обычномъ мѣрѣ, — гдѣ не должно быть того «необыкновеннаго», что было въ Арзамасѣ, — толкомъ не зная, гдѣ именно: не то въ Ясной Полянѣ, не то на гражданской службѣ, не то на военной... Писалъ брату въ молодости:

— Сережа, я пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я и намѣренъ остаться навѣки... Я вполне убѣжденъ теперь, что умозрѣніемъ и философіей жить нельзя, а надо жить положительно, то есть быть практическимъ человекомъ...

Въ годы мужества онъ какъ будто успокоился, жилъ такъ «положительно», что однажды писалъ:

— Есть въ Москвѣ нѣкто баронъ Шенингъ, у котораго есть удивительныя японскія свиньи. Я видѣлъ такихъ у Шатилова и чувствую, что для меня не можетъ быть счастья въ жизни до тѣхъ поръ, пока не буду имѣть такихъ-же свиней...

Всѣмъ извѣстно однако, что писалъ онъ въ то же самое время и нѣчто совсѣмъ другое:

— Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ я здѣсь, нельзя жить. А знать я этого не могу, слѣдовательно нельзя жить...

— На дняхъ прочелъ то, что еще никогда не читалъ, и продолжаю читать и ахать отъ радости: это Притчи Соломона, Екклесіастъ и Книга Премудрости Іисуса сына Сирахова.

Легко догадаться, надъ чѣмъ больше всего «ахалъ» онъ:

— Рѣшилъ я въ сердцѣ своемъ изслѣдовать и испытать разумомъ все, что дѣлается подь солнцемъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы они мучили себя...

Въ этихъ словахъ Екклезіаста весь Толстой. «Это тяжелое занятіе» было главнымъ занятіемъ всей его жизни. Все, все, «что дѣлается подь солнцемъ», изслѣдовалъ и испыталъ онъ, продумалъ и прочувствовалъ съ безпримѣрной недовѣрчивостью и требовательностью.

— Я развивалъ и умножалъ въ себѣ знаніе больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Іерусалимомъ, и сердце мое постигло много мудрости и знанія. Когда же я обратилъ сердце свое на то, чтобы познать мудрость и познать глупость и безуміе: то узналъ, что и это затѣи праздныя. Потому что при многой мудрости много раздражительности, и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь.

— Сказалъ я въ сердцѣ своемъ: насладись добромъ; но и это суета.

Сколько лѣтъ «наслаждался» Толстой «добромъ», чтобы въ концѣ концовъ («въ третьемъ фазисѣ» своемъ) отречься и отъ него!

— Предпринялъ я великія дѣла; построилъ себѣ дома, насадилъ себѣ виноградники... Приобрѣлъ себѣ слугъ, и домочадцы были у меня... Собралъ себѣ серебра, и золота, и драгоценностей отъ царей и областей... И вотъ, все суета и затѣи праздныя, и нѣтъ отъ нихъ выгоды подь солнцемъ... И меня постигнетъ та же участь, что и невѣжду... Увы, умира-

егъ мудрый наравнѣ съ невѣждой... *И возненавидѣлъ я жизнь; потому что противны мнѣ дѣла, совершающіяся подь солнцемъ... И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, что трудился я подь солнцемъ...*

— *И видѣлъ я всякія угнетенія, какія дѣлаются подь солнцемъ: и вотъ, слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и отъ руки угнетающихъ ихъ — насиліе, а утѣшителя у нихъ нѣтъ. И почель я мертвыхъ, которые давно умерли, счастливѣе живыхъ...*

Только-ли изъ-за угнетеній почель онъ мертвыхъ счастливѣе живыхъ? И угнетенные и угнетатели — сдинаковая суета суеть; все — затѣи праздныя передь тѣмъ, что ждетъ и тѣхъ и другихъ въ тотъ часъ, «когда задрожать стерегущіе домъ, и высоты станутъ страшны, и не на дорогѣ будутъ ужасы... когда отходить человѣкъ въ вѣчный домъ свой и тянутся по улицѣ плачущіе...»

Изъ множества легендъ о Толстомъ, и до сихъ поръ еще существуетъ еще и та, будто онъ былъ чуть не невѣжда по своему образованію. Повторяю, почти всѣ легенды о немъ создавались прежде всего по его собственной винѣ — на основаніи его рѣзкихъ, крайнихъ самоощѣнокъ. Такъ было и тутъ: онъ самъ пустилъ слухъ о своемъ невѣжествѣ: «Я почти невѣжда, то, что я знаю, тому я выучился кое-какъ, самъ, урывками, безъ связи, безъ толку и то такъ мало.» И кто изъ писавшихъ о немъ опровергалъ его мнимое невѣжество? Никого не могу вспомнить, кромѣ Алданова, который совершенно справедливо говоритъ (въ своей книгѣ «Загадка Толстого»):

— Толстой былъ однимъ изъ наиболѣе разносторонне ученыхъ людей нашего ремени... Въ своемъ главномъ «ремеслѣ», въ литературѣ, онъ зналъ все — древнее, новое, новѣйшее. Онъ владѣлъ множествомъ культурныхъ языковъ, вплоть до греческаго и еврейскаго. Онъ въ разное время жизни интересовался со всей своей способностью страстнаго увлеченія то философией, то естествознаніемъ, то богословіемъ, то теоріей искусства, то педагогическими науками. То онъ, по его собственнымъ словамъ, «съ утра до ночи» занятъ изученіемъ греческихъ классиковъ въ подлинникѣ, то увлекается астрономіей, то пристаетъ ко всѣмъ своимъ посѣтителямъ съ какимъ-нибудь доказательствомъ Пифагоровой теоремы... Люди, видѣвшіе въ библиотекѣ въ Ясной Полянѣ тѣ 14 тысячъ томовъ, которые безъ конца испещрены помѣтками Толстого, знаютъ его «невѣжество»! Только его универсально-анархическій умъ такъ-же мало признавалъ суверенитетъ науки, какъ и суверенитетъ государства...

Алдановъ тутъ прибавляетъ: «Самъ Чеховъ, навѣрно, не прочитавшій одной десятой книгъ, извѣстныхъ Толстому, прохаживался на счетъ его невѣжества.» Алдановъ правъ, — «прохаживался». На Чехова Толстой имѣлъ огромное вліяніе и не только какъ художникъ. Чеховъ не разъ говорилъ мнѣ въ ту зиму, которую больной Толстой проводилъ въ Крыму:

- Вотъ умереть Толстой, все къ чорту пойдетъ!
- Литература?
- И литература.

Онъ говорилъ:

— Я его боюсь. Вѣдь подумайте, вѣдь это онъ написалъ, что Анна сама чувствовала, видѣла, какъ у нея блестятъ глаза въ темнотѣ!

— Серьезно, я его боюсь, — говорилъ онъ, смѣясь и какъ-бы радуясь своей боязни.

Говоря о немъ, онъ какъ-то сказалъ:

— Чѣмъ я особенно восхищаюсь, такъ это его презрѣніемъ ко всѣмъ намъ, прочимъ писателямъ, или лучше сказать, не презрѣніемъ, а тѣмъ что онъ всѣхъ насъ, прочихъ писателей, считаетъ совершенно ни за что. Вотъ онъ иногда хвалитъ Мопассана, меня... Отчего хвалитъ? Оттого что онъ смотритъ на насъ, какъ на дѣтей. Наши повѣсти, рассказы, романы для него дѣтскія игры. Вотъ Шекспиръ другое дѣло. Это уже взрослый, и онъ уже раздражаетъ его, что пишетъ не по толстовски.

Но бывало, что онъ говорилъ и другое:

— Только зачѣмъ онъ говорить о томъ, въ чемъ ничего не смыслить? Напримѣръ, о медицинѣ? Вообще онъ иногда возмущаетъ меня. Вотъ онъ пишетъ совершенно удивительную вещь «Много ли человѣку земли нужно?» Написано такъ, какъ никто еще тысячу лѣтъ не сумѣетъ написать. А что говорить? Человѣку, видите ли, нужно всего три аршина земли. Это вздоръ: человѣку нужно не три аршина, а нуженъ весь земной шаръ. Это мертвому нужно три аршина. И живые не должны думать о мертвыхъ, о смертяхъ.

Да, да:

— Ты не думай!

Напрасная просьба:

— Ахъ, какъ же не думать! Надо, надо думать!

Съ самаго дѣтства была у него, по его собственному свидѣтельству, «излишняя воспріимчивость и склонность къ анализу, главными удовольствіями были уединенныя размышленія и наблюденія». Въ отрочествѣ эти качества и склонности развились въ немъ уже настолько и пріобрѣли такой характеръ, что онъ говоритъ въ «Юности»:

— Едва ли мнѣ повѣрятъ, какіе были любимѣйшіе и постоянные предметы моихъ размышленій, — такъ они были несообразны съ моимъ возрастомъ и положеніемъ. Но, по моему мнѣнію, несообразность между положеніемъ человѣка и его моральной дѣятельностью есть вѣрнѣйшій признакъ истины.

(Эти послѣднія удивительныя строки нужно очень помнить, думая вообще о всей его жизни).

— Въ продолженіе года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души, уже представлялись мнѣ; и дѣтскій слабый умъ мой со всѣмъ жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигнуть умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему...

— Мысли эти представлялись моему уму съ такой ясностью и поразительностью, что я даже старался примѣнять ихъ къ жизни, воображая, что я *первый* открываю такія великія, полезныя истины.

— Разъ мнѣ пришла мысль, что счастіе не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а зависитъ отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ, — и, чтобы приучить себя къ труду, я, несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ такъ больно, что слезы невольно выступали на глазахъ.

— Другой разъ, вспомнивъ вдругъ, что смерть сжидаетъ меня каждый часъ, каждую минуту, я рѣшилъ, не понимая, какъ не поняли того до сихъ поръ люди, что человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ, какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ, — и я дня три, подъ вліяніемъ этой мысли, бросилъ уроки и занимался только тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-нибудь романа и ѣдою пряниковъ...

— То разъ, стоя передъ черною доской и рисуя на ней мѣломъ разныя фигуры, я вдругъ былъ пораженъ мыслию: почему симметрія пріятна для глазъ? что такое симметрія? Это — врожденное чувство, отвѣчалъ я самъ себѣ. На чемъ-же оно основано? Развѣ во всемъ въ жизни симметрія? Напротивъ, вотъ жизнь — и я нарисовалъ на доскѣ овальную фигуру. Послѣ жизни душа переходитъ въ вѣчность; вотъ вѣчность — и я провелъ съ одной стороны овальной фигуры черту до самаго края доски. Отчего же съ другой стороны нѣтъ такой же черты? Да и въ самомъ дѣлѣ, какая же можетъ быть вѣч-

ность съ одной стороны! Мы, вѣроятно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о томъ воспоминаніе...

(Тутъ, кстати, надо вспомнить, что онъ говоритъ про тѣ чувства, которыя возбуждала въ немъ игра его матери на фортопіано: «Въ моемъ воображеніи возникали какія-то легкія, свѣтлыя и прозрачныя воспоминанія. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспомнилъ что-то грустное, тяжелое и мрачное... Чувство это было похоже на воспоминанія; но воспоминанія чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было»).

Въ какомъ еще родѣ были его, какъ онъ выражается, «умствованія»? Вспомнимъ еще разъ:

— Не однимъ изъ всѣхъ философскихъ направленій я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ...

— Склонность моя къ отвлеченнымъ размышленіямъ до такой степени неестественно развила во мнѣ сознаніе, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей... Спрашивая себя: о чемъ я думаю? я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю? Я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю...
Умъ за разумъ заходилъ...

«Живые не должны думать о мертвых, о смертяхъ.» Но напрасно проповѣдывать это «сумасшедшимъ», видящимъ міръ такъ, какъ видятъ не люди, а «существа иныхъ міровъ», людямъ, «отдавшимся философіи». Что испытывалъ князь Андрей, слушая, какъ пѣла Наташа? А вотъ про одного своего героя, тоже слушавшаго чье-то пѣніе, Чеховъ писалъ:

— Пока она пѣла, ему казалось, что онъ ѣстъ спѣлую, душистую дыню...

Въ «Дѣтствѣ» есть строки о томъ, какъ Володя, подрастая, сталъ «важничать», какъ онъ однажды, на прогулкѣ дѣтей въ лѣсъ, далъ всѣмъ имъ понять, что дѣтскія игры для него уже глупости, и на какое грустное соображеніе навело это Николеньку: «Я и самъ знаю, что изъ палки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя. Это игра. Коли такъ рассуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя... Ежели судить по настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что жъ тогда останется?» Но вотъ подросъ и Николенька — и все меньше и меньше сталъ вѣрить, что можно ѣздить на стульяхъ, и все чаще и чаще сталъ думать, глядя на всѣ «игры» міра: «Что это такое? Они сумасшедшіе?» Онъ еще продолжаетъ участвовать въ этихъ играхъ; онъ, можетъ быть, уже восклицаетъ словами апостола Павла: «Не понимаю, что дѣлаю; ибо не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то и дѣлаю!» — но все еще дѣлаетъ ненавистное. Какъ же не дѣлать? «Боже мой, что-же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую? Отецъ, сестра, жена, всѣ самые дорогіе мнѣ люди — я всѣхъ ихъ отдамъ

за минуты славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не знаю!» Такъ и Николаенька-Левочка еще думаетъ: «Всѣ эти игры — сумасшествіе, страшное по своей безсмысленности сумасшествіе! Но что-же мнѣ дѣлать? Если игры не будетъ, что-жъ тогда останется?» Онъ уже со страхомъ, уже растерянно записываетъ (тридцати пяти лѣтъ отъ роду): «Я качусь, качусь подъ гору смерти... А я не хочу смерти, я хочу и люблю безсмертіе... Я люблю мою жизнь — семью, хозяйство, искусство...» И такъ и идутъ годы — и «качусь» и «не хочу» катится, не хочу вѣрить, что качусь, и потому буду себя дурманить достижениями славы, любви людской, мечтами «довести свое свиноводство до полнаго совершенства», прибрать къ своимъ рукамъ какъ больше выгодно продающихся имѣній, купить за грошъ 6000 десятинъ въ Самарской губерніи, завести триста головъ лошадей... Но вотъ ночь въ Арзамасѣ — и дурманъ, который онъ уже давно чувствовалъ дурманомъ, въ которомъ и раньше нѣтъ-нѣтъ да и приходилъ въ себя, вдругъ совсѣмъ вылетаетъ изъ головы: «Зачѣмъ я сюда заѣхалъ? Куда я везу себя? Отъ чего, куда я убѣгаю?» Заснуть? Но заснуть нѣтъ никакой возможности! И ясное дѣло, что я сумасшедшій, — я, а не міръ: весь міръ вокругъ меня не чувствуетъ никакой тоски, никакого страха, ужаса, не видитъ этого «краснаго, бѣлаго, квадратнаго», міръ продолжаетъ и будетъ до скончанія вѣковъ «играть», а я? Я сумасшедшій. «Они признали, но я-то знаю, что я сумасшедшій!»

XVII

Ему шелъ всего двадцать третій годъ, когда онъ началъ писать «Дѣтство». Тутъ онъ впервые написалъ смерть, свое ощущеніе ея, то, что онъ испыталъ когда-то при видѣ мертвеца. (Кстати: когда «когда-то»? Я говорю о той главѣ въ «Дѣтствѣ», которая называется «Горе»: это смерть матери Николеньки, то-есть самого Левочки Толстого. Но мать Левочки умерла, когда ему было всего два года. Почему-же уже въ первомъ его произведеніи появляется тема смерти?).

— На другой день, поздно вечеромъ, мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на нее (на мать въ гробу). Преодолевъ невольное чувство страха, я тихо отворилъ дверь и на цыпочкахъ вошелъ въ залу.

— Посрединѣ комнаты на столѣ стоялъ гробъ, вокругъ него нагорѣвшія свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ; въ дальнемъ углу сидѣлъ дьячокъ и тихимъ, однообразнымъ голосомъ читалъ псалтырь.

— Я остановился у двери и сталъ смотрѣть, но глаза мои были такъ заплаканы и нервы такъ разстроены, что я ничего не могъ разобрать; все какъ-

то странно сливалось вмѣстѣ: свѣтъ, парча, бархатъ, большіе подсвѣчники, розовая обшитая кружевами подушка, вѣнчикъ, чепчикъ съ лентами и еще что-то прозрачное воскового цвѣта. Я сталъ на стулъ, чтобы разсмотрѣть ея лицо; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно находилось, мнѣ опять представился тотъ же блѣдно-желтоватый, прозрачный предметъ. Я не могъ вѣрить, чтобъ это было ея лицо. Я сталъ вглядываться въ него пристальнѣе и мало по малу сталъ узнавать въ немъ знакомыя милая черты. Я вздрогнулъ отъ ужаса, когда убѣдился, что это была она; отчего закрытые глаза такъ впали? отчего эта страшная блѣдность и на одной щекѣ черноватое пятно подъ прозрачною кожей? отчего губы такъ блѣдны и складъ ихъ такъ прекрасенъ, такъ величествененъ и выражаетъ такое неземное спокойствіе, что холодная дрожь пробѣгаетъ по моей спинѣ и волосамъ, когда я вглядываюсь въ него?

— Я смотрѣлъ и чувствовалъ, что *какая-то непонятная, непреодолимая сила притягиваетъ мои глаза къ этому безжизненному лицу*. Я не спускалъ съ него глазъ, а воображеніе рисовало мнѣ картины, цвѣтушія жизнью и счастіемъ. Я забывалъ, что мертвое тѣло, которое лежало передо мной и на которое я бессмысленно смотрѣлъ, какъ на предметъ, не имѣющій ничего общаго съ моими воспоминаніями, была она. Я воображалъ ее то въ томъ, то въ другомъ положеніи: живою, веселою, улыбающеюся; потомъ вдругъ меня поражала какая-нибудь черта въ блѣдномъ лицѣ, на которомъ остановились мои глаза: я вспоминалъ ужасную дѣйствительность, содра-

гался, но не переставалъ смотрѣть. И снова мечты замѣняли дѣйствительность, и снова сознание дѣйствительности разрушало мечты. Наконецъ, воображеніе устало, оно перестало обманывать меня: сознание дѣйствительности тоже исчезло, и я совершенно забылся... *На время я потерялъ сознание своего существованія и испытывалъ какое-то высокое, неизъяснимо-пріятное и грустное наслажденіе...*

Глава эта есть нѣчто совершенно удивительное по изображенію и внѣшняго и внутренняго. Сила изобразительности внѣшняго какъ будто преобладаетъ. «Свѣтъ, парча, бархатъ... розовая обшитая кружевами подушка, вѣнчикъ, чепчикъ съ лентами и еще что-то прозрачное воскового цвѣта...» Но изъ этого внѣшняго исходитъ истинный ужасъ внутренняго: чего стоитъ одно это «что-то»!

— Одна изъ послѣднихъ подошла проститься съ покойницей какая-то крестьянка, съ хорошенькою пятилѣтней дѣвочкой на рукахъ, которую, Богъ знаетъ зачѣмъ, она принесла сюда. Въ это время я нечаянно уронилъ свой мокрый платокъ и хотѣлъ поднять его; но только что я нагнулся, меня поразилъ страшный, пронзительный крикъ, исполненный такого ужаса, что проживи я сто лѣтъ, я никогда его не забуду. Я поднялъ голову — подлѣ гроба стояла та же крестьянка и съ трудомъ удерживала на рукахъ дѣвочку, которая, отмахиваясь рученками, откинувъ назадъ испуганное личико и уставивъ выпученные глаза на лицо покойной, кричала страшнымъ, неистовымъ голосомъ...

Николенька-Левочка, глядя на это «что-то» про-

зрачное воскового цвѣта, блѣдно-желтоватый прозрачный предметъ, въ концѣ концовъ «потерялъ сознание своего существованія и испытывалъ какое-то высокое, неизъяснимо-пріятное и грустное наслаждение». Это подлинныя задатки разновидности тѣхъ чувствъ, которые въ послѣдствіи все больше и больше будутъ преобразовать толстовское воспріятіе смерти, вести къ чему-то «высокому». Но пока это только задатки. Преобладаетъ-же ужасъ. «Холодная дрожь пробѣгаетъ по моей спинѣ и волосамъ, когда я вглядываюсь въ него.» А крестьянскій ребенокъ даже и при одномъ мгновенномъ взглядѣ на это «что-то» раздражается «страшнымъ, неистовымъ крикомъ».

За этими первыми страницами о смерти слѣдуетъ рассказъ «Три смерти», написанный черезъ семь лѣтъ послѣ того. Тутъ, мучительно, отчаянно хватаясь за жизнь, то раздраженно негодуя на все и на всѣхъ, то жалко умиляясь тщетными надеждами, умираетъ богатая молодая барыня въ чахоткѣ, умираетъ тупо и покорно, какъ обезсилѣвшій звѣрь, нищій работникъ (ямщикъ) и въ святой и прекрасной безсознательности умираетъ дерево. Барыня одна виновата передъ лицомъ Бога — въ своей непокорности Его неисповѣдимымъ для насъ путемъ, Его высокой и торжественной волѣ, въ своемъ дѣтскомъ и строптивомъ непониманіи Его законовъ и замысловъ: «Пути Мои выше путей вашихъ и мысли Мои выше мыслей вашихъ.» И вотъ тутъ уже возвышенно, укоризненно-грозно звучатъ толстовскія слова о смерти:

— Въ тотъ же вечеръ больная уже была тѣло, и тѣло въ гробу стояло въ залѣ большого дома...

Яркій восковой свѣтъ съ высокихъ серебряныхъ подсвѣчниковъ падалъ на блѣдный лобъ усопшей, на тяжелыя восковыя руки и окаменѣлыя складки покрыва, странно поднимающагося на колѣняхъ и пальцахъ погъ...

— Сокроешь лицо Твое — смущаются, — гласиль псалтирь, — возьмешь отъ нихъ духъ — умирають и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой — созидаются и обновляются лицо земли. Да будетъ Господу слава во вѣки.

— Лицо усопшей было строго и величаво. Ни въ чистомъ холодномъ лбѣ, ни въ твердо сложенныхъ устахъ ничто не двигалось. Она вся была вниманіе. Но понимала ли она хоть теперь великія слова эти?

Все же въ ту пору онъ и самъ еще «не понималъ». Черезъ годъ послѣ написанія имъ «Трехъ смертей», — въ 1860 году, — умираетъ отъ чахотки его братъ Николай — и на весь міръ падаетъ для него пепель смерти: «Къ чему все, пишетъ онъ, къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всей мерзостью лжи, самообмана и кончатся ничтожествомъ, нулемъ!»

Еще черезъ годъ онъ началъ «Холстомѣра», «исторію лошади», которую можно было бы озаглавить и такъ: «Двѣ жизни и двѣ смерти», — жизнь пѣгаго рысистаго мерина, по родословному имени Мужика I, прозваннаго по-уличному Холстомѣромъ «за длинный и размашистый ходъ, равнаго которому не было въ Россіи», и жизнь одного изъ его хозяевъ,

большого барина, гусара князя Серпуховского. Если уж говорить о беспощадности Толстого в писании земных «историй», то, несомненно, он тут беспощаднее всего. Меринъ, бывшая знаменитость, доживает свой векъ въ табунѣ на барскомъ дворѣ въ ничтожествѣ и одиночествѣ. «Бываетъ старость величественная, бываетъ гадкая, бываетъ жалкая старость. Бываетъ и гадкая и величественная вмѣстѣ. Старость пѣгаго мерина была именно такого рода... Было что-то величественное въ фигурѣ этой лошади и было что-то страшное — въ соединеніи съ этой величественностью отталкивающихъ признаковъ дряхлости, усиленной пестротою шерсти, и пріемовъ и выраженія самоувѣренности и спокойствія, сознательной красоты и силы.» Это была «живая развалина», которую молодые лошади мучили всякими своими злыми забавами и шутками: «Онъ былъ старъ, онѣ были молоды; онъ былъ худъ, онѣ были сыты; онъ былъ скучень, онѣ были веселы. Стало быть, онъ былъ совсѣмъ чужой, посторонній, совсѣмъ другое существо, и нельзя было жалѣть его. Лошади жалѣютъ только самихъ себя и изрѣдка только тѣхъ, въ шкурѣ кого онѣ себя легко могутъ представить...» И вотъ онъ все таки рассказываетъ по ночамъ этимъ молодымъ лошадямъ исторію своей прежней жизни, своей долгой службы людямъ, — которые говорили про него «моя лошадь», что сначала казалось ему также странно, какъ слова: «моя земля, мой воздухъ, моя вода», — службы, кончившейся тѣмъ, что гусаръ загналъ его. Онъ «ничего и никого никогда не любилъ», но въ немъ мерину «нравилось именно то, что онъ

былъ красивъ, счастливъ, богатъ и потому никого не любилъ». Меринъ говоритъ про него: «Его холодность, моя зависимость отъ него придавали особенную силу моей любви къ нему. Убей, загони меня, думалъ я, бывало, въ наши счастливыя времена, — я тѣмъ буду счастливѣе.» И гусарь загналъ его. «Любовница у него была красавица, и онъ былъ красавецъ, и кучеръ у него былъ красавецъ.» И когда любовница сбѣжала отъ него, онъ въ погоню за ней загналъ мерина. Но своей жизнью загналъ онъ и себя. Когда, лѣтъ черезъ пятнадцать, пріѣхалъ онъ однажды въ гости какъ разъ къ тому барину, который былъ послѣднимъ хозяиномъ Холстомбра, уже былъ онъ тоже развалиной:

— Пріѣзжай, Никита Серпуховской, былъ человекъ лѣтъ за сорокъ, высокій, толстый, плѣшивый, съ большими усами и банкенбардами. Онъ долженъ былъ быть очень красивъ. Теперь онъ опустился, видимо, физически и морально и денежно...

— Онъ былъ одѣтъ въ военный китель и синія штаны. Китель и штаны были такіе, какихъ бы никто себѣ не сдѣлалъ, кромѣ богача; бѣлье тоже; часы тоже были англійскіе. Сапоги были на какихъ-то чудныхъ, въ палецъ толщины, подошвахъ.

— Никита Серпуховской промоталъ въ жизни состояніе въ два милліона и остался еще долженъ 120 тысячъ. Отъ такого куска всегда остается размахъ жизни, дающій кредитъ и возможность почти роскошно прожить еще лѣтъ десять.

— Лѣтъ десять уже проходили, и размахъ кончался, и Никитѣ становилось грустно жить...

А хозяинъ былъ молодъ, крѣпокъ, богатъ, «одинъ изъ тѣхъ, которые никогда не переводятся, ѣздятъ въ собольихъ шубахъ, бросаютъ дорогіе букеты актрисамъ, пьютъ вино самое дорогое съ самой новой маркой, въ самой дорогой гостиницѣ, содержатъ самую дорогую любовницу...» Хозяинъ хвастался Серпуховскому своимъ счастьемъ, богатствомъ, навязывалъ ему взять въ запасъ побольше дорогихъ сигаръ, ставя его тѣмъ въ неловкое и оскорбительное положеніе; они говорили весь вечеръ, какъ будто равные, про лошадей, про женщинъ, — «у кого какая: цыганка, танцовщица, французенка», но имъ было скучно слушать другъ друга, — каждый хотѣлъ говорить только про себя. Поздно ночью они наконецъ разошлись.

— Хозяинъ лежалъ съ любовницей. — Нѣтъ онъ невозможенъ. Напился и вретъ, не переставая...

— И за мной ухаживаетъ.

— Я боюсь — будетъ просить денегъ.

Серпуховскій лежалъ нераздѣтый на постели и стдувался.

— Кажется, я много вралъ, — подумалъ онъ. — Ну, все равно! Вино хорошо, но свинья онъ большая. Купеческое что-то. И я свинья большая, — сказалъ онъ самъ себѣ и захохоталъ...

— Онъ сѣлъ, снялъ китель, жилетъ и штаны стопталъ съ себя кое-какъ; но сапогъ долго не могъ стащить, — брюхо мягкое мѣшало. Кое-какъ стащилъ одинъ, другой, бился, бился, запыхался и усталъ. И такъ, съ ногой въ голенищѣ, повалился и захрапѣлъ,

наполняя всю комнату запахомъ табаку, вина и грязной старости...

Старого Холстомъра, опаршивѣвшаго отъ коросты, зарѣзали за усадьбой въ лошинѣ за кирпичнымъ сараемъ, и драчь снялъ съ него его старую шкуру.

— Табунъ проходилъ вечеромъ горой, и тѣмъ, которые шли съ лѣваго края, видно было что-то красное внизу, около чего возились хлопотливо собаки и перелетали вороны и коршуны...

И ритмически, торжественно кончается эта страшная «исторія лошади»:

— На зарѣ въ оврагѣ стараго лѣса, въ заросшемъ низу на полянкѣ, радостно выли головастые волченята. Ихъ было пять: четыре почти равныя, а одинъ маленькій съ головой больше туловища. Худая линявшая волчица, волоча полное брюхо съ отвисшими сосками по землѣ, вышла изъ кустовъ и сѣла противъ волченятъ. Волченята полукругомъ стали противъ нея. Она подошла къ самому маленькому и, опустивъ колѣно и перегнувъ морду книзу, сдѣлала нѣсколько судорожныхъ движеній и, открывъ зубастый зѣвъ, натужилась и выхаркнула большой кусокъ конины. Волченята побольше сунулись къ ней, но она угрожающе двинулась къ нимъ и предоставила все маленькому. Маленькій, какъ бы гнѣваясь, рыча, ухватилъ конину подъ себя и сталъ жрать. Такъ же выхаркнула волчица и другому, и третьему, и всѣмъ пятерымъ и тогда легла противъ нихъ, отдыхая.

— Черезъ недѣлю валялись у кирпичнаго сарая

только большой черепъ и два маслака; остальное все было растаскано. На лѣто мужикъ, собиравшій кости, унесъ и эти маслаки и черепъ и пустилъ ихъ въ дѣло.

— *Ходившее по свѣту, ѣвшее и пившее мертвое тѣло* Серпуховскаго убрали въ землю гораздо послѣ. Ни кожа, ни мясо, ни кости его никуда не пригодились.

— А какъ уже 20 лѣтъ всѣмъ въ великую тягость было его ходившее по свѣту мертвое тѣло, такъ и уборка этого тѣла въ землю была только лишнимъ затрудненіемъ для людей. Никому ужъ онъ давно былъ не нуженъ, всѣмъ ужъ давно онъ былъ въ тягость, но все-таки *мертвые, хоронящіе мертвыхъ*, нашли нужнымъ одѣть это тотчасъ же загнившее пухлое тѣло въ хорошій мундиръ, въ хорошіе сапоги, уложить въ новый хорошій гробъ съ новыми кисточками на 4-хъ углахъ, потомъ положить этотъ новый гробъ въ другой, свинцовый и свезти его въ Москву и тамъ раскопать давнишнія людскія кости и именно туда спрятать это гніющее, кишачее червями тѣло въ новомъ мундирѣ и вычищенныхъ сапогахъ и засыпать все землей...

Эта «исторія лошади» есть, такъ сказать, исторія смерти мертвыхъ.

Алдановъ въ своей книгѣ «Загадка Толстого» перечисляетъ количество смертей въ его произведеніяхъ и недоумѣнно спрашиваетъ: зачѣмъ собралъ Толстой за свою долгую художественную жизнь такой огромный художественный матеріалъ на тему

смерти? «Если мыслимо создать философію смерти, ее долженъ былъ создать Толстой. Но онъ не воспользовался для этическихъ обобщеній богатствами своей сокровищницы. Толстой не обмолвился ни словомъ о разорванномъ бомбой Курагинъ, ни о заръзанной мужемъ Позднышевой, ни о барынъ, которую изъѣла чахотка въ «Трехъ смертяхъ»... Естествоиспытатель сдѣлалъ свое дѣло. Философъ прошелъ мимо.» Читаешь — и глазамъ не вѣришь. Выходитъ какъ будто такъ, что Толстой долженъ быть чуть не каждую смерть, написанную имъ, сопровождать этическими обобщеніями, философіей, а онъ межъ тѣмъ будто бы даже *никогда* этого не дѣлалъ. Слишкомъ по разному читаемъ мы съ Алдановымъ «Три смерти», «Холстомъра»...

Картины смертей въ «Войнѣ и мирѣ» открываются язычески величавой картиной смерти стараго графа Безухова, наивысшей разновидности «Холстомъровъ». Потомъ идетъ смерть «маленькой княгини». Это — предѣлъ человѣческой печали и нѣжности къ безвиннымъ жертвамъ смерти. Смерти этой предшествуютъ роды: вотъ они начались и длятся — зимній, бурный, темный вечеръ въ снѣжныхъ глухихъ поляхъ; въ старомъ полутемномъ домѣ усадьбы стараго князя Болконскаго зажжены передъ нѣотомъ, въ помощь страждущей роженицѣ, обвитыя золотомъ вѣнчальныя свѣчи, всюду тишина, ожиданіе — все «наготовѣ чего-то», у всѣхъ «какая-то общая забота, смягченность сердца и сознаніе чего-то великаго, непостижимаго, совершающагося въ эту минуту... Про-

шелъ вечеръ, наступила ночь. Тайнство торжественнѣйшее въ мірѣ продолжало совершаться. И чувство ожиданія и смягченія сердечнаго передъ непостижимымъ не падало, а возвышалось. Никто не спалъ...» Говорятъ ли такъ «естествоиспытатели»? Если для Толстого рожденіе человѣка есть «тайнство торжественнѣйшее въ мірѣ», какъ можетъ быть для него не тайнствомъ смерть человѣка, если только человѣкъ не умеръ еще при жизни, если только онъ не «ходячее тѣло», подобно Курагинымъ и Серпуховскимъ? Давъ земному міру новую человѣческую жизнь, маленькая княгиня умерла.

— Князь Андрей вошелъ въ комнату жены. Она мертвая лежала въ томъ же положеніи, въ которомъ онъ видѣлъ ее пять минутъ тому назадъ, и то же выраженіе, несмотря на остановившіеся глаза и на блѣдность щекъ, было на этомъ прелестномъ дѣтскомъ личикѣ съ губкой, покрытой черными волосиками.

«Я васъ всѣхъ люблю и никому дурного не дѣлала, и что вы со мной сдѣлали?» говорило ее прелестное, жалкое, мертвое лицо.

— Черезъ три дня отпѣвали маленькую княгиню, и, прощаясь съ нею, князь Андрей взошелъ на ступени гроба. И въ гробу было то же лицо, хотя и съ закрытыми глазами. «Ахъ, что вы со мной сдѣлали?» все говорило оно...

Дальше — знаменитое «небо надъ аустерлицкимъ полемъ», первый порогъ «исхода» изъ земнаго міра князя Андрея, его «освобожденія».

— Князь Андрей не видалъ, чѣмъ это кончилось (рукопашная схватка русскаго артиллериста съ двумя французами)... «Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются», подумалъ онъ и упалъ на спину... Надъ нимъ не было ничего уже, кромѣ неба — высокаго неба, не яснаго, но все таки неизмѣримо высокаго, съ тихо ползущими по немъ сѣрыми облаками. «Какъ тихо! спокойно и торжественно, совсѣмъ не такъ, какъ я бѣжалъ», подумалъ князь Андрей, «не такъ, какъ мы бѣжали, кричали и дрались... совсѣмъ не такъ ползуть облака по этому высокому безконечному небу. Какъ же я не видалъ прежде этого высокаго неба? И какъ я счастливъ, что я узналъ его наконецъ. Да, все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ него. Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія. И слава Богу...

— На Праценской горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ съ древкомъ знамени въ рукахъ, лежалъ князь Андрей Болконскій, истекая кровью и, самъ не зная того, стоналъ тихимъ, жалостнымъ и дѣтскимъ стономъ.

Къ вечеру онъ пересталъ стонать и совершенно затихъ. Онъ не зналъ, какъ долго продолжалось его забытье. Вдругъ онъ опять почувствовалъ себя живымъ и страдающимъ отъ жгучей и разрывающей что-то боли въ головѣ.

«Гдѣ оно, это высокое небо, которое я не зналъ до сихъ поръ и увидалъ нынче?» было первою его мыслью. «И страданія этого я не зналъ также», по-

думалъ онъ. «Да, я ничего, ничего не зналъ до сихъ поръ. Но гдѣ я?»

Онъ сталъ прислушиваться и услыхалъ звуки приближающагося топота лошадей и звуки голосовъ, говорившихъ по французски... Подъѣхавшіе верховые были Наполеонъ, сопровождаемый двумя адъютантами...

— *Voilà une belle mort*, — сказалъ Наполеонъ, глядя на Болконскаго.

Князь Андрей понялъ, что это было сказано о немъ и что говорить это Наполеонъ... Но онъ слышалъ эти слова какъ-бы онъ слышалъ жужжаніе мухи... Ему жгло голову, онъ чувствовалъ, что онъ исходитъ кровью, и онъ видѣлъ надъ собою далекое, высокое и вѣчное небо. Онъ зналъ, что это былъ Наполеонъ — его герой, но въ эту минуту Наполеонъ казался ему столь маленькимъ, ничтожнымъ человекомъ въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило теперь между его душой и этимъ высокимъ, безконечнымъ небомъ съ бѣгущими по немъ облаками... онъ радъ былъ только тому, что остановились надъ нимъ люди, и желалъ только, чтобъ эти люди помогли ему и возвратили бы его къ жизни, которая казалась ему столь прекрасной, *потому что онъ такъ иначе понималъ ее теперь...*

— Глядя въ глаза Наполеону, князь Андрей думалъ о ничтожествѣ величія, о ничтожности жизни, которой никто не могъ понять значенія, и о еще большемъ ничтожествѣ смерти, смыслъ которой никто не могъ понять и объяснить изъ живущихъ.

XVIII

И вотъ наконецъ второе и послѣднее «освобожденіе» князя Андрея.

— Князь Андрей не только зналъ, что онъ умретъ, но онъ чувствовалъ, что онъ умираетъ, что онъ уже умеръ наполовину. Онъ испыталъ сознаніе отчужденности отъ всего земного и радостной и странной легкости бытія. Онъ, не торопясь и не тревожась, ожидалъ того, что предстояло ему. *То грозное, вѣчное, невѣдомое и далекое, присутствіе котораго онъ не переставалъ ощущать въ продолженіи всей своей жизни*, теперь для него было близкое и — по той странной легкости бытія, которую онъ испыталъ — почти понятное и ощущаемое...

Прежде онъ боялся конца. Онъ два раза испыталъ это страшно-мучительное чувство страха смерти, конца, и теперь уже не понималъ его.

Первый разъ онъ испыталъ это чувство тогда, когда граната волчкомъ вертѣлась передъ нимъ (на Аустерлицкомъ полѣ), и онъ смотрѣлъ на жнивье, на кусты, на небо, и зналъ, что передъ нимъ была смерть. Когда онъ очнулся послѣ раны и въ душѣ его, мгновенно, какъ бы освобожденный отъ удержи-

вавшего его гнета жизни, распустился этот цвѣтокъ любви вѣчной, свободной, не зависящей отъ этой жизни, онъ уже не боялся смерти и не думалъ о ней.

Чѣмъ больше онъ въ тѣ часы страдальческаго уединенія и полубреда, которые онъ провелъ послѣ своей раны, вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе онъ, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви значило — никого не любить, значило — не жить этой земной жизнью. И чѣмъ больше онъ проникался этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая (безъ любви) стоитъ между жизнью и смертью.

Но послѣ той ночи въ Мытищахъ, когда въ полубреду передъ нимъ явилась та, которую онъ желалъ, и когда онъ, прижавъ къ своимъ губамъ ея руку, заплакалъ тихими, радостными слезами, любовь къ одной женщинѣ незамѣтно закралась въ его сердце и опять привязала его къ жизни. И радостныя, и тревожныя мысли стали приходить ему.

Болѣзнь его шла своимъ физическимъ порядкомъ, но то, что Наташа называла: *это сдѣлалось съ нимъ**, случилось съ нимъ за два дня передъ прїѣздомъ княжны Марьи. Это была послѣдняя нравственная борьба между жизнью и смертью, въ которой смерть одержала побѣду. Это было неожиданное сознание того, что онъ еще дорожилъ жизнью, пред-

* Курсивъ Толстого.

ставлявшюся ему въ любви къ Натанѣ, и послѣдній, покоренный припадокъ ужаса передъ невѣдомымъ.

Это было вечеромъ. Онъ былъ, какъ обыкновенно послѣ обѣда, въ легкомъ лихорадочномъ состояннн, и мысли его были чрезвычайно ясны. Соня сидѣла у стола. Онъ задремалъ. Вдругъ ощущение счастья охватило его.

«А, это она вошла!» подумалъ онъ.

Дѣйствительно, на мѣстѣ Сони сидѣла только что неслышными шагами вошедшая Наташа.

Съ тѣхъ поръ, какъ она стала ходить за нимъ, онъ всегда испытывалъ это физическое ощущение ея близости. Она сидѣла на креслѣ бокомъ къ нему, заслоняя собой отъ него свѣтъ свѣчи, и вязала чулокъ.

«Могло или не могло быть?» думалъ онъ теперь, глядя на нее и прислушиваясь къ легкому стальному звуку спицы. «Неужели только затѣмъ такъ странно свела меня съ нею судьба, чтобы мнѣ умереть? Неужели мнѣ открылась истина жизни только для того, чтобы я жилъ во лжи? Я люблю ее больше всего въ мнрѣ. Но что же дѣлать мнѣ, ежели я люблю ее?» сказалъ онъ, и онъ вдругъ невольно застоналъ по привычкѣ, которую онъ пріобрѣлъ во время своихъ страданнй.

Услыхавъ этотъ звукъ, Наташа положила чулокъ, перешнула ближе къ нему и вдругъ, замѣтивъ его свѣтящися глаза, подошла къ нему легкимъ шагомъ и нагнулась.

— Вы не спите?

— Нѣтъ, я давно смотрю на васъ; я почувствовалъ, когда вы вошли... Никто, какъ вы, не даетъ мнѣ той мягкой тишины... того свѣта. Мнѣ такъ и хочется плакать отъ радости.

Наташа ближе придвинулась къ нему. Лицо ея сіяло восторженною радостью.

— Наташа, я слишкомъ люблю васъ. Больше всего на свѣтѣ.

— А я? — она отвернулась на мгновеніе. — Отчего же слишкомъ? — сказала она.

— Отчего слишкомъ? Ну, какъ вы думаете, какъ вы чувствуете по душѣ, буду я живъ? Какъ вамъ кажется?

— Я увѣрена, я увѣрена! — почти вскрикнула Наташа, страстнымъ движеніемъ взявъ его за обѣ руки.

Онъ помолчалъ.

— Какъ бы хорошо! — И, взявъ ея руку, онъ поцѣловалъ ее.

...Скоро послѣ этого онъ закрылъ глаза и заснулъ. Онъ спалъ недолго и вдругъ въ холодномъ поту тревожно проснулся.

Засыпая, онъ думалъ все о томъ же, о чемъ онъ думалъ все это время, — о жизни и смерти. И больше о смерти. Онъ чувствовалъ себя ближе къ ней.

«Любовь? Что такое любовь?» думалъ онъ.

«Любовь не понимаетъ смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существуетъ толь-

ко потому, что я люблю. Все связано одною ея. Любовь есть Богъ, и умереть — значить мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику.» Но это были только мысли. Чего-то недоставало въ нихъ, что-то было односторонне-личное, умственное — не было очевидности. И было то же безпокойство и неясность. Онъ заснулъ.

Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ лежитъ въ той же комнатѣ, въ которой лежалъ въ дѣйствительности, но что онъ не раненъ, а здоровъ. Много разныхъ лицъ, ничтожныхъ, равнодушныхъ, являются передъ княземъ Андреемъ. Онъ говоритъ съ ними, споритъ о чемъ-то ненужномъ. Они собираются ѣхать куда-то. Князь Андрей смутно припоминаетъ, что все это ничтожно и что у него есть другія важнѣйшія заботы, но продолжаетъ говорить, удивляя ихъ, какія-то пустыя, остроумныя слова. Понемногу, незамѣтно всѣ эти лица начинаютъ исчезать, и все замѣняется однимъ вопросомъ о затворенной двери. Онъ встаетъ и идетъ къ двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Отъ того, что онъ успѣетъ или не успѣетъ запереть ее, зависитъ все. Онъ идетъ, спѣшитъ, ноги его не двигаются, и онъ знаетъ, что не успѣетъ запереть дверь, но все-таки болѣзненно напрягаетъ всѣ свои силы. И мучительный страхъ охватываетъ его. И этотъ страхъ есть страхъ смерти: за дверью стоитъ оно*. Но въ то же время, какъ онъ безсильно-неловко подползаетъ къ двери, это что-то ужасное, съ другой стороны уже, надавливая, ломится въ нее.

* Курсивъ Толстого.

Что-то нечеловѣческое — смерть — ломится въ дверь, и надо удержать ее. Онъ ухватывается за дверь, напрягаетъ послѣднія усилія — запереть ужь нельзя — хотъ удержать ее; но силы его слабы, не ловки, и надавливаемая ужаснымъ усиліемъ дверь отворяется и опять затворяется.

Еще разъ оно надавило оттуда. Послѣднія сверхъестественныя усилія тщетны, и обѣ половинки отворились беззвучно. Оно вышло, и оно есть смерть. И князь Андрей умеръ.

Но въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, князь Андрей вспомнилъ, что онъ спитъ, и въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, проснулся.

«Да, это была смерть. Я умеръ — я проснулся. Да, смерть — пробужденіе», вдругъ просвѣтлѣло въ его душѣ, и завѣса, скрывавшая до сихъ поръ не вѣдомое, была приподнята передъ его душевнымъ взоромъ. Онъ почувствовалъ какъ бы освобожденіе *прежде связанной въ немъ силы* и ту странную легкость, которая съ тѣхъ поръ не оставляла его.

Когда онъ, очнувшись въ холодномъ поту зашевелился на диванѣ, Наташа подошла къ нему и спросила, что съ нимъ. Онъ не отвѣтилъ ей и, не понимая ее, посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ.

Это и было то, что случилось съ нимъ за два дня до пріѣзда княжны Марьи...

Съ этого началось для князя Андрея вмѣстѣ съ пробужденіемъ отъ сна пробужденіе отъ жизни...

Послѣдніе дни и часы его прошли обыкновенно

и просто. И княжна Марья и Наташа, не отходившія отъ него, чувствовали это. Онѣ не плакали, не содрогались и послѣднее время, сами чувствуя это, ходили уже не за нимъ (его уже не было, онѣ ушелъ отъ нихъ), а за самымъ близкимъ воспоминаемъ о немъ — за его тѣломъ...

Онѣ обѣ видѣли, какъ онѣ глубже и глубже, медленно и спокойно опускался отъ нихъ куда-то туда, и обѣ знали, что это такъ должно быть и что это хорошо...

XIX

Онъ записалъ однажды:

— На меня смерть близкихъ никогда не дѣйствуетъ очень больно.

Это было записано уже въ старости, послѣ многихъ смертей близкихъ. Не поэтому-ли и записано такъ, — не отъ притупленія-ли чувствъ, не отъ привычки-ли къ боли всякихъ жизненныхъ потерь? Но онъ выражался всегда очень обдуманно, очень точно, онъ не написалъ-бы даромъ слово «никогда». Какъ же объяснить, что смерть близкихъ никогда не дѣйствовала на него очень больно? Известно, какой душевный хладъ и ужасъ испытывалъ онъ, теряя сперва одного брата, потомъ другого, что чувствовалъ Левинъ, когда умиралъ его братъ Николай: его въ эти дни спасала только Кити, только ощущение близости съ ея молодой жизнью и любовью и его собственная любовь къ ней. И вотъ все таки онъ говоритъ, что терять близкихъ было ему «не очень больно». И это «не очень больно» кажется на первый взглядъ странно. «Я всегда какъ-то физически чувствую людей», говорилъ онъ про себя (давая этимъ прекрасный поводъ къ сугубой убѣжденности

тупыхъ людей въ ихъ мнѣніи, что ему доступна бы-
да только «плоть» міра). Но и все чувствовалъ онъ
«физически», то есть всѣмъ своимъ существомъ, съ
необыкновенной остротой. А чувствованіе смерти,
всего ея тѣлеснаго и духовнаго процесса было въ
немъ обострено особенно, — это законъ: «сте-
пень чувства жизни пропорціонально степени чув-
ства смерти», — и никогда не оставляло его. Какъ
же въ такомъ случаѣ «не очень больно» было ему
возлѣ умиравшихъ близкихъ? А межъ тѣмъ такъ
именно и было, — вѣрнѣе, почти такъ. «Не очень
больно» перенесъ онъ смерть своего любимаго сына,
маленькаго Ванички, потомъ самой любимой доче-
ри, Маши.

Въ воспоминаніяхъ Александры Львовны ска-
зано:

— Маша угасала. Я вспомнила Ваничку, на ко-
торого она теперь была особенно похожа... Тихо, без-
звучно входилъ отецъ, бралъ ея руку, цѣловалъ въ
лобъ... Когда она кончалась, всѣ вошли въ комнату.
Отецъ сѣлъ у кровати и взялъ Машу за руку...

При выносѣ тѣла изъ дома, онъ проводилъ
гробъ только до воротъ — и пошелъ назадъ, въ домъ...

Объ этомъ удивительно разсказалъ Илья Льво-
вичъ:

— Когда понесли гробъ въ церковь, онъ одѣл-
ся и пошелъ провожать. У каменныхъ столбовъ онъ
остановилъ насъ, простился съ покойницей и пошелъ
по прищепку домой. Онъ шелъ по тающему мокро-
му снѣгу частой старческой походкой, какъ всегда

рѣзко выворачивая носки ногъ, и ни разу не оглянулся...

Въ 1903 г. онъ записалъ:

— Странія, — всегда неизбѣжныя, какъ смерть, — разрушаютъ границы, стѣсняющія нашъ духъ и возвращаютъ насъ, — уничтожая обольщенія матеріальности, — къ свойственному человѣку пониманію своей жизни какъ существа духовнаго, а не матеріальнаго...

Писалъ и говорилъ то же самое не одинъ разъ и раньше и позже:

— Думаютъ, что болѣзнь — пропащее время. Говорятъ: «вотъ выздоровлю — и тогда...» А болѣзнь самое важное время...

Вспоминая самые трудные часы своихъ собственныхъ тяжелыхъ болѣзней, умилялся:

— Эти дорогія мнѣ минуты умиранія!

И про дочь писалъ такъ:

— 26 ноября 1906 г. Сейчасъ часъ ночи. Скончалась Маша. Странное дѣло, я не испытывалъ ни ужаса, ни страха, ни сознанія совершавшагося чего-то исключительнаго, ни даже жалости, горя. Я какъ будто считалъ нужнымъ вызвать въ себѣ особенное чувство умиленія, горя и вызвалъ его, но въ глубинѣ души я былъ покоенъ... Да, это событіе въ области тѣлесной, и потому безразличное. Смотрѣлъ я все время на нее, когда она умирала, удивительно спокойно. Для меня она была раскрывающееся передъ моимъ раскрываніемъ существомъ. Я слѣдилъ за его раскрываніемъ, и оно радостно было мнѣ. Но вотъ раскрываніе это въ доступной мнѣ области пре-

кратилось, то есть мнѣ перестало быть видно это раскрываніе; но то, что раскрывалось, то есть. Гдѣ? Когда? Это вопросы, относящіеся къ процессу раскрыванія здѣсь и не могущіе быть отнесены къ истинной — внѣпространственной и внѣвременной — жизни.

И въ послѣдствіи, вспоминая ее:

— Живу и часто вспоминаю послѣднія минуты Маши (не хочется называть ее Машей, такъ не идетъ это простое имя къ тому существу, которое ушло отъ меня). Она сидитъ обложенная подушками, я держу ее худую и милую руку и чувствую, какъ уходитъ жизнь, какъ она уходитъ. Эти четверть часа одно изъ самыхъ важныхъ, значительныхъ временъ моей жизни...

XX

«Чего я тоскую, чего боюсь? — Меня, неслышно отвѣчаетъ голосъ смерти. Я тутъ. — Морозъ подралъ мнѣ по кожѣ. Да, смерти. Она придетъ, она — вотъ она, а ея не должно быть».

И вотъ вся жизнь отдается на пріобрѣтеніе наиболѣе полнаго чувства, что не только «ея не должно быть», но что и нѣтъ ея.

Какъ такъ нѣтъ? На этотъ вопросъ былъ отвѣтъ даже и тогда, — ночью въ Арзамасѣ

«Кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно».

Въ ту ночь онъ чувствовалъ: «Я надоѣлъ себѣ, несносенъ, мучителенъ себѣ». Но какой «я»? Такой, какой жилъ жизнью «умирающей», а не вѣчно живущей, внѣпространственной, внѣвременной. Онъ былъ въ отчаяніи: «Не могу уйти отъ себя!» Онъ какого «себя»? Отъ временнаго и тѣлеснаго. А уйти, «освободиться» было необходимо: иначе «ужасъ — красный, бѣлый, квадратный», иначе «злоба на себя и на то, что меня сдѣлало», то есть «злоба» на Самого Творца, давшего это временное и тѣлесное существованіе, которое безъ преодоленія «подчиненія», коему въ той или иной мѣрѣ подвержены всѣ зем-

ныя существа, безъ стремленія къ «освобожденію», безъ все растущаго чувства возврата къ Творцу, близости и единства съ Нимъ и безъ радости ощущенія Его благой воли, коей во всемъ надо подчиняться безъ всякаго мудрствованія и прекословія, есть непремѣнно злоба, ужась, смерть, «умирающая жизнь».

И вотъ начинается уже непрестанная борьба съ этой «умирающей жизнью».

— Ученіе Церкви о безсмертности личной жизни навѣки закрѣпляетъ личность... А Христось звалъ жить не для своей личности...

Это писалось въ пору «Исповѣди» и «Въ чемъ моя вѣра». И, отмѣчая эту пору, Маклаковъ говоритъ:

— Въ этихъ двухъ книгахъ — вся сущность толстовскаго ученія... Церковь отрицаетъ конечность человѣческой жизни, вѣритъ въ загробную, то есть безконечную жизнь. А Толстой искалъ смысла той жизни, которая кончается смертью, ибо, какъ человекъ невѣрующій, онъ въ смерти видѣлъ полный конецъ. Искать и нашелъ: вся бѣда въ томъ, что я жилъ дурно, сказалъ онъ себѣ; жизнь кончающаяся смертью, обрѣтаетъ смыслъ только при исполненіи двухъ заповѣдей: не противиться злему и живи для ближняго, а не для своей личности...

И Маклаковъ утверждаетъ:

— «Въ чемъ моя вѣра» есть завершеніе міровоззрѣнія Толстого...

«Завершеніе»! Маклаковъ точно и въ глаза никогда не видалъ послѣдующихъ толстовскихъ записей.

«Толстой, какъ человекъ невѣрующій, видѣлъ въ смерти полный конецъ.» На чемъ основано это утверждение? И на томъ, что «самъ Толстой говорилъ мнѣ не разъ», и на томъ, думаю, что Толстой писалъ, на примѣръ, такъ:

— Будущая жизнь — бессмыслица...

Это какъ будто совершенно подкрѣпляетъ утверждение Маклакова. Но чѣмъ кончена эта фраза о будущей жизни, — какъ читается она полностью?

— Будущая жизнь — бессмыслица: жизнь вѣременна.

И что еще писалъ Толстой въ эту же пору?

— Мы истинно живемъ ни въ прошломъ и ни въ будущемъ, которыхъ нѣтъ, а только въ настоящемъ: пространство и время — условность.

— Встрѣтился на дорогѣ съ сумасшедшимъ. Прощаясь съ нимъ, говорю: ну, прощай, на томъ свѣтѣ увидимся. А онъ мнѣ: какой такой тотъ свѣтъ? Свѣтъ одинъ. — Это мнѣ очень понравилось!

Онъ «не вѣрилъ въ безсмертіе»? Но въ какое?

— Какъ ни желательно безсмертіе души, его нѣтъ и не можетъ быть, потому что нѣтъ души, есть только сознаніе Вѣчнаго (Бога).

— Смерть есть прекращеніе, измѣненіе той формы сознанія, которая выражалась въ моемъ человеческомъ существѣ. Прекращается сознаніе, но то, что сознавало, неизмѣнно, потому что вѣ времени и пространства... Если есть безсмертіе, то только въ безличности... Божеское начало опять проявится въ личности, но это будетъ уже не та личность. Какая? Гдѣ? Какъ? Это дѣло Божье.

— Чтобы вѣрить въ безсмертіе, надо жить безсмертной жизнью здѣсь.

— Смерть есть перенесеніе себя изъ жизни мірской (то есть временной) въ жизнь вѣчную здѣсь, теперь, которое я (уже) испытываю.

Что значитъ «смерть» въ этой фразѣ? Есть-ли это то, что обычно называется смертью и что онъ и самъ разумѣлъ когда-то подъ этимъ словомъ? Уже совсѣмъ не то. Это живой и радостный возвратъ изъ земнаго, временнаго, пространственнаго въ неземное, вѣчное, безпредѣльное, въ лоно Хозяина и Отца, бытіе котораго совершенно несомнѣнно.

Алдановъ начинаетъ свою книгу о Толстомъ извѣстной цитатой изъ Канта: «двѣ вещи наполняютъ мой духъ вѣчно новымъ и все большимъ благоговѣніемъ — звѣздное небо надо мной, нравственный законъ во мнѣ». Алдановъ говоритъ, что если раздѣлить эту формулу, выражающую идею совершеннаго гармоническаго человѣка, на двѣ части, то нужно будетъ отнести первую часть къ язычнику Гете, а вторую къ христіанину Толстому. Для Толстого, говоритъ Алдановъ, существуетъ только нравственный законъ: «das ewig Eine», которому всю жизнь «удивлялся» Гете, это «звѣздное небо» Канта, въ толстовствѣ не имѣетъ мѣста.

Чѣмъ же доказываетъ Алдановъ свою мысль? «Толстой говоритъ о наукѣ не какъ философъ, а какъ иолемистъ.. Для Толстого «туманные пятна», «спектральный анализъ звѣздъ», «химическій составъ Млечнаго Пути» никому ненужный профессорскій

вздоръ, равно какъ вздоръ и вся «научная наука», какъ онъ выражался, противопоставляя такой наукѣ науку «только дѣйствительно нужную людямъ», то-есть практическую и улучшающую жизнь людей». Но вѣдь «звѣздное небо» могло возбуждать въ Толстомъ и другія мысли и чувства, ничуть не связанные съ его презрѣніемъ къ профессорамъ, занятымъ изученіемъ химическаго состава Млечнаго Пути. И Алдановъ самъ подтверждаетъ это — тѣмъ, что говоритъ далѣе. Онъ приводитъ одну изъ причинъ вражды Толстого къ «научной наукѣ»: «выдумали, говоритъ Толстой, приборы для акциза, для нужниковъ, а прялка, ткацкій бабій станокъ, соха все такіе же, какъ были при Рюрикѣ»; но самъ же спрашиваетъ далѣе: «тутъ-ли однако надо искать настоящую причину антипатіи Толстого къ наукѣ?» — и отвѣчаетъ: Толстой приписывалъ себѣ невѣжество, а межъ тѣмъ «былъ однимъ изъ наиболее разносторонне ученыхъ людей нашего времени, только его универсально-анархическій умъ такъ же мало признавалъ суверенитетъ науки, какъ суверенитетъ государственной власти.» Почему-же такъ мало признавалъ? Тутъ Алдановъ самъ же говоритъ, что потому, «что для преодоленія науки Толстой рѣшился привлечь себѣ на помощь «точку зрѣнія вѣчности»: «Вы изобрѣли противодифтеритную сыворотку, вылечили ребенка? — говорилъ онъ. — Ну, а дальше что?» Онъ обращался когда-то къ Мопассану съ вопросомъ: «зачѣмъ все это?» — разумѣя подъ «всѣмъ этимъ» красоту и любовь въ пониманіи французскаго писателя, и отвѣчалъ: «Вѣдь это хорошо было-бы если-бы можно было остановить жизнь. А она идетъ. А что такое зна-

чить: идетъ жизнь? Идетъ жизнь — значитъ: волосы падаютъ, сѣдѣютъ, зубы потртыся, запахъ изо рта, морщины... Гдѣ-же то, чему я служилъ? Гдѣ же красота? А она — все. А нѣтъ ея — ничего нѣтъ», — говорилъ Толстой, становясь на точку зрѣнія Мопассановъ. — «Нѣтъ жизни. Но мало того, что нѣтъ жизни въ томъ, въ чемъ казалась жизнь, — самъ начинаешь уходить изъ нея, самъ старѣешь, дурѣешь, разлагаешься, другіе на твоихъ глазахъ выхватываютъ у тебя тѣ наслажденія, въ которыхъ было все благо жизни.» Какъ же связать съ этой выпиской Алдановымъ такой цитаты изъ Толстого съ его, Алданова, замѣчаніемъ, что «Толстой говоритъ о наукѣ не какъ философъ, а какъ полемистъ»? И что же такое «точка зрѣнія вѣчности», какъ не «звѣздное небо надо мною»? Выписавъ слова Толстого, обращенныя къ Мопассану, Алдановъ замѣчаетъ: «О томъ, въ чемъ видѣлъ Мопассанъ наслажденія, Толстой говорилъ со скорбнымъ презрѣніемъ состарившагося Эллина.» И дальше: «Съ точки зрѣнія вѣчности отнюдь не болѣе прочно все, что противопоставлено наукѣ. Гдѣ дуетъ вѣтеръ вѣчности тамъ любое человѣческое построеніе разсыпается, какъ карточный домъ, и само толстовство въ первую очередь. *Le silence éternel de ces espaces infinis m'effraie*, какъ сказалъ Паскаль». Но, возражу я Алданову, «*ces espaces*» вѣдь и есть «звѣздное небо». Правильно, что передъ ними «разсыпается всякое человѣческое построеніе». Только почему и само толстовство? Все дѣло въ томъ, какъ понимать Толстого. Толстой отъ ужаса передъ «*ces espaces*» все таки спасся.

Чѣмъ? Тѣмъ, чѣмъ «состарившійся эллинъ» не спасся бы. Въ томъ-то и дѣло, что Толстой никогда не былъ «эллиномъ».

Алдановъ вспоминаетъ слова Байрона, что «мысль есть ржавчина жизни», что «разсужденіе противно природѣ человѣка», что «разсужденіе — демонъ», говоритъ, что въ эпоху созданія «Войны и мира» Толстой былъ не далекъ отъ байроновскаго воззрѣнія, безсознательно, можетъ быть, слѣдовалъ инстинкту самосохраненія, смутно предвидѣлъ, куда, къ какимъ жертвамъ приведетъ его «демонъ» Байрона, и отмѣчаетъ противоположность двухъ семей — семьи Болконскихъ и семьи Ростовыхъ (иначе говоря, семьи Волконскихъ и семьи Толстыхъ): въ первой всегда у всѣхъ идетъ напряженная духовная работа, мысль, «разсужденіе», а во второй никогда и никто не мыслить; и что же? всѣ Болконскіе несчастны, а всѣ Ростовы блаженствуютъ. По мнѣнію Алданова, Толстой и самъ прекрасно зналъ это, Алдановъ видитъ одно изъ значеній «Войны и мира» въ томъ, что въ ней есть борьба Толстого противъ байроновскаго демона, борьба и за себя, какъ наследника Волконскихъ, и вообще за всѣхъ, этому демону преданныхъ: «Ахъ, душа моя, говоритъ Пьеру князь Андрей наканунѣ рокового для него дня Бородинской битвы, послѣднее время мнѣ стало тяжело жить. Я вижу, что сталъ понимать слишкомъ много. А не годится человѣку вкушать отъ древа познанія добра и зла.» Тутъ Алдановъ правъ. Но вѣдь не «вкушать» ни князь Андрей, ни самъ Толстой не могли. А это и вело и привело ихъ обоихъ къ «звѣздному небу».

XXI

«Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя.» Нѣтъ, не только вокругъ самого себя, но и вокругъ всего на свѣтѣ. И что же оказалось на свѣтѣ? Кромѣ одного того, «чѣмъ люди живы», все оказалось «не то» и «не такъ», и настало одиночество, котораго не бываетъ ни подъ землей, ни на днѣ морскомъ, говоря его собственными страшными словами.

Молчи, скрывайся и таи

И чувства и мечты свои, —

не разъ повторялъ онъ въ послѣдній годъ своей жизни.

Какія чувства и какія мечты? Отъ всѣхъ чувствъ и отъ всѣхъ мечтаній осталось теперь, на исходѣ жизни одно: «Помоги, Отецъ! Ненавижу свою поганую плоть, ненавижу себя (тѣлеснаго)... Всю ночь не спалъ. Сердце болитъ, не переставая. Молился, чтобы Онъ избавилъ меня отъ этой жизни... Отецъ покори, изгони, уничтожь поганую плоть. Помоги, Отецъ!»

Молитва — не просьба, любилъ онъ говорить. Но что же это, какъ не просьба? И сколько ихъ, этихъ просьбъ, въ его дневникахъ, особенно въ дневникѣ

1910 года? И къ кому онъ, эти просьбы? Къ какой-то «абстракціи», каковой, по общему мнѣнію, будто бы былъ для него Богъ? Но кто-же молится абстракціи? И можно-ли имѣть къ абстракціи столь живую, нѣжную, сыновнюю, радостно утѣшающую любовь, которая то и дѣло переполняла его душу въ самыя сокровенныя и жуткія минуты ея?

— Лежалъ, засыпая; вдругъ точно что то оборвалось въ сердцѣ. Подумалъ: такъ приходитъ смерть отъ разрыва сердца, и остался спокоенъ, — ни огорченья, ни радости, но блаженно спокоенъ; здѣсь ли тамъ ли, — я знаю, что мнѣ хорошо, — то, что должно, — какъ ребенокъ на рукахъ матери, подкинувшей его, не перестаетъ радостно улыбаться, зная, что онъ въ ея любящихъ рукахъ.

Князь Андрей спрашиваетъ:

— Чего ждать тамъ, за гробомъ?

Алдановъ, вспоминая этотъ вопросъ, говоритъ, что Толстой отвѣчаетъ на него такъ:

— Возвращенія къ Любви.

И это наводитъ Алданова на такія мысли:

— Одна изъ самыхъ страшныхъ фантазій Гойа изображаетъ судорожно искривленную руку, протянутую изъ-подъ камня пустынной могилы, отчаянно цѣпляющуюся за что-то — за пустоту; подпись гласитъ одно слово: Nada. Иичто... Подпись, сдѣланная Толстымъ, — возвращеніе къ Любви, — многоли она лучше, чѣмъ «Nada»? Можетъ быть, «черезъ двѣсти-триста лѣтъ», какъ говоритъ Вершининъ у

Чехова, наступить чередъ «толстовства». А дальше? А дальше все равно все пожретъ смерть...

Но, повторяю, какъ понимаетъ Алдановъ толстовство? По Маклакову, «Богъ былъ для Толстого только непонятная начальная сила; безсмертіе духа — простое признаніе факта, что наша духовная жизнь откуда-то появилась и, слѣдовательно, куда-то уйдетъ; а вѣдь вѣра есть не столько знаніе истины, сколько преданность ей, и Толстой самъ любилъ повторять эти слова Ивана Кирѣевскаго... Толстой пошелъ противъ Церкви, отвергнувъ религіозное міровозрѣніе, и пошелъ противъ міра, отвергнувъ взгляды міра на жизнь...» Такъ, очевидно, думаетъ и Алдановъ, хотя что же тогда оставляетъ онъ съ Маклаковымъ Толстому? Толстой отвергъ міровозрѣнія и міра и религіи? Но зачѣмъ-же отвергать міровозрѣнія міра, если отвергнуто міровозрѣніе религіозное? «Толстой повторялъ слова Кирѣевскаго.» Пусть повторялъ: духовно жилъ онъ все таки въ полной противоположности этимъ словамъ — именно «преданностью», а не «знаніемъ», о чемъ сказалъ еще въ «Исповѣди», отвергнувъ «знаніе» въ дѣлѣ вѣры. Nada! Для ума, разумѣется, Nada. Но люди находятъ спасеніе отъ смерти не умомъ, а чувствомъ.

— Никто же да убоится смерти: свободи бо насъ Спасова смерть...

— Смерти празднуемъ умерщвленіе.. инаго житія вѣчнаго начала...

Такъ поетъ Церковь, отвергнутая Толстымъ. Но пѣснопѣній вѣры (вѣры вообще) онъ не отвергалъ. Что освободило его? Пусть не «Спасова смерть». Все

же «праздноваль» онъ «Смерти умерщвленіе», чувство «инаго житія вѣчнаго» обрѣль. А вѣдь все въ чувствѣ. Не чувствую этого «Ничто» — и спасень.

«Въ будущую жизнь онъ вѣрилъ плохо», говоритъ Алдановъ. И приводитъ его собственные слова: «Какъ-то спросилъ себя: вѣрю ли я? И невольно отвѣтилъ, что не вѣрю въ опредѣленной формѣ...» Но вѣдь такъ говорилъ онъ только въ тѣ минуты, когда «спрашивалъ себя». Не эти минуты спасали его: спасали тѣ, когда онъ не спрашивалъ.

Мой старый другъ докторъ И. Н. Альтшуллеръ пишетъ мнѣ:

«Когда читалъ Ваши статьи о Толстомъ, вспомнилъ ночь въ Крыму, Гаспрѣ, когда я одинъ сидѣлъ около тяжело больного Льва Николаевича. Мы, врачи, тогда почти потеряли всякую надежду, и самъ онъ, по моему, убѣжденъ былъ въ неизбежности конца. Онъ лежалъ, и, казалось, былъ въ полузабытій съ очень высокой температурой, дышалъ очень поверхностно, и вдругъ слабымъ голосомъ, но отчетливо произнесъ: «Отъ Тебя пришелъ, къ Тебѣ вернись, прими меня, Господи, — произнесъ такъ, какъ всякій просто вѣрующій человекъ.»

Парижъ, 7. VII. 1937.